На крыльях мужества

Иван Григорьевич Драченко

SHOUT
SHARE
IT

- Драченко Иван Григорьевич

Драченко Иван Григорьевич
На крыльях мужества

Драченко Иван Григорьевич
На крыльях мужества

Аннотация издательства: Автор - прославленный летчик-штурмовик, Герой Советского Союза и полный кавалер ордена Славы, прошедший в жестоких боях от Курской дуги до Берлина, - с большой душевной теплотой пишет о своих фронтовых побратимах, с беззаветной храбростью сражавшихся в годы Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Вариант книги под названием "Ради жизни на земле" был выпущен издательством "Молодь" (Киев) в 1980 году. Для массового читателя.

Биографическая справка: ДРАЧЕНКО Иван Григорьевич, родился 15.11.1922 в селе Великая Севастьяновка ныне Христиновского района Черкасской области в семье крестьянина. Украинец. Член КПСС с 1944. Окончил среднюю школу и Ленинградский аэроклуб. В Советской Армии с апреля 1941. В 1943 окончил Тамбовскую военно-авиационную школу пилотов и направлен на фронт. Старший летчик 140-го гвардейского штурмового авиаполка (8-я гшад, 1-й гшак, 2-я воздушная армия, 1-й Украинский фронт), гвардии младший лейтенант. К августу 1944 совершил 100 боевых вылетов на разведку, уничтожение живой силы и техники противника. Участвовал в 14 воздушных боях. 14.8.43 при выполнении боевого задания был тяжело ранен. По излечении вернулся на фронт. Звание Героя Советского Союза присвоено 26.10.44. После окончания войны старший лейтенант Драченко - в отставке. Окончил юридический факультет Киевского университета в 1953, работал директором вечерней средней школы, заместитель директора Дворца культуры "Украина" в Киеве. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1 степени, орденами Красной Звезды, Славы 1, 2 и 3 степени, медалями. Сочинения: Ради жизни на земле. Киев, 1980. На крыльях мужества. М., 1986 и др. ("Герои Советского Союза". Краткий биографический справочник. Том 1. Андриянов)

С о д е р ж а н и е

Предисловие
Далекое-близкое
Жаркое лето
По кругам ада

Снова в строю
Под гвардейским знаменем
Вперед на Вислу!
Последний рубеж войны
Сохраните память о нас
Да, мы жестоки были на войне,
Да, мы врагу
За смерть платили смертью;
Там, под угрозой гибели, в огне,
Не оставалось места милосердью.
Чтобы сегодня и всегда жила
Под мирным небом молодость планеты,
Не падала под пулями в огне,
Не бинтовала в медсанбате раны...
Мы не жестоки были, а гуманны,
Врага уничтожая на войне.
В. Алатырцев
Предисловие

Пройдут годы, столетия, но никогда не забудется героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Из уст в уста, из поколения в поколение будут передаваться сказания о тех, кто в смертельном поединке с фашизмом отстоял свободу и независимость нашей многонациональной Родины.

Люди из легенды... Один из них - Иван Григорьевич Драченко, единственный летчик в Вооруженных Силах СССР - Герой Советского Союза и полный кавалер ордена Славы. Я знал много талантливых воздушных бойцов-штурмовиков, но И. Г. Драченко отличался особой смелостью, дерзостью, тактической грамотностью, несгибаемой волей и завидным самообладанием.

Прославленный пилот-штурмовик сражался на Курской дуге, участвовал в освобождении от фашистских захватчиков Украины, Молдавии, Румынии, Польши, Чехословакии, закончил войну в поверженном Берлине. В одном из ожесточенных боев он был подбит, его в бессознательном состоянии схватили гитлеровцы и отправили в концлагерь. Враги, подвергая советского летчика жестоким пыткам, унижениям, склоняли его перейти на сторону предателей Родины власовского отребья. Убедившись в тщетности своих попыток, они вырвали у И. Г. Драченко глаз, чтобы он никогда больше не смог подняться в небо.

Но мужественный лётчик бежал из плена и снова сел за штурвал грозного Ил-2, который фашисты прозвали "черной смертью", чтобы отомстить врагам.

Сделав 178 боевых вылетов, И. Г. Драченко вместе с боевыми

друзьями провел 24 воздушных боя, уничтожил 76 танков и бронетранспортеров, 37 артиллерийских орудий, 17 зенитных установок, 654 автомашины, 122 повозки с грузом, 7 складов с боеприпасами и имуществом, 6 железнодорожных эшелонов, 18 дотов, разбил 4 моста, сбил 5 и уничтожил 9 самолетов на вражеских аэродромах.

В своих воспоминаниях И. Г. Драченко рассказывает об участии своих однополчан летчиков-штурмовиков в борьбе с фашистскими захватчиками, об их исключительном героизме и мужестве при защите Родины, показывает, как росли и крепли крылья молодых воздушных бойцов.

Автор с любовью повествует о своих полковых побратимах, командирах и политработниках, об кх беззаветной преданности Отчизне, о жестоких боях, победах и горечи утрат, обнажает звериное лицо фашизма, его преступную идеологию. Книга И. Г. Драченко вызовет несомненный интерес как у тех, кто прошел суровое горнило войны, так и у нашей молодежи, уверенно принимающей эстафету от своих славных предшественников - ветеранов Великой Отечественной.

Герой Советского Союза

маршал авиации С. А. Красовский.

Далекое-близкое

Мы поднимались по щербатым ступенькам лестниц рейхстага, между колонн, чем-то напоминающих хребты давно вымерших динозавров. Повсюду следы пуль и глубокие росчерки осколков. На зубах неприятно хрустела пыль от тяжелого каменного тумана, медленно оседавшего на хаотическое нагромождение развалин. Колонны в сплошной вязи надписей. Писали всем, что попадало под руки: чернилами, мелом, карандашами, углем, лезвиями ножей, штыками...

Невдалеке на обугленном обломке балки примостился старшина-пехотинец с самокруткой во рту. Он поставил гофрированную коробку трофейного противогаза между колен и что-то в ней усердно помешивал. Мы с Николаем Киртоком поинтересовались "кухней" старшины, которую он затеял под громадой мрачных колонн.

- Имею, товарищи летчики, огромное желание оставить и свою подпись на склепе проклятого Гитлера. Я мазутом такое нашкрябаю фрицам - век будут помнить Павла с Полтавщины.

Переглянувшись с Николаем, по примеру старшины тоже оставили свои подписи на сером граните одной из колонн. Прошли дальше и оказались на площади, на которую выходили довольно массивные двери, теперь сорванные с петель. Внутри помещений все было исковеркано, исполосовано звездастыми

отметинами от автоматных очередей, разрушены потолки, пол, лестничные марши.

Сквозь поврежденные перекрытия в бетонные пролеты лестниц виднелся каркас огромного сферического купола. Всюду стоял тяжелый плотный запах гари.

Решили посмотреть имперскую канцелярию. Главный подъезд снесла наша артиллерия. Почерневшего от копоти бронзового орла буквально посекли пули. Отклевался, кровавый хищник!

Окна - словно провалы мертвых глазниц. Да, ничего не осталось от гитлеровской канцелярии и ее бесноватого хозяина, метившего в повелители мира.

Под ногами шуршал бумажный мусор: разноцветные папки со срочными приказами, так и не дошедшими до исполнителей, никому теперь не нужные воззвания Гитлера стоять насмерть, плакаты с надписями "Храбрость и верность", "Лучше смерть, чем Сибирь", членские билеты нацистов, фотографии, увесистые юридические книги, напоминающие могильные плиты. Пол завален огромным количеством регалий. Казалось, здесь денно и нощно работал специальный завод, производя эту металлическую дребедень.

Подошли к тяжеловесно-безвкусному памятнику Вильгельму. Возле него повальное фотографирование: солдаты и офицеры, молодые и пожилые, веселые и усталые, улыбающиеся и мрачные, с орденами и медалями, до ослепительности начищенными трофейным зубным порошком. А рядом медленно змеился поток пленных в одежде грязно-зеленого цвета и исчезал в сером тумане, перемешанном с дымом.

Сверху на своих незадачливых потомков насупившись смотрели бронзовые воители с тевтонскими мечами, словно провожая их в небытие...

В десяти шагах - другой "плен". В него попала наша полевая кухня. Ее тесным кольцом окружила немецкая детвора. Смуглолицый кавказец, лихо заломив пилотку, клал осмелевшим детишкам в синие эмалированные кастрюли, судки, мисочки, консервные банки жирные комья гречневой каши, заправленной тушенкой. Детвора присаживалась здесь же на лафеты покореженных пушек и жадно ела.

Вот она, слепая сила отдачи! Такие, же орудия, как и эти, стреляли по Бресту, блокадному Ленинграду, по Киеву, а откатившись, ударили не только по Гитлеру и его подручным, но и по десяткам тысяч вот этих н несмышленышей, с глазами, полными страха и безысходности.

Я тоже присел на лафет раздавленной пушки и вдруг явно почувствовал страшную усталость - всю сразу, накопившуюся с

первого до последнего дня моего военного бытия. И было как-то странно ощущать, что нахожусь вот здесь, на чужой земле, которую знал лишь по школьным географическим картам, что за спиной долгая тяжкая фронтовая борозда, пропахавшая жизненное поле, и не верилось, что завтра будут спокойно стоять зачехленные самолеты и не придется подниматься в небо, наполненное грозами.

И здесь мысли полетели далеко-далеко, в родную Севастьяновку, что на Уманщиие. Я как будто увидел опрокинутое над головой весеннее небо нежно-василькового цвета, белые, словно кружевом вытканные, черешни, малиновые гребешки рощиц, подрумяненные зорькой, малахит камышовых клиньев, бегущих в прох-лад-ную озерную гладь. В памяти из глубины прожитого всплывало все далекое и близкое, увиденное и услышанное. Какая-то невидимая сила рисовала полотна разных оттенков: и светлых, и грустных, и даже смешных.

Наша саманная хата, крытая потемневшей соломой, стояла на самом косогоре возле кладбища, замыкая улицу, прозванную Каратаевкой. В ней прожили свой век деды и прадеды. Говорят, что прадеды, исполняя барскую прихоть своевластного и жестокого графа Потоцкого, на своих горбах вместе с крепостной чернью тащили гранитные глыбы, создавая каменную сказку, - парк "Софиевку". Стоит он и поныне, названный, так, в честь красавицы жены графа. Но никто никогда не узнает имен тех, чьи кости стали фундаментом уманского чуда.

Как жили? Что видели крестьяне? Измученность малоземельем. Недороды. Вечные недоедания. Хлеба хватало только на полгода. А потом... Потом многие, перекинув через плечо тощие торбы, с болью и отчаянием уходили куда глаза глядят на заработки.

Деда Антона помнил смутно. Запомнились лишь его руки с корявыми мозолистыми пальцами. Считал он по ним до десяти и десятками, загибая те же заскорузлые от работы пальцы до ста. Все, что лежало за пределами сотни, казалось ему недосягаемым, как звезды на небе. Помыслы деда всю его жизнь сводились к одному - как бы не пустить семью по миру, как бы дотянуть от урожая до урожая.

Началась первая империалистическая война. Она-то и "спасла" моего отца Григория. Сбежал на фронт добровольцем на солдатский харч.

На галицийских полях изрядно отведал австрийской шрапнельной "каши". В полевом госпитале хотели ногу отнять - не дал. Без ноги крестьянину - хоть в гроб живьем. Рана постепенно затянулась, а хромота так и осталась вдобавок к трем

Георгиевским крестам.

Там, в госпитале, встретился отец с одним мужиком: сам хилый, а глаза - огонь, посмотрит - будто выстрелит. Сначала на всех косился подозрительно. Освоившись, как-то невзначай завел разговор:

- Земли-то много у вас, крестоносцы?

- А ты что - дашь? - зашевелились все под черными одеялами.

- Дам. Только для этого надо штыки повернуть не в ту сторону. Вот мы австрияков колем, а надо-то не их. У них тоже земли кот наплакал. А кого знаете? Впрочем, спросите у нашего священника, как дальше жить будете. Вот он идет...

Все моментально притихли. В палату вкатился румянощекий, рыхлый попик в шуршащей шелковой рясе. С ним вошла сестра милосердия. Потирая пухлые руки, поп медленно шел между тесными рядами коек.

- Молитесь всевышнему о здравии своем, - плыл по палате его басок, - и вы еще послужите престолу и отечеству, сражаясь на поле брани с коварным супостатом.

- Мы здесь, батюшка, толковали о своем житье-бытье, - послышалось из далекого угла. - Вот закончится война, придем домой. Не все, конечно. Но все-то останется по-старому?

- В писании, чада мои, сказано: "Мы пришли в сей мир по воле господа, дабы со смирением и верой нести крест свой, искупая первородный грех людского рода. Богу - богово, кесарю - кесарево, малым сим - малое..."

Когда поп, пряно начиненный запахом ладана, лениво осенил всех крестным знамением и удалился из палаты, разговор продолжился. Первым поднялся на острых локтях черноглазый.

- В переводе на наш мужицкий язык "малым сим - малое" понимать следует так: тяни лямку для блага богатеев, как вьючное животное, хлеб добывая насущный в поте лица своего. Весь доход - толстосумам, а сам получай шиш...

О многом в те госпитальные дни передумал отец. Почему вокруг так много голодных и так мало сытых, почему у господ все в избытке, а у народа в хатах шаром покати. Как только поправился, плюнул он на "веру, царя и отечество", шинелишку и костыль - в руки, "Георгиев" - в платок - и домой.

А там по-прежнему слепая, жестокая сила гнула людей, но уже явственно чувствовалось - что-то будет. Терпению придет конец!

...Октябрьская гроза, разорвав темные тучи, звучным эхом прокатилась и над Уманщиной. Новое, светлое пробивало себе дорогу сквозь свинцовые ливни, сабельные всплески гражданской войны, разгул озверевших банд.

По-новому посмотрел отец на происходившие события, и у самого рука потянулась к винтовке, чтобы крушить мироедов. Да куда там! Старые раны выворачивали от боли наизнанку. А в обоз не хотел. Зато брат его, Михайло, лихо поработал саблей в Конной армии Буденного. В горячих жестоких сечах шел он от Майкопа до Умани... Лез в самое пекло, где кони с храпом вставали на дыбы и звонкие искры слетали с выщербленных сабель.

Наступил долгожданный час - отложена в сторону винтовка, истосковавшиеся по работе руки, пропахшие порохом, вновь потянулись приласкать свою землю-кормилицу.

Возвратился в село и дядько Михайло со своим вороным. Молодой, горячий, горы впору своротить. Все пули обошли его стороной, а вот здесь, дома, не смог увернуться от косы костлявой. Выкуривая из одной хаты кулацкого сына, предложил ему подобру-поздорову бросить оружие. Тот согласился и затих. Когда дядько подошел поближе к плетню, из окошка хлестнул выстрел. Коварная пуля свалила его на землю.

Но беда, как говорят в народе, за собой горе тянет. Не затравянилась еще могила дядьки Михаила - тиф скосил старшую сестру Аннушку.

Родился я неудачным, меченым. На левой щеке кровянилось родимое пятно. Отец не обращал на это мания, а вот мать... Старухи, увидев ее на улице, крестились и обходили десятой дорогой. А если сталкивались лоб в лоб, шипели:

- Бога забыла, Параська, отсюдова и наказание такое - печать на сыне каинская. А еще твой Гришка о какой-то коммуне балакает, баламутит бесштанную голытьбу, чтоб у него язык и руки отсохли.

Руки у отца назло старушенциям не отсыхали: работа в них горела, да так, что стружки от рубанка с шипением кудрявились. А сапожничал он и того лучше.

Мать, наслушавшись всяких небылиц о моем исцелении, вынесла меня однажды на зорьке в огород, повернулась лицом к молодому месяцу, брызнула "заговоренной" водой. И что же? Через некоторое время пятно действительно исчезло. Вся Каратаевка смотрела на меня, как на чудо, и в каждой хате я чувствовал себя желанным гостем. А отец только посмеивался - вот, мол, и живая икона в доме...

Как и все крестьянские дети, я отчаянно обожал лошадей, любил ходить с ними в ночное. Распустив их по оврагам, мы собирались около костров, пекли в горячей золе картошку, обжигаясь, катали ее между ладонями. Вкусная, рассыпчатая, присыпанная щепоткой соли - это была поистине пища богов!

Но к лошадям колхозным получил доступ чуть позже. Экзаменовали сначала на свиньях. Стадо поручили небольшое, но удивительно неорганизованное. Потолкавшись на одном месте, хрюшки сразу же разбрелись кто куда. Хоть садись и плачь. И действительно, сел и разревелся так, что слезы текли в три ручья. Проходивший дед Березюк, увидев, в какой тяжелой ситуаций я очутился, хитровато прищурился, хихикнул и посоветовал поймать поросенка и крутнуть ему хвост. Завизжит, мол, и свиньи сразу сбегутся - чадо спасать. Так и сделал. Эффект был прямо-таки поразительным: через минуту я стоял в плотном визжащем кольце, и стадо шло за мной в любом направлении.

Но однажды увиденное отодвинуло на задний всю сельскую фауну - это был трактор. Вынырнув из солнечного половодья на бугор, он тарахтел по пыльной дороге, лоснящийся, в масляном поту. Вот это да!

Глаза у людей стали "квадратными". Мы, мальчишки, резво бежали за ребристыми барабанами колес и что-то радостно выкрикивали.

А потом была первая борозда. Когда лемех плуга глубоко врезался в землю и сделал полированный отвал, все стоявшие здесь изумленно переглянулись. Шутка, ли: с деда-прадеда махали волами и лошадьми, а тут такое...

Надо сказать, что появление у нас трактора вызвало новую волну, в решительной борьбе за переустройство деревни. Зашевелилось кулачество, зашипели церковники, проклиная дьявольскую машину. В ночной темноте загремели выстрелы из обрезов. Погиб тогда и наш родственник-комбедовец Ефим Лебедь. "Красный петух" загулял по домам активистов, подброшенные "святые" письма угрожали карой земной, и небесной за вступление в комсомол.

Однако одним из первых записался в кооператив отец.

В тридцатом году меня отвели в школу. Помещалась она в маленьком, осевшем по самые окна, домике. Сидели на длинных свежевыструганных скамейках, тесно прижавшись друг к другу. Так как букварь был только у учительницы, азбуку повторяли за ней нараспев, стараясь перекричать друг друга.

Мы очень любили слушать рассказы учительницы Любови Ивановны о путешествиях и приключениях.

Казалось, раздвигались неуютные стены класса и к нам врывались ветры далеких морей. Они уносили нас на своих крыльях в незнакомые края, населенные диковинными зверями: мы стояли на мостиках парусников - смелые, честные, мужественные - и совершали подвиги. После уроков гурьбой убегали в лес, где соревновались в беге и борьбе, секли

самодельными саблями крапиву и осот, фантазируя, что это коварные и злые враги.

Немало бед принес нам тридцать третий год: выдался он на редкость неурожайным. Наш колхоз имени Буденного тогда еще некрепко стоял на ногах. Неразберихи хватало по горло. Отец от зари до зари пропадал в поле. Ругался с зажиточными мужиками, спорил с теми, кто оставался, в плену "головокружения от успехов". У людей не хватало одежды, обуви. Ели лебеду, в огородах по весне собирали гнилую картошку и свеклу.

Кулацкие сынки, науськиваемые своими родителями, сопровождали нас, бедняцких детей, идущих из школы, свистом, улюлюканьем, колкими обидными частушками.

Вот тогда и начинались свалки: шли стенка на стенку. Бились зло, до крови, с остервенением.

Вскоре мы всей семьей переехали в Ленинградскую область, где поселились под городом Лугой. В то время там размещались военные лагеря. В одном из них и начал работать сторожем отец. Новая обстановка пришлась мне по душе: вокруг стояли дремучие леса - глухие, таинственные, с тьмой-тьмущей грибов, багряной брусники, сладковато-горькой рябины, пьяной ягоды гоноболи. В школу бегал в Лугу - пять километров. Туда и обратно.

В то время Луга была заштатным городишком, небольшим и не слишком знатным, хотя великий Пушкин и упомянул его однажды в одном из своих шуточных стихотворений: "Есть на свете город Луга Петербургского округа..."

Чистенький городок буквально тонул в буйной зелени. За рекой, на песчаных холмах, глуховато шумел сосновый бор. В Заречье, в чернеющей зелени мачтовых сосен прятались нарядные дачи, ходила по узкоколейке закопченная "кукушка", у которой едва хватало пару на свисток...

А дружил с ребятами из соседней деревни - Николаевки. Уже после войны решил посмотреть места, где жили школьные товарищи Ваня Брюханский, Ваня Креузов, Аня Новикова, Валя Бух. Но никого тогда там не встретил: из бурьяна поднимались черные трубы сожженных изб, у развалин сиротливо клонились опаленные пожаром березки.

В "Северном" лагере я знал все ходы и выходы. Помогал танкистам приводить в порядок боевые машины после занятий, дотошно лез во все щели, расспрашивал о назначении различных механизмов, узлов и агрегатов, а со временем научился водить БТ-7, грузовик и легковые машины. Вместе с красноармейцами и слушателями бегал, плавал, учился стрелять. Все это мне здорово пригодилось в будущем.

Особенно привязался к коменданту лагеря. Куда он меня

только не возил! ...

- Ванюша, ты был когда-нибудь в Ленинграде? - спросил как-то старший лейтенант Свиридов.

Отрицательно мотнул головой, продолжая протирать стекла его эмки.

- А хочешь поехать? Собирайся. На рассвете - в путь!

Вечером рассказал родителям о разговоре с комендантом, тайком взял новые хромовые сапоги отца, за которые он в торгсине отдал свои Георгиевские кресты, и утром мы поехали в Ленинград. В городе ожидал увидеть нечто чудесное, но уже первые впечатления оказались куда богаче ожидаемых. Изящные площади с ровно подстриженными деревьями, мосты, сияющие стекла витрин - в каждую свободно мог въехать грузовик, - море людей, золоченый купол Исаакиевского собора, похожий на шлем сказочного витязя, копьем в зенит вознесенная Адмиралтейская игла, Медный всадник, властно простерший руку в сторону Балтики, легендарная "Аврора"... Дома я с таким вдохновением рассказывал о поездке, что отец даже забыл отстегать меня за взятые без спросу сапоги.

Как-то придя в лагерь, заметил необычное оживление, какую-то суету. Спросил у старшего лейтенанта Свиридова, что бы это значило. Он, таинственно приложив пальцы к губам, шепнул мне на ухо: "Нарком обороны приезжает..."

О Ворошилове я много знал - легендарный герой гражданской войны, соратник Владимира Ильича Ленина, боевой командир. Да и его портрет висел у нас дома. Но вот увидеть его ни разу не приходилось. А теперь есть такая возможность. Я уже говорил, что в лагере знал все ходы и выходы, и на сей раз нашел такую точку, где меня никто не мог увидеть, а я видел все.

Утром в часть приехал нарком обороны. До этого представлял Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова могучим кавалеристом, под которым лошадь прогибалась, а из машины вышел невысокий военный в длинной шинели и фуражке. Он легко прошелся перед экипажами, что-то говоря. Жесты его были энергичны и стремительны. Около некоторых экипажей задерживался подольше. Видимо, шутил, потому что сопровождающие весело оживлялись, смеялись.

Попрощавшись с танкистами, нарком обороны сел в верную эмку и отправился в другой лагерь, к нашим соседям.

Вскоре мы со всем войсковым хозяйством переехали в Красное Село. В школу попал к началу учебного года. Пришел сначала с отцом к заведующему учебной частью, и Захар Иванович повел меня сразу в класс, где учительница Анна Павловна Пылинина вела урок алгебры. Посоветовавшись, они

меня посадили на самую последнюю парту.

- Вот к нашему полководцу садись, - сказал Захар Иванович и отечески погрозил пальцем моему будущему напарнику.

Юра Суворов был негласным лидером в классе. Он даже внешне отличался от всех: коренаст, под его рубашкой заметно бугрились тугие мышцы. Да и в других вопросах он стоял на голову выше своих сверстников: играл в духовом оркестре бумажной фабрики, был чемпионом школы по шахматам, вратарем в юношеской футбольной команде. К Юре тянулись, ему подражали.

Мы сразу поняли, что у нас есть много общего: я отлично стрелял, резво ходил на лыжах, плавал, занимался боксом.

Вскоре наш класс занял первое место по труду. Мальчишки сделали лучше других табуретки, да и по количеству больше, а девочки с вышивками участвовали в областном смотре детского творчества. Потом создали хор, где даже пели "Ноченьку" из оперы Рубинштейна "Демон", с разнообразным репертуаром выступали во время каникул в рабочих клубах Ленинграда.

Прекрасное, неповторимое время! И за него, радостное и счастливое, мы в первую очередь благодарны таким людям с большим и щедрым сердцем, как Анна Павловна Пылинина, которая впоследствии стала заслуженным учителем РСФСР и была награждена высшей наградой - орденом Ленина.

...Однажды в Красном Селе встретил стройного человека в летной форме. Глаза мои с завистью смотрели на блестящие крылья с пропеллером на петлицах. Не удержавшись, я спросил:

- Дяденька, а где можно научиться летать? Летчик улыбнулся, остановился, положил широкую ладонь на мое плечо.

- Летать учатся в летных школах. - И он назвал несколько школ, а потом добавил: - Знай, что недалеко отсюда поднялся в воздух первый русский самолет Александра Федоровича Можайского.

В следующее воскресенье встал рано-рано и ушел искать заветную поляну, на которой состоялся полет, расспрашивал встречных, старожилов. И, наконец, нашел ее...

В то время рекордные полеты Чкалова, Громова, Коккинаки будоражили немало молодых голов.

А тут еще появился кинофильм "Истребители". В общем, тогда тысячи юношей осаждали осоавиахимовские пороги, необузданная страсть вела их в высь. В полосу такой "эпидемии" попал и я. Мной владело желание во что бы то ни стало научиться летать. Летчики были нужны стране, чтобы защищать ее.

События, происходящие в западном мире, говорили: рано или

поздно незваные гости сунутся в наш огород. Все отчетливее на волнах нацистских радиостанций гремела медь грубых солдатских маршей, кованые сапоги поднимали пыль на дорогах Европы. Обстановка требовала настоятельной военной подготовки. Учась последний год в школе, я записался в 1-й Ленинградский аэроклуб.

Мы очень гордились тем, что попали именно в этот старейший, богатый традициями аэроклуб, открывший впоследствии для многих летчиков и инженеров путь в небо и авиационную науку.

Наш набор начал занятия в ноябре 1940 года. Сначала, естественно, "грызли" теорию, но чаще всего поглядывали на небо. Близкое и далекое, желанное и пугающее... Помню, как сейчас, прозрачное январское небо 1941 года. Наверное, с него и начался мой разбег в небо, поставивший раз и навсегда точку над вопросом - кем быть.

Самый первый полет... О нем так просто не расскажешь, его надо почувствовать самому, пережить волнующую минуту неповторимости.

Погода стояла как по заказу: видимость - "миллион на миллион". На порыжевшем ковре аэродромного поля, притрушенного зернистым снежком, выстроились У-2 - легкие деревянно-полотняные машины с невысокими козырьками открытых кабин. На нескольких самолетах работали моторы, свистели круги пропеллеров, вздымая снежную пыльцу. Сладковато щекотал ноздри запах бензина, отработанного масла.

В строю курсанты - Маркирьев, Мякишев, Петров, Хлынов, Кжесяк, Шабунин, Данильченко и я... Рядом инструкторы - Салтыков, Чистяков, Мишин. Михаил Александрович Мишин был человеком добрейшей души, однако, как мы убедились, ему под горячую руку лучше не попадать: взгреет так, что и десятому закажешь! Невысокого роста, крепкого телосложения, он инструкторские истины всегда рассказывал скупым, но точным языком, акцентируя наше внимание на самом главном.

И вот мы у самолетов. Сажусь в кабину, привязываюсь ремнями, присоединяю к резиновому "уху" переговорный шланг. Слышу инструктора превосходно. Выруливаем на взлетную полосу. Стартер дает отмашку белым флагом. Легкий разбег - и пошли! Земля сразу побежала назад. Самолет начал взбираться по незримой лестнице в звенящую синь. Все строения на аэродроме и рядом на станции Горская стали похожими на детали из детского конструкторского набора. А земля начала показывать все новые и новые мозаичные картинки. Поплыли березовые рощи, отражающиеся в голубых озерах, еще не прихваченных льдом.

Под крылом - пятнистые, уходящие вдаль пологие лесные холмы, перечеркнутые лентами дорог.

На развороте инструктор энергично опустил руку вниз: смотри, мол. Там лежало озеро Разлив. Дальше, в стороне, в белесом мареве, тонул легендарный Кронштадт.

- Запомни, - в шланге густой октавой пророкотал голос Михаила Александровича, - наш третий разворот - над местом, где жил в шалаше Ленин.

Машина чуть снизилась.

Теперь отчетливо виднелся гранитный памятник. Все мои эмоции окрасила какая-то строгость, ответственность, возвышенность.

Тридцать пять полетов было сделано с инструктором, один контрольный с начальником аэроклуба, и вот, наконец, получил разрешение на самостоятельный вылет.

- Ну а теперь, полетишь с "дядей Ваней", - легко подтолкнул меня Мишин к самолету. - Максимум внимания, минимум волнения. Делай все так же, как со мной.

А ребята уже тащили "дядю Ваню" - мешок с песком с полцентнера весом, чтобы не нарушалась весовая центровка, укладывали его на сиденье инструктора.

В кабине один. Запустил мотор, дал газ, "прожег" от замасливания свечи... Газ - полностью! И вот пошел на взлет, постепенно отдавая ручку управления от себя. Еще несколько секунд - и я в воздухе. Лечу! В душе все запело под свист ветра в расчалках плоскостей. Вот оно - чувство пусть еще не окрепшей, но власти над машиной!

Я, выросший в бурьянах, бегавший до первых морозов босиком, изучавший азбуку по единственному в классе букварю, священнодействую в кабине, слежу за приборами, запросто справляюсь с крылатой птицей! Фантазия: стоит только шевельнуть ручкой - и самолет отклоняется, куда хочу!

Полет окончен, теперь все внимание посадке. Легко приземляю машину. Подрагивают плоскости, самолет катится по земле, замедляя свой бег.

Первым встречает Михаил Александрович. Жмет руку, что-то говорит, но его не слышу: все существо еще во власти неба, огромного и такого теперь близкого, родного.

Полеты по кругу закончились. Перекочевали в зону, приступили к отработке виражей, переворотов через крыло, петли Нестерова. Фигуры давались легко, без дополнительных усилий. И тут очень захотелось что-то сделать от себя.

Разогнал свою "удвашку" да так бросил ее в отвесное пикирование, что в глазах потемнело, а кровь заклокотала в

висках. Моментально убрал обороты, плавно выровнял машину. Откинулся назад, отдышался, виновато оглянулся вокруг. Докладывая о выполнении задания, думал: говорить о своей проделке или нет? Только было рот открыл, а Михаил Александрович мне вопросик подбросил, чувствую, с подвохом:

- Ваня, ты когда-нибудь целовался?

- Нет, - протянул я, чувствуя, что щеки густо краснеют.

- Так вот, учти: выбросишь еще раз такой фортель, крылышки сложишь и поцелуешься с землей. Вам все понятно, учлет Драченко?

Последняя фраза была сказана стальным голосом.

Узнал о моей проделке Евгений Мякишев. Он только и сказал:

- Тоже Чкалов нашелся. Каши мало еще съел...

С Женей мы сблизились сразу, несмотря на абсолютно разные, характеры. Он - выдержанный, расчетливый, спокойный, я - как вихрь. Не раз и не два Мякишев укрощал мои чрезмерные страсти, с логичной последовательностью доказывая, где прав, а где виноват...

К своей мечте Евгений шел трудно, с фанатичным упорством.

Рос он на Волге. С детства парня манили две стихии - вода и воздух. Но победило небо. Обратился в военкомат, чтобы отправили в летную школу. Дошел до медкомиссии, вернее, до терапевта, и тот поставил диагноз - расширение сердца. Растерялся, чуть не расплакался в кабинете, но врач только развел руками.

Решил нажать на спорт, выдумывая всевозможные упражнения, бегал, плавал, осаждал гимнастические снаряды, но от своего не отступил. Подал заявление в Саратовское авиатехучилище ГВФ - все-таки ближе к авиации. Год учебы, остался еще год. А тут родители переехали жить на станцию Мартышкино, что находится в одном километре от города Ломоносова. Здесь Женя, и узнал о существовании аэроклуба. Прошел комиссию - все нормально, абсолютно никаких отклонений. С трудом отпустили из училища, уговаривали, но он настоял - только летать. Так мы с Женей оказались за одной курсантской партой.

Особенно туговато нам пришлось зимой. Форсировали налет. Руки у всех обморожены металлом, пропитаны бензином, маслами. Приходилось самим быть, и летчиками, и техниками, из кабин буквально вываливались, насквозь пронизанные холодом. Терли перчатками окостеневшие носы, бежали в помещения и, схватив порцию благодатного тепла, вновь возвращались, на летное поле.

И опять гудели моторы, рассекая винтами морозный воздух, и ни одного звука ропота, жалоб, нытья не срывалось с обветренных губ ребят, тех ребят, которым через полгода впору пришлись и солдатская гимнастерка, и кирзовые сапоги. Поколение, юность которого опалила война, получило надежный заряд мужества и стойкости.

К концу зимы закончили учебно-летную программу. Вскоре нас представили военным летчикам, прибывшим из Тамбовской авиашколы пилотов. Старожилы аэроклуба называли их "купцами", но ничего купеческого в их облике мы не увидели. Командиры выглядели безукоризненно подтянутыми, форма на них сидела ладно, элегантно.

Мной занялся майор Соловьев. Сначала слетал с ним в зону. Он проверил технику пилотирования. После тщательного разбора майор сразу задал вопрос:

- Сколько вам лет?

- Девятнадцать.

- Военным летчиком хотите быть?

- Да, истребителем...

Наступила пауза. Затем проверяющий улыбнулся и продолжил:

- Ну, а если не истребителем?

Майор Соловьев так убедительно рассказал о других, более тяжелых самолетах, управление которыми требует высокого искусства, мастерства, незаурядной физической подготовки, что я сдался, согласился учиться "не на истребителя".

После разговора с майором встретился с Мякишевым. Его обычно было трудно вывести из равновесия, а здесь он показался возбужденным, как будто перенесшим какое-то потрясение. Мое предположение подтвердилось.

Перед контрольным полетом у Жени что-то случилось со зрением. Сначала правый глаз заплыл, затем он им совсем перестал видеть. Что делать? Доложить начальству, командиру отряда Кривцову? Тогда - прощай училище. А если разобьется, угробит машину да еще кого-либо? Где выход? Да и погодка, будь она неладна: мглистая, пасмурная, под стать настроению. Нет, только лететь!

В зону он вошел нормально, вход в круг произвел без отклонений. Но надо посадить машину. Выполняя четвертый разворот, начал снижаться. Полосу видно. Посадочное "Т" - двадцать-двадцать пять метров слева. Создав трехточечное положение машины, лыжами плавно коснулся снега. Все... И словно гора с плеч.

А по спине еще пробегала дрожь под одеждой Чувствовалась

липкая, неприятная пленка. Хотелось все сбросить, кинуть под ноги... Пережитое как-то ушло на задний план, когда проверяющий объявил

- Мякишев - отлично.

Пришла весна. Заголосили пернатые над своими гнездами, изрядно потрепанными студеными ветрами, закружились в хозяйских хлопотах. Птицы прилетели, а мы, наоборот, уезжали из родных мест.

На Московском вокзале - шум, гам, объятия, напутствия... Меня провожал отец. Он тяжело опирался на суковатую палку, положив мне на плечо мозолистую руку. Наказ его звучал строго: "Чтобы не упрекнули ни в пиру, ни в миру". Уходя, протянул пачку папирос "Красная звезда", которую я сразу раздал своим товарищам. Это была моя последняя встреча с отцом.

Тамбовский поезд набирал скорость, покачивался на стыках, унося нас в новую жизнь. Стоял у окна, смотрел на калейдоскопический бег березовых рощиц, а из головы не выходили отцовские слова: "Трудно вам будет, хлопцы, ох и трудно. Война на подходе, порохом веет..."

И действительно, не пройдет и нескольких месяцев, как война сломает границы, разбросает тысячи семей по огромным пространствам, разъединит, оторвет друг от друга самых близких людей, бросит их в круговорот мук и лишений. Разметает она и наше драченковское гнездовье.

...В парикмахерской училища летели на пол шевелюры разных цветов и оттенков. Поеживаясь, будущие "покорители пространства и времени" гуськом заполнили баню, расхватывали шайки. Смех, визг, шутки... Облачившись в военную форму, мы все стали похожими друг на друга. Но пожили, притерлись, и постепенно начали вырисовываться характеры, наклонности, привычки членов большой курсантской семьи.

Я по-прежнему дружил с Женей Мякишевым, сошелся и с Сашей Маркирьевым, вокруг которого существовало какое-то особое поле притяжения. Ребята шли к Саше и с радостью, и с неудачами. В чем секрет? Думаю, что в характере: он у Маркирьева был не только твердым и принципиальным, но, главное, отзывчивым. Саша чужую неудачу, беду всегда за свою принимал.

Начались занятия. Времени в обрез, дел невпроворот. Кое-какие предметы казались лишними, ненужными, но особо сомневающихся убеждали - в военном деле лишнего нет. Некоторые роптали: зачем бегать с полной выкладкой, трамбовать плац, если будущая спе

циальность связана с воздухом. Командиры деликатно вносили свои коррективы в "смуты", убедительно доказывали: небо начинается с земли, а летчик обязан быть в первую очередь крепким солдатом, иметь кремневую закалку, быть сильным, готовым переносить любые перегрузки.

Со временем привыкли -к укладу курсантской жизни, и кажущееся ее однообразие наполнялось особым смыслом. Ведь мы мужали, становились самостоятельными парнями, стали придирчиво заботиться о своем престиже. А уже когда уходили в город, тут товар покажи лицом: и выправку, и поведение. И не скрою, что на ребят в штатском смотрели чуточку свысока.

Помню, как сейчас, тот субботний июньский вечер, когда группы уволенных в городской отпуск ребят ходили по закрученным тамбовским улицам, заполненным людьми разных возрастов. Все везде дышало миром и покоем. В городском саду играл духовой оркестр, на улицах зажигались огни... И никто из нас не предполагал, что именно в эти часы за тысячи километров фашисты вскрывают пакеты с боевыми приказами, мотористы готовят самолетные двигатели на аэродромах уже для боевого, а не для учебного вылета, танки, полностью заправленные горючим, направляются к самой границе, а генерал Манштейн, командир механизированного корпуса, посматривая на часы и рисуясь перед штабными офицерами, готовится произнести свою бравурную фразу: "Господа! Кости брошены!"

Наутро началась война.

Черный фашистский хищник предательски бросился на нашу Родину. Горели в огне Киев, Львов, Минск, Одесса... Первые вести, одна другой тревожнее, ошеломляли, давили своей тяжестью. Война.

- Что же теперь делать? - взволнованно спрашивали мы у своих командиров.

- Делать что? Учиться. До седьмого пота, с утроенной энергией, по всем законам военного времени!

Таков был ответ, не требующий пространных объяснений.

И мы по-особому, рьяно набрасывались на .аэродинамику, теорию воздушной стрельбы, навигацию, метеорологию. А технику зубрили до винтика, до последней заклепки.

После "терки" (теоретического курса) сразу же приступили к полетам. Сначала обжили разведчик и фронтовой одномоторный бомбардировщик Р-5, потом начали осваивать скоростной бомбардировщик СБ.

Первые тренировочные полеты сделал с майором Соловьевым, с которым познакомился еще в аэроклубе, и он убедил меня тогда учиться "не на истребителя". Мне нравилось в

майоре все: и манера ходить, и разговаривать, и даже ругал он как-то особенно, по-отцовски, после чего никогда на душе не оставалось горького осадка. В курсантском кругу ребята иногда шутили: "Ты, Иван, у Соловья под крылышком живешь".

Вскоре к нам в служебную командировку приехала группа летчиков-бомбардировщиков. В глазах курсантов каждый из фронтовиков выглядел героем: прибывшие уже изрядно понюхали пороху, совершили дальние боевые вылеты, пробирались сквозь заслоны заградительного огня, встречались с истребителями противника днем и ночью.

"СБ - бомбардировщик всем хорош, - говорили они, - "гостинцев" можно загрузить порядком, а вот маневренность у него никудышная: утюгом гладит небо, пока развернешься, наберешь высоту..."

На очередных полетах решил попробовать опровергнуть мнение бывалых пилотов: попытался на СБ выполнить сложные, пилотажные фигуры. И за свое "новаторство" незамедлительно получил от начальника .школы Агальцова Филиппа Александровича полновесных десять суток. К счастью, отделался сравнительно легко: наказание отбыл... за рулем эмки начальника школы вместо заболевшего шофера. Ну, а краснеть тогда пришлось здорово. И как не краснеть перед этим человеком! Мы все знали, что Филипп Александрович,

бывший рабочий Обуховского завода, в суровом девятнадцатом году подал сразу два заявления: одно с просьбой зачислить добровольцем в ряды Красной Армии, другое - принять в ряды партии большевиков.

В огненное время Ф. А. Агальцов надел солдатскую шинель, окончил курсы пулеметчиков и со своим "максимом" на фронтах гражданской войны отстаивал Советскую власть. Уже тогда это был политически зрелый боец. Вот почему его направляют в Киевскую военно-политическую: школу, а после ее окончания - в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Наша страна в то время интенсивно создавала свой воздушный флот. Отчизна нуждалась в авиационных кадрах, и Агальцов lелает первый шаг на пути в небо: он выбирает авиафакультет.

Незаметно пролетели годы. Окончена учеба. Агальцова назначают комиссаром тяжелой бомбардировочной эскадрильи. На этом посту совершенствовался опыт его политической работы, шлифовался характер комиссара. Он стремился познать все трудности летной службы. А для этого необходимо было овладеть летным делом, изучить его особенности. И вот снова учеба - Агальцов добивается направления в Качинскую летную школу и

становится первоклассным летчиком. Это помогло ему сформироваться и как зрелому политработнику, и как опытному командиру. И то и другое пригодилось на суровой практике.

1937 год. События в Испании. Ф. А. Агальцов добровольцем едет в сражающуюся республику. Восемнадцать месяцев, проведенных им в этой стране, по насыщенности событиями были равны годам. За это время пришло то, что можно назвать сплавом опыта и авторитета. Таким был наш старший наставник.

* * *

Приказ поступил нежданно-негаданно: в кратчайший срок погрузиться в вагоны и отправиться в Среднюю Азию. Подали эшелоны. Не дождавшись отхода поезда, залезли в свои теплушки и свалились, сраженные сном. Отдохнув, потянулись к дверному проему. Поезд, зычно покрикивая, без устали вез нас все дальше и дальше на юго-восток. Мелькали станции, полустанки, встречные эшелоны с людьми и техникой мчались на фронт. А на обочинах стояли дети и махали вслед поезду.

Прибыли на конечную станцию, возле старинной крепости. Вот около этой крепости мы и поселились.

На календаре значилась ранняя весна, а здесь уже палило солнце, раскаленное добела. Знойная дымка смазывала очертания хат - саманок, под ногами, непрерывно похрустывал песок.

- Теперь нам не придется сушить портянки, - смеялся Мякишев, подставляя лицо благодатному теплу.

Женя намекнул на мытарства в Тамбове, когда мы строили землянки у Татарского вала, жили в палатках и по ночам ложились на свои мокрые вещи, чтобы как-то их подсушить. За железнодорожным полотном оборудовали аэродромное поле. Днем жара стояла несносная. Обмундирование напоминало ватные чехлы, пропитанные банным паром. Но попробуй раздеться - сгоришь моментально!

Несколько раз наносил нам визиты свирепый ветер-афганец. Препротивный, скажу, гость. Налетит внезапно, поднимет песчаную бурю - ничего вокруг не видно. Приходилось работать в противогазах. Храпели в них с непривычки, как взнузданные лошади.

...Вскоре начались полеты. Обычно аэродромная жизнь начиналась очень рано. Короткий инструктаж - и мы разбегались по кабинам.

С высоты земля казалась куда интересней: то жирная, ухоженная, перевитая венами арыков, то вспученная, пересохшая, убегала она под крыло. В далеком опаленном мареве виднелась извилистая, единственная и маленькая речка.

* * *

После десяти утра никто не мог выдержать жару: ни люди, ни техника. Спасительные минуты наступали тогда, когда солнце падало за горизонт и с гор текла живительная прохлада.

Вечером обсуждали полеты, жадно прислушивались к вестям с фронта и, естественно, жили мечтой побыстрее попасть в настоящее горячее дело.

Лагерь затихал. В тишине слышались крики ишаков, неприятно подвывали шакалы, выходя на ночную охоту. То там, то здесь раздавались окрики часовых, монотонно урчал электродвижок.

Для полетов у нас были идеальные метеоусловия, единственное, что тормозило работу, - перебои с доставкой горючего. В такие дни раскапочивали самолеты, проверяли все агрегаты до винтика, драили, чистили матчасть, постоянно наблюдая за железнодорожной станцией, не покажутся ли цистерны с бензином, до тех пор, пока кто-нибудь из нас голосом Робинзона, увидевшего спасательное судно, во всю мочь не закричит: "И-ду-ут!" Мы бежали наперегонки до самой станции, футболя шары верблюжьей колючки.

Горючее распределяли по эскадрильям. Например, соседи летали, а мы ждали своей очереди. Но без дела не сидели. Так сказать, сочетали приятное с полезным. Ездили в соседний колхоз работать: там ремонтировали технику, убирали хлопок, хлеб, вывозили с поля зерно, сортировали пшеницу, убирали арбузы...

В ноябре 1942 года из нашей эскадрильи убыл Женя Мякишев. Его направили в Казахстан осваивать бомбардировщик Ил-4, а через некоторое время распрощался и с Сашей Маркирьевым. Он должен был переучиваться на Ли-2. Жалко было старых закадычных друзей, но вскоре сблизился с Колей Киртоком. Родился он на Николаевщине. До начала войны работал на заводе имени Октябрьской революции, без отрыва от производства окончил Одесский аэроклуб.

Мы получили новую машину Ил-2. Полюбили ее все без исключения, как говорят, с первого взгляда. Наш командир звена Алексей Никифорович Бурков перед освоением "ильюшина" прочитал целую лекцию о зарождении штурмовой авиации, о "горбатом" (так в шутку называли Ил-2 за выступающую, словно горб, кабину):

- Машина эта, ребята, сделана на "пять". Фашисты окрестили ее "черной смертью". А они умеют ценить технику. Появление штурмовиков заставило Гитлера срочно формировать специальные истребительные части для борьбы с штурмовой авиацией. Он даже издал приказ, в котором говорилось, что танки, орудия, пулеметы, автоматы - все должно стрелять в

советских штурмовиков. Недавно создан так называемый "инспекторат штурмовых самолетов", в задачу которого входило разработать самолет, противостоящий Ил-2. Но, как показывает действительность, все затеи "инспектората" безрезультатны. Возможности "ильюшина" поразительны. Броня, скорость, вооружение! Две пушки, скорострельные пулеметы, восемь эрэсов (реактивных снарядов): хочешь - серией пускай, хочешь - стреляй одиночными. И бомбы есть. Мотор, кабина, бензобак - все полностью бронировано. Ну чем вам не летающий танк?

И все-таки главная его оценка была вот в этой крылатой фразе: "Главный самолет войны".

Да, это было принципиально новое оружие, равного которому не имела ни одна армия мира, в чем я убедился на собственном опыте в суровой фронтовой обстановке.

О нем, о главном самолете войны, газета "Известия" писала, что "илы" без преувеличения находятся так близко к врагу, как пехотинцы, сходящиеся в рукопашную. Во время штурмовки они врываются в самую гущу вражеских колонн, вступают в бой с танками, едва не задевая их плоскостями, они в упор расстреливают вражескую пехоту, буквально "садятся на плечи" ей, и выдерживают огонь неприятельских орудий и пулеметов".

В апреле 1943 года нам присвоили звание младших лейтенантов и вручили полевые погоны. Сформировали специальную группу, в которую попал и я.

Мы направляемся на фронт. Сомнений никаких. И вдруг как снег на голову - приказ немедленно выехать в город К.

Жаркое лето

Поезда военной поры. Куцые составы из переполненных теплушек. Не случайно какой-то безвестный остряк присвоил им громкое название "пятьсот-веселый". Нередко такой "веселый" подолгу стоял на каком-нибудь разъезде, пропуская воинские составы.

Мы заняли в теплушках самые лучшие места - на верхних нарах у окошка. Бывалые фронтовики, возвращавшиеся из госпиталей, рассказывали боевые эпизоды из своей жизни, нещадно дымя махоркой "вырви глаз". Положив под голову тощие сидоры с нехитрым багажом, смотрели на поля, луга, перелески. Видели, как пахали землю под будущий урожай. И везде закутанные в темные платки женщины. Лишь изредка можно было встретить мужскую фигуру в короткой солдатской шинели с еще непривычными костылями под мышкой. Вот они-то, эти люди, где на коровах, где на худющей лошаденке, а где и на себе тянули плуги, пахали землю.

- Да, еще неизвестно, кому тяжелее, - вздохнул Николай

Кирток, мужикам на фронте или женщинам здесь, в тылу...

А поезд, неторопливо постукивая колесами на стыках рельсов, продолжал свой путь. Только на другой день к вечеру прибыли в город, где находился авиационный завод, выпускавший штурмовики Ил-2. Стуча каблуками кирзовых сапог, открыли дверь кабинета начальника летно-испытательной станции и очутились в маленькой комнате. В углу, за письменным столом, сидел седовласый подполковник. Он поднял голову и внимательно посмотрел на вошедших:

- Что у вас?

- Младшие лейтенанты Драченко и Кирток явились для дальнейшего прохождения службы.

- Очень хорошо. Мы ждали вас. Устраивайтесь. Завтра с утра на завод, будете служить здесь и испытывать новые машины, прямо с конвейера. Вопросы есть?

- Товарищ подполковник! Так мы же на фронт...

- Здесь тоже фронт,

- А как же?..

- Кру-гом!

И две пары сапог "рванули" строевым. Пришли в себя только в коридоре, аккуратно прикрыв дверь кабинета строгого начальника. Переглянулись. "Вот тебе и фронт, Коля. Приземлил нас подполковник на три точки. Что теперь делать будем?"

Будем ждать, что прикажут. Только на фронт все равно попадем!

И подхватив свои нехитрые пожитки, отправились на поиски общежития,

- Там люди воюют, идут на смерть, - скрипнул я зубами, попав наконец в комнату, - а мы в тылу штаны протираем, бензин зря жжем. - Со злости я швырнул на стул шлемофон и плюхнулся на кровать. - В этом запасном авиационном полку совсем заплесневеешь...

Николай Кирток, находившийся в комнате, возразил:

- А мы что, в бирюльки здесь играть будем? Да ты пойми, Иван, бой не только там, на линии фронта, но и здесь, на испытательном полигоне.

Я, конечно, все понимал, но душа жаждала горячего дела: хотелось воевать с реальным врагом, с его техникой, уничтожать ее.

И напрасно уговаривал меня Николай. По всему было видно, что и ему надоело перегонять самолеты на прифронтовые аэродромы, возвращаться назад и "сражаться" на полигоне с макетами танков, орудий и дотов. Несколько раз мы обращались с "челобитными" к начальству с просьбой отправить нас на фронт,

но нам "вежливо" показывали от ворот поворот.

Однажды, растянувшись на траве под косой тенью плоскостей, болтали о всякой всячине. Вдруг послышался гул приближающегося самолета. И вот он, с незнакомым номером на стабилизаторе, скользнул крутой горкой на аэродромное поле. По элегантному почерку посадки определили сразу: пилотирует машину опытный летчик.

Самолет мягко приземлился у посадочного знака, погасил скорость, подрулил к стоянке. С крыла спрыгнул молодцеватого вида подполковник и размашисто зашагал в нашу сторону. На груди сверкнули боевые ордена.

Лицо цыганистое, смуглое, худощавое. В нем было что-то задорное, я бы сказал, почти мальчишеское.

Мы сразу вскочили.

- Заместитель командира дивизии подполковник Шундриков, - бросил на ходу офицер, придерживая планшет. - Где ваше начальство?

- Вон там, - показали мы.

Подполковник подошел к командиру запасного полка полковнику Усову, представился и затем спросил:

- Машины готовы к отправке?

- Двадцать четыре, согласно приказу.

- Прошу представить мне списки летчиков, которые перегонят партию "илов" к линии фронта.

- Подъем, погонычи! - кто-то с иронией подал команду.

И вот готовимся к вылету на оперативный аэродром - Евгений Бураков, Николай Кирток, Юрий Маркушин, Яков Луценко, Николай Полукаров...

Подполковник Шундриков на построении до подробностей растолковал предстоящее задание, задал несколько вопросов "на засыпку", разобрал отдельные положения из инструкции по технике пилотирования,

Усвоили следующее: во-первых, устойчивость штурмовика позволяет взлетать без подъема хвоста даже при сильном боковом ветре; во-вторых, на посадке лучше всего смотреть в форточку под углом, а не в лобовое бронестекло. В случае дождя или пробоины жидкость из гидравлического узла обязательно плеснет на козырек бронестекла, и тогда видимости никакой. Другое дело - открытая форточка...

Затем - несколько боевых эпизодов.

Подполковник рассказывал, и его узкие, гибкие ладони быстро и ловко изображали все то, о чем он говорил.

Владимир Павлович Шундриков еще до войны командовал отрядом легких бомбардировщиков, а потом воевал, много раз

бывал в горячих переплетах. И, конечно, его советы, подкрепленные фронтовым опытом, мы принимали как руководство к действию.

Роняя зеленые брызги, взлетела ракета, вычертила дымную дугу.

"От винта!" - последовала команда.

"Тч-о-о-х, тч-о-о-ох", - заговорили на своем языке две дюжины моторов, будто перекликались между собой на утренней поверке. Из патрубков запульсировали языки пламени и струи дыма.

Первым вырулил на взлет подполковник Шундриков.

Бурлящий поток воздуха пригладил траву, и шлейф жидкой пыли, словно пар, повалил из-под днища машины.

Самолет сделал стремительный разбег и важно понес ввысь свою бронированную тяжесть. За ведущим группы начали взлетать все остальные.

В воздухе мы быстро пристроились к подполковнику: Николай Кирток справа, я слева, как и было приказано.

Легли на курс, не отставая от командира ни на полкрыла, будто связанные одной невидимой нитью.

- Осторожнее, черти. Слышите?.. - раздался в шлемофоне голос заместителя командира дивизии, но без ноток раздражения.

Искоса посмотрел на фонарь флагмана. Через боковую форточку отчетливо вырисовывалось его лицо, подчеркнутое вертикальными полосками подшлемника. Осмотрелся вокруг: хорошо идут ребята - в кулаке, плотно. Кабину наполняет гул - мощный, слитный, словно от одного огромного двигателя.

Подошли к полевому аэродрому и только здесь освободили головной самолет из-под "опеки", но сели с ним одновременно и почти рядом.

И вот после такого полета подполковник учинил нам капитальный разнос, обозвал мальчишками и наградил серией нелестных эпитетов. А все из-за рискованного лихачества, окончившегося, как узнали мы позже, трагически: в этом полете погиб Яков Луценко, пытавшийся на бреющем полете передать привет своей девушке, жившей на окраине города.

Чуть остыв, Владимир Павлович вынес нам "приговор". Когда мы его услышали, то чуть не заплясали: назад не возвращаться, стать на все виды довольствия в боевой 66-й Киевский штурмовой авиационный полк.

Итак, нас ожидали горячие деньки.

Фашистское командование, планируя операцию "Цитадель", сосредоточило на курском направлении огромные силы: свыше 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, более 2 тысяч самолетов. Пятьдесят

гитлеровских дивизий готовились двинуться 5 июля на "окончательный разгром" советских войск.

Лучшие из лучших - косточка к косточке - части сосредоточились здесь. Одни названия дивизий СС чего стоили: "Рейх", "Мертвая голова", "Викинг", "Адольф Гитлер". Войска были нашпигованы разным бронированным зверьем тяжелыми танками - "тиграми", "пантерами", штурмовыми орудиями "фердинанд".

Сюда были стянуты лучшие эскадры рейха - "Мельдерс"; "Удет", "Зеленое сердце", "Рихтгофен", "Ас-Пик".

Особые надежды возлагались противником на самолеты "Фокке-Вульф-190А" и "Хеншель-129".

На линии Курского выступа повисла обманчивая тишина, готовая в любую минуту взорваться, залить огнем, засыпать пеплом все вокруг.

Мы же сразу окунулись в сложную боевую жизнь. Командиры и политработники полка готовили нас, молодых летчиков, не только в плане техническом, но и моральном, раскрывая сильные и слабые стороны противника, его коварные замыслы. Те, кому уже пришлось изрядно понюхать пороху, делились опытом, накопленным в тяжелых воздушных боях.

А на передовую день и ночь тянулись колонны танков, орудий, автомашин, подтягивались тылы. Все чаще и чаще в штабе полка над простынями карт засиживались авиационные и наземные командиры. "Неспроста все это, говорили между собой летчики. - Что-то затевается большое, серьезное".

Попал я в эскадрилью старшего лейтенанта Николая Евсюкова. До знакомства почему-то представлял комэска мощным парнем, косая сажень в плечах, с трубным голосом. Оказалось же все наоборот: Евсюков был худощав, но жилист, нетороплив на слово. За этой обманчивой внешностью скрывалась масса энергии, твердость характера, трезвый расчет, умение быстро, рационально сориентироваться в самой неблагоприятной обстановке.

Те горячие деньки, о которых так много говорилось, наступили.

Нас включили в боевой расчет. Молодежь собрал командир эскадрильи. Расположились на лужайке. Говорит он спокойно, словно преподает урок, изредка приглаживает льняные волосы.

- Команды выполнять четко и неукоснительно. Строй - святое место. Никакой самодеятельности. Осмотрительность и еще раз осмотрительность. Учтите Курскую магнитную аномалию, девиация действует на компас. Стрелка крутится, как белка в колесе. Поэтому главное - наземные ориентиры и карта.

Работать будем так: сначала угостим немцев бомбами, затем

накроем огнем эрэсов, а потом ударим из пушек и пулеметов. Огонь открывать по моей команде.

Начальник штаба полка Дмитрий Митрофанович Спащанский приказал подготовить карты, нанести на них линию фронта, исходный и конечный пункты маршрута, контрольные ориентиры, изучить каждый километр территории в районе предстоящих действий, дабы не ударить по своим.

Объяснял он любой вопрос тщательно, четко, делая логические выводы. И это было вполне понятным. До армии Дмитрий Митрофанович окончил Нежинский пединститут, после служил рядовым сапером, офицером, уже в зрелом возрасте окончил курсы летчиков-наблюдателей при Ейской школе пилотов. Потом стал штурманом звена, затем перешел на штабную работу.

Невысокого роста, худощавый, на первый взгляд обделенный здоровьем, он ворочал уймой дел. И всегда во главу угла майор Спащанский ставил заботу о том, чтобы строго соблюдались дисциплина в полку, режим отдыха, питания летно-технического состава.

...В преддверии какого-либо испытания люди ведут себя по-разному: сильные натуры сразу буквально цементируют свою волю, внутренне мобилизуют; себя, чтобы преодолеть предстоящий трудный рубеж, другие

находятся в мучительном водовороте мыслей: а как сложится первый бой? Выйдешь ли ты из него живым? Сможешь ли заслонить друга от смерти?

Как сейчас, помню наше первое комсомольское собрание перед боями на Курской дуге. Были собрания и раньше, и позже, но вот это почему-то глубоко врезалось в память.

Недалеко от стоянки "илов", в окружении неокрепших березок, расположилась вся наша полковая комсомолия - летчики, стрелки, авиамеханики... Сидели в полной боевой: в случае чего машины рядом...

На сложенные снарядные ящики поднялся замполит полка майор Василий Андреевич Константинов.

Повестка собрания была такой: "Поведение комсомольцев в бою". Все смотрели на Константинова с нескрываемым уважением, ибо знали, что храбрым человеком был майор. Смелость и убежденность сочетались у него с хорошей летной выучкой. Как правило, в штабе место замполита всегда пустовало. Приходил, когда подпирали бумажные дела, а все время он был с людьми на самых опасных участках. Иногда майор говорил всего несколько слов - самых обыкновенных, будничных, часто шутливых - громких слов он не любил, - но люди чувствовали, что

они услышали что-то важное и очень нужное. От всех его слов и от него самого исходила непоколебимая уверенность, что все будет по-нашему. Эта уверенность светилась в его ясных глазах, в точных и плавных (так умеют только летчики) жестах. Вот и теперь Константинов говорил просто, без всяких ораторских эффектов, в обычной своей мягкой манере.

- Война, - сказал, - дала нам одно биение сердца, одну волю, одно дыхание. И сейчас наряду с ближайшими задачами - а дело будет ой какое горячее! - мы должны ставить задачи дальнего прицела. И все это вместе будет нашей победой. С нами, коммунистами, всегда плечом к плечу шли комсомольцы. И я без всякого сомнения скажу: нравитесь вы мне, хоть иногда и горячи бываете, чего греха таить, и лезете на рожон там, где не следовало бы этого делать.

Майор Константинов после паузы посмотрел в нашу сторону,

- Мы недавно получили пополнение, - продолжил дальше замполит. - Вон орелики расселись. Проверили у них технику пилотирования, стрельбу. Шероховатости, правда, есть, но командование полка вполне довольно. Так что большие надежды возлагаются на вас, ребята.

Вопрос обсуждался бурно, слова были простые, идущие от самого сердца. Коля Кирток, сжимая до синевы кулаки, рассказал о тех страшных зверствах фашистов, о тревоге за родителей, которые остались на оккупированной Николаевщине.

Один за другим выступали комсомольцы. Николай Пушкин, Женя Алехнович, Алексей Смирнов... Через все выступления товарищей красной нитью проходила мысль: мы молоды, и этим все сказано. А в мире нет ничего лучше молодости. Нам принадлежит будущее, и каким оно будет - это зависит от нас! Но к счастливому будущему лежат дороги через жестокие, кровавые схватки.

А что скажу я? Встал, поправил гимнастерку, откашлялся:

- В свое время многие думали, что мы-де немца шапками закидаем. Оказалось, что с шапками против танков не очень-то потягаешься! Сейчас другие времена, техника у нас не та, что в первые дни войны. Вон посмотрите, какие самолеты стоят. Сила! - Все невольно повернули головы в сторону стоянки наших "горбатых". - Но к этой технике нужна голова. Правильно я говорю? - Все одобрительно загудели. - Вот здесь, на собрании, мне хочется сказать: если будем знать до винтика свой самолет, научимся мастерски управлять им в бою - считайте половина победы обеспечена.

Майор Константинов одобрительно кивнул головой. Я, ободренный его поддержкой, продолжил:

- Кое-кто хихикает, Ивану, мол, досталась машина с бортовым номером тринадцать. Заявляю: меняться ни с кем не буду!

Веселый смех прошелестел над головами сидящих.

Решение было кратким: бить врага по-комсомольски, без пощады и жалости! Железная дисциплина, выдержка, напористость и стойкость - вот залог победы.

Расходились, когда над аэродромом опустились сумерки. Где-то глухие разрывы сотрясали землю, вспыхивали ракеты, шарили в надвигающейся ночи щупальца прожекторов.

В ту же короткую июльскую ночь в соединения и части выехали офицеры связи, полетели кодированные телеграммы: "Быть всем начеку. На рассвете немцы переходят в наступление".

...Ворочаюсь на жестком матраце, а сон, хоть убей, не идет. Бессмысленно смотрю на серое полотно потолка. На нем вижу какие-то причудливые узоры. В голове множество различных дум. В таком состоянии и застает меня команда "Подъем".

Утреннее солнце, выкатившееся из-за дымчатого горизонта, уже наливалось жаром, набирало силу. На небе - ни облачка.

Получив задание в штабе, бежим к машинам, где механики сбрасывают последние маскировочные ветки.

Сажусь в машину. В ней прохладно. Откинувшись назад, сосредоточиваюсь на деталях предстоящего полета. Томительны минуты ожидания. Наконец-то!

Всплеск зеленой ракеты! Прелести свежего утра как не бывало: все исчезло, потонув в хаосе звуков и пыльной метели от свиста винтов.

"Илы", начиненные скрытым огнем в оболочках бомб, эрэсов, снарядов, поднимают свою тяжесть на пятнадцатиметровом размахе крыльев.

Взлетаю, мягко отделившись от земли. Набрав высоту, занимаю место в строю. Чуть впереди - ведущий группы старший лейтенант Н. Евсюков с лучшим воздушным стрелком полка И. Кузиным. Направление - Белгород.

Внизу плывет степь, покрытая порослью молодого дубняка и орешника, белеют песчаные плешины на склонах балок, бойко взбегают на пригорки ряды хат под соломой. По петлям дорог в разные стороны движутся танки, автомобили, конные упряжки. Через четверть часа подходим к линии фронта. На моей карте она обозначена красным и синим. Уже отчетливо видна изломанная, многолинейная даль позиций противника, разбрызганные розовые кляксы от пожаров, витки дыма, ползущие из лощин.

Скоро цель!

На земле, как мы и ожидали, забесновались вражеские зенитки. Их трассы сплели по курсу такую цветную картину из

смертоносных нитей, что казалось, ничто живое не в силах проскочить через этот световой ералаш.

Разрывы зенитных снарядов то слева, то справа пятнали небо, воздух вокруг кипел, бурлил, машину болтануло, как щепу на крутой волне.

В форточку пахнул едкий кисловатый запах тротила. Быстро изменяем курс, маневрируем, чтобы не дать зенитчикам вести прицельный огонь. За ведущим набираем высоту. Неотступно от двух наших шестерок "илов" чуть выше следуют истребители прикрытия капитана С. Карнача.

В шлемофоне раздалась команда Евсюкова: "Атака!" - и "ильюшины", подгоняемые тысячью семьюстами лошадиными силами моторов, как по желобу, скользнули вниз на цель.

Ножницы трасс "эрликонов" (малокалиберной зенитной артиллерии) скрещиваются прямо у самой земли.

Нервы - как струна. Между лопатками прокатились шарики-льдинки, на губах запеклась соленая пленка.

- Бросай!..

Команда ведущего сразу отрезвила, ободрила. Нажимаю кнопку бомбосбрасывателя. Замкнулась электрическая цепь, и бомбы соскользнули вниз. Освобождают бомболюки Кудрявцев, Полукаров, Кобзев... Черные чушки "соток" вспушили землю, ударная волна подбросила самолет, по обшивке пробежала металлическая судорога.

Выходим из пикирования, левым разворотом делаем второй заход с бреющего полета, третий, четвертый...

- Двести пятый, я - "Грач". Бомбы положили классно. Прочешите пехоту огнем из пушек и пулеметов. Пройдите вдоль траншей, - передала станция наведения ведущему.

Она же предупредила: в воздухе рыскают "мессеры".

И снова торпедами несемся к земле. Стрелка высотомера энергично ползет влево. Ловлю в сетку прицела орудийный расчет. Проекция его все увеличивается, разрастается. Крещу бегущих артиллеристов пулеметными очередями. Азарт боя так вскружил голову, что и не заметил, что отстал от своих. Лихорадочно разбираюсь в создавшейся обстановке, слышу настороженный голос Сергея Смирнова, моего стрелка:

- Командир! Сзади "худые"...

Этого еще не хватало. Закладываю левый вираж, ныряю вниз. "Мессершмитты" - тощие, словно акулы, пронеслись рядом, обдав каким-то смертельным холодком. Проскочили... и сразу же напоролись на "яков". Спасибо им, выручили.

В разноголосице боя слышу комэска:

- Подтяни...

Наконец-то пристраиваюсь к своим.

Возвращаемся домой: под крыло наплывает аэродромное поле. Над посадочной полосой ведущий резко отходит влево. Повторяю такой же маневр, выдерживаю безопасное расстояние от других машин, на которых отчетливо видны пробоины, масляные пятна...

На стоянке открыл фонарь, подставил лицо бодрящему ветерку. Расстегнул привязные ремни. Тикают в беспокойном беге часы на приборной доске. А шея так болит, словно на нее повесили мельничный жернов.

От ребят из группы Ивана Голчина узнаю: вражеские зенитки подбили Николая Киртока. В первом бою - и такая осечка. Начало, прямо скажем, ни к черту. В голову лезут разные мысли, одна другой мрачнее. Что с Николаем? Сел или нет? А вдруг... "Только не это... Только не плен!" - отогнал предположение, от которого стало зябко.

Ослепительным ледоходом плывут кучевые облака. Восходящие потоки воздуха волнами подходят под бронированное брюхо "ила". Внизу извивается мутный в тенях и бликах Северский Донец. Скоро выйдем на цель. На пути к ней, конечно, вражеские зенитки поставят огневую завесу. А пока - тишина. Идет невидимая подготовка к психологической дуэли между небом и землей.

Мы готовы ринуться на зенитчиков сверху, заколотить их по самые уши в землю.

Они уже видят нас.

Представляем злые глаза, притененные сталью касок, которые напряженно следят за нашим полетом.

Жерла зениток хищно поворачиваются к "илам". Секунда, другая - и небо словно зашевелилось. К штурмовикам потянулись ядовито-красные трассы, то выше, то ниже начали раздаваться хлопки рвущихся снарядов.

Частокол прочерков снарядов становится все гуще, напоминая летучее пламя электросварки. Казалось, что какая-то нечистая сила пытается соединить в одно целое несовместимое - небо и землю.

Благополучно проскочив поток огня, пошли после бомбометания крушить гитлеровцев в окопах. Пустили в ход эрэсы, пушки, пулеметы. Фашисты прятались в укрытия, но и там напрасно искали спасения: над блиндажами взлетела земля, перемешанная с обломками бревен. Эх, жаль, нет с нами Коли Киртока! Он бы обязательно сказал: "Иван, ну и дали фрицам жару!.."

А в наушниках уже раздавалась новая команда Евсюкова:

- "Горбатые", делаем второй заход...

Идем в набор высоты за ведущим.

- За мной! - командует комэск.

Подтягиваемся, по команде бросаем машины в новую атаку.

Приметил автомобиль с высокими бортами под тентом. Ловлю его в кольцо прицела, полосую очередями. Механизированная колымага подскочила и как-то боком поползла, словно подбитая собака, распушив бурый хвост дыма. Горит...

В наушниках шлемофона стоит то пронзительный писк, то завывающее урчание. Вороньем закружились "мессеры". Кто-то падает, кто-то зовет на помощь "яков" - самолеты прикрытия. А это захлебывающийся голос фашистского летчика (видно, совпала волна):

- Аллес капут! Муттер...

Да, для него, наверное, все окончено, и никакая мама уже не поможет.

Меня отбрасывает в сторону. Впереди лопнул большой белый шар, брызнуло осколками. Смотрю: у Полукарова на плоскости зияет огромная дыра. Его кренит, но Николай удерживает самолет от разворота. Да, на посадке товарищу придется попотеть изрядно. У него и на стабилизаторе дыр в избытке.

Возвратились с задания все. Осматривая пробоину на "ильюшине" Полукарова, комэск только покачал головой: "Получи такой апперкот снаряда среднего калибра чуть правее, и..."

Мы отчетливо представляли, что такое "правее, и...".

Старший лейтенант Евсюков сделал тщательный разбор боя, прошелся по отставшим, кое-кого пристыдил за ошибки и просчеты.

- На фронте оценки за полет не ставят, - заключил он, - Это не учебный полк. Здесь за ошибки летчик часто платит собственной кровью, жизнью. Вы должны твердо усвоить неписаные правила штурмового удара. Преодолевая огонь зенитной артиллерии, расчетливо маневрируй! В каждом боевом вылете выжимай из машины все до предела. Атаковать старайся из облаков, со стороны солнца. Уходи от цели тоже в облака или на солнце. Огонь веди из любого положения, а главное, бей наверняка с первой же атаки...

Нам, молодым, стало особенно ясно, что далеко не всему научились, что надо еще очень многое узнать, и делать это придется в напряженной боевой обстановке. Обстановке, в которой нет скидок на молодость или неопытность, обстановке, где никто не имеет права на ошибку. За ошибки здесь действительно платят жизнью товарищей и своей собственной.

С командного пункта ехали в автомашине, еще раз делились впечатлениями о первом бое.

- Проклятые зенитки стегали, как батогами. Думаешь, долбанет - и с катушек, - запустив в льняные волосы пятерню, полулежал в углу ЗИСа Михаил Хохлачев, мечтавший когда-то строить дома в родной Москве - красивые, прочные, светлые.

- А я чуть не сварился в кабине. Такое ощущение, словно попал в преисподнюю, где вместо чертей немец смолу и серу варит.

Георгий Мушников обнял за плечи Алексея Смирнова.

- Легче, кости поломаешь, медведь. А они мне еще пригодятся.

Тесно прижавшись к борту машины, молча сидели Виктор Кудрявцев и его воздушный стрелок Леонид Задумов. Этого парня с тонкими чертами лица, прихваченного легким загаром, я сразу приметил и оценил в бою: отразил не одну атаку "мессеров". На первый взгляд - мальчишка, а сколько он видел, сколько пережил!

После авиационной школы Леонид был направлен под Сталинград, где попал в бригаду морской пехоты. Здесь пришлось переквалифицироваться в артиллерийского разведчика и сразу попасть в горячее дело. Через линию фронта одна за другой были направлены несколько разведгрупп. Но ни одна из них не вернулась. А обстановка требовала как можно быстрее обнаружить скрытые огневые точки противника. Командир принял решение послать во главе новой группы Задумова: парень смышленый, обстрелянный. Несколько суток небольшой отряд Задумова находился в расположении вражеских войск. И с честью выполнил задание. После этого еще дважды Леонид водил своих товарищей в тыл врага.

По приказу Верховного Главнокомандующего бывших авиаспециалистов, а также моряков отправляли в "родные" части и на корабли. Так к нам и попал Леонид. В полк Задумов прибыл на должность специалиста аэрофотослужбы, но ее занимал механик по приборам. Инженер полка по спецоборудованию П. Кнестяпин предложил другую должность. Леонид не согласился, так как встретил земляка - летчика из Кинешмы Виктора Кудрявцева и тот "завербовал" его к себе воздушным стрелком. Вот так и начали летать.

...Ужинали все вместе. Командир полка майор В. Лавриненко поздравил с успешным выполнением задания, отметил молодежь, принявшую первое боевое крещение.

- Сегодня вы на собственном опыте, хотя и маленьком, убедились: ни при каких обстоятельствах нельзя робеть перед врагом, - обратился к нам Лавриненко. - И мы его обязательно

сломаем. Гитлеровская машина уже вовсю буксует!

Майор протянул нам несколько экземпляров армейской газеты "Крылья победы".

- Разве с такими людьми мы хребтину Гитлеру не сломаем? А-а? - И начал читать.

"Группа истребителей-гвардейцев возвращалась с боевого задания. Строй замыкал гвардии лейтенант Александр Горовец. Неожиданно в стороне от маршрута он заметил девятку "юнкерсов", изготовившихся к бомбометанию по нашим боевым порядкам. Они уже перестроились в цепочку для захода на цель. Дорога была каждая секунда. На самолете Горовца не было радиопередатчика, и поэтому он никого не мог вызвать себе на помощь.

Горовец бросился в одиночку на "юнкерсы". Это была ошеломляющая молниеносная атака. В героическом поединке гвардеец Горовец на глазах восхищенных его мастерством и отвагой пехотинцев уничтожил все девять "юнкерсов" и взял курс на свой аэродром.

В это время из-за облаков вынырнули шесть "мессершмиттов". Они зажали одинокий советский самолет в клещи. Горовец мужественно защищался. Боекомплект был израсходован, горючее на исходе. Летчик отражал атаки "мессеров" до последнего снаряда и до последней капли горючего..."

Мы сидели молча, но думали об одном: бить врага еще злей и крепче, бить до полного его разгрома и отдать этому все свои силы!

Пройдет время, и близ хутора Зоринские Дворы Ивнянского района Белгородской области в грунте будет обнаружен самолет, а в его кабине останки летчика. На истлевшей гимнастерке - орден Красного Знамени и гвардейский значок. В планшете будут найдены карты, выцветшая фотография, бортжурнал, удостоверение личности, письма. В нагрудном кармане обагренная кровью пурпурная книжечка - партийный билет. Да, это он: "Горовец Александр Константинович, год рождения 1915. Партийный билет выдан в 1939 году Ворошиловским райкомом партии города Шахты Ростовской области".

...Наслаждаясь долгожданной прохладой, сидели у палаток, слушая нашего комполка. Закончив с нами разбор, он брал неразлучную фронтовую подругу гитару и пел старинные романсы. Потом крутили самую любимую пластинку с песней о синем платочке.

Темнота сгущалась. Мирно стрекотали сверчки. Патефон умолкал. Тогда вставали и уходили отдыхать.

На рассвете пришел Николай Кирток, цел и невредим. Под

крики "ура" его дружно качнули, затем по очереди бросились обнимать. Мы долго стояли, обняв друг друга, и плакали.

А произошло в том полете у Николая следующее: его самолет напоролся на зенитный огонь, получил тяжелые повреждения, и продолжать выполнять задачу стало практически невозможно. Самолет начал терять высоту и скорость, постепенно отставал от своей боевой группы. Чувствуя легкую победу, на Николая сразу же набросилось несколько вражеских истребителей, пытаясь расстрелять нашу машину в воздухе. Вызвать к себе кого-нибудь на помощь пилот не мог, так как на самолете не было радиопередатчика. Его положение усложнилось еще и тем, что он выполнял задание на одноместной машине и поэтому задняя полусфера самолета не охранялась. Буквально через несколько минут длинная пулеметно-пушечная очередь ударила по "ильюшину". В кабине появился дым. Приборная доска была разбита...

Николай оглянулся и увидел двух "мессершмиттов", которые, мешая друг другу, пытались его атаковать. Последующая атака истребителей противника могла привести к печальным последствиям и быть для штурмовика последней. Вдруг Николай услышал по радиоприемнику: "Горбатый", держись, иду на помощь".

Наш "як" с ходу бросился на "мессера", не давая ему вести прицельный огонь. Улучив момент, наш истребитель сразил одного Ме-109. Второй спешно вышел из боя и удрал.

С трудом перетянув через линию фронта, Кирток удачно посадил самолет на переднем крае в расположении наших войск. Пехотинцы помогли летчику быстро выйти из-под обстрела артиллерии в безопасное место. Так, благодаря взаимной выручке и помощи истребителя, Николай закончил свой первый боевой вылет.

Летние дни бежали своей неспокойной чередой. Мы уже побывали в различных переделках, стали как-то ближе друг к другу, наши лица почернели и осунулись, души ожесточились. Каждый вылет, каждый бой были постоянной схваткой за жизнь, связанной с предельным напряжением, выдержкой и волей к победе. Прохладный розовый рассвет.

Ночью шел мелкий дождь, и воздух отдавал сыростью. Вереница бомбардировщиков и штурмовиков под прикрытием истребителей взяла курс в район Прохоровки.

Под крылом плыли поля с небольшими отлогими балками и рощицами, зажатые речкой и железной дорогой.

Давно не видела эта земля хлебопашца: ее изрыли бомбы и снаряды, густо засевали осколками и пулями. Она с избытком

слышала рев моторов танков и бронетранспортеров, но не мирное тарахтение трудяги-трактора. Сотни танков готовились в жестокой схватке сойтись лоб в лоб.

Воздух гудел от разрывов, все тонуло во мраке дыма и пыли. Померк, исчез дневной свет. Даже ракеты не могли осветить мрак, сомкнувшийся с облаками.

Наша эскадрилья ринулась в это пекло. На подходе к линии боевого соприкосновения встретили зенитный заслон - страшное, смертное поле. Казалось, не пройти его. Проскочили! На огромном желтом пространстве пылят фашистские танки.

Я знаю, что коробки с крестами на граненых башнях - предметы неодушевленные, но главный их двигатель - экипаж - из живой плоти, находится внутри, защищенный стальным панцирем.

Зачем вы здесь?! Что вам надо на моей многострадальной земле?!

Лязгают гусеницы, разваливают молчаливые хаты, не щадят звери-пришельцы ни малых, ни старых. Ему вдолбили: "У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, - убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишь себя навеки".

Эти страшные строки - из обращения фашистского командования к солдатам. Но мы не должны разрешить им продвинуться ни на метр, ни на шаг!

- Вон как выкрасились, - слышу голос Евсюкова. - Под цвет лета. Присмирели. Когда-то мазались яркой краской. Номера были огромные, как на афишах. Теперь хвост прижали, гады.

Действительно, танки выглядели теперь совсем по-другому камуфлированные, серо-зеленые, с белыми помельчавшими номерами и крестами.

Круто пикирую на стальное чудовище, целюсь в ребристую корму. Танк словно почувствовал, что его ждет, елозит брюхом, прячется в кустарнике у подъема крутого вала.

- Ну, не подведи, душечка. Аллюр три креста!..

Злые жгуты трасс эрэсов связали "ил" с танком, и в их огне появилась не просто механическая разрушительная сила, рожденная взрывчатым веществом, а неистребимая ненависть к врагу.

Заюлил, задымил еще один "панцерн" - работа Михаила Хохлачева. Со знанием дела обрабатывают немцев Кобзев, Кудрявцев, Баранов, Фаткулин...

Штурмовики неслись у самой земли, распластав крылья и

разбрасывая смертоносное семя - ПТАБы - противотанковые авиационные бомбы - новинку, примененную на Курской дуге. Изобретение инженера И. А. Ларионова сразу же навело панику на фашистских танкистов. Еще бы! Прожигали бомбы броню, как фанеру. "Тигры", словно хищники, попавшие в прочную сеть, заметались по полю, натыкаясь друг на друга. Из люков вываливались гитлеровцы в черных комбинезонах и искали спасения в складках местности.

О нашем налете в сводках корпуса было записано, что "7 июля 1943 года в период с 4 час. 40 мин. до 6 час. 40 мин. штурмовики 1 шак нанесли два сосредоточенных удара по скоплению танков противника, изготовившихся на обояньском направлении. Совместными усилиями 3-го механизированного корпуса и 1-го штурмового авиакорпуса была ликвидирована попытка прорвать оборону в центре 1-й танковой армии".

В этот день мы сделали еще три вылета.

Домой возвращались уже под вечер. Солнце садилось в нагромождение облаков, круто перемешанных с дымом. Посадку производили, долетев на последних каплях бензина, без боеприпасов. Вражеские зенитчики и на обратном пути нас изрядно исклевали: на многих "ильюшиных" были изрешечены плоскости, вырваны куски обшивки фюзеляжей, продырявлены рули.

- Что, Микола, призадумался? Банька классная получилась, - подошел я после посадки к сгорбившемуся Полукарову.

- Банька-то банькой, а я чуть было не гробанулся. Еле вывел машину в горизонтальный полет на высоте каких-то десяти метров.

Мы уже кое-что повидали, но такое случилось впервые. Михаил Хохлачев чудом остался в живых. Его самолет, вопреки всем аэродинамическим законам истерзанный, израненный, с огромной рваной пробоиной на боку, - еще мог лететь. Это еще и еще раз подтвердило: наш Ил-2 - машина уникальная, сверхнадежная.

Вечером после ужина в кружок пилотов и стрелков подсел замполит полка майор Константинов. Василий Андреевич к каждому человеку всегда умел найти стежку-дорожку, ободрить его, внести эмоциональный настрой, вызвать на откровенность. Просто и понятно говорил замполит о предстоящих задачах, о личном вкладе каждого летчика, тактично подтрунивал над "художествами" молодых, вселяя постоянную уверенность - победа над заклятым врагом неминуема.

- Так вот, батенька, - как обычно, начал он, - в одной из своих речей Гитлер заявил, что славяне никогда ничего не поймут в

воздушной войне - это оружие могущественных людей, германская форма боя. А германская-то форма боя трещит по всем швам. Даже сегодня мы этому выродку доказали: можем бить фашистов в воздухе так же, как и на земле! Верно, орлы?

Мы одобрительно загудели. Да, хваленые "тигры" и "пантеры" поджимают хвост при встрече е нашими штурмовиками.

Особый подъем у нас вызвало обращение Военного совета Степного фронта. В нем говорилось: "Товарищи красноармейцы. Командиры и политработники! Наступил час решающих боев с немецко-фашистскими захватчиками. Людоед Гитлер начал 5 июля 1943 года новое наступление против Красной Армии на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Мощными сокрушительными ударами встретила Красная Армия заклятых врагов. Не удалось им застигнуть врасплох наши войска. Огромные потери понесли фашисты и не добились ни одного крупного успеха. За 7 дней ожесточенных боев отважные артиллеристы, бронебойщики, пехотинцы сожгли и уничтожили сотни фашистских танков. Соколы-летчики уничтожили в воздухе и на земле больше тысячи вражеских самолетов... Все атаки озверелых гитлеровцев успешно отбиваются Красной Армией.

Несмотря на огромные потери, враг не отказался от своих планов. Гитлеровское командование бросает в бой новые силы. Но мы сильнее врага! Героическая Красная Армия разгромила фашистские полчища под Москвой, под Сталинградом и на других фронтах. Не избежать фашистским захватчикам окончательного разгрома в этих решающих сражениях".

Напряжение у летчиков было колоссальное. В день делали по три, четыре, а иногда и по пять вылетов. Доставалось и "наземникам" - техникам, мотористам, оружейникам.

Их неутомимые руки не знали покоя. Дождь, слякоть, снег, жара, - а они на аэродроме, готовят самолеты, копаются в моторах, ставят- раплаты на пробоины, заправляют горючим, смазывают, прогревают, маскируют, переукладывают парашюты...

Вот так проникновенно сказал прославленный военный летчик Александр Иванович Покрышкин об авиационных тружениках, замечательных людях техниках: "Они оставляют аэродром и свои машины последними, и первыми, еще до рассвета, являются к ним. Своими руками, черными от въевшегося в них масла и бензина, они дотрагиваются до мотора самолета с такой заботливостью и чувством, как хирург к сердцу человека. Всегда, и в мирные дни, и в дни войны, их труд одинаково ответственный...

Надо видеть, как авиатехник, проводив своего летчика с машиной в бой, всматривается потом в горизонт, вслушивается,

не гудит ли мотор, как ожидает благополучного возвращения группы с задания, как следит за теми, кто приземляется. Ведь победа летчика в бою - это и его победа..."

Вот Павел Золотов. Бывший ткач из Вышнего Волочка, он окончил аэроклуб и накрепко связал себя с авиацией. В его поистине золотых руках спорилась любая работа. Он постоянно что-то высматривал, выстукивал, выслушивал. Густой голос, кисти рук, загрубелые, с сетью промасленных морщин, свидетельствовали о том, что ему всегда приходилось иметь дело с машинами, в стужу и зной работать под открытым небом. Про пальцы Золотова сослуживцы, шутя, говорили: они у него золотые, все могут.

А взять П. Кнестяпина, С. Никритина, А. Трусова, А. Лысенко, А. Чекерду, И. Максименко, Н. Цигикало, А. Бродского, С. Черняева, И. Зимовнова, И. Ефимова, А. Русина, И. Чубрикова, И. Колесника, П. Остапчука, Л. Яканина...

Прекрасные товарищи и специалисты. Их работа всегда была выполнена отменно.

А наши оружейницы! Совсем еще девчушки. Вот какая-нибудь из них катит на тележке бомбы весом в центнер. Отдышится, улыбнется только и скажет: "Вам в сто раз труднее..."

Авиационные специалисты занимались и не свойственным им делом: строили капониры для самолетов, отрывали на аэродромах щели и окопы для укрытия личного состава, следили за состоянием взлетно-посадочных полос, расчищали рулежные дорожки, засыпали воронки.

Теряя самолеты, мы все больше и больше понимали, какое великое дело связь. А ведь на многих самолетах аппаратура отсутствовала, и приходилось порой тыкаться, как слепым в стенку. Немцы же в воздушном бою моментально перестраивались, подсказывали друг другу об опасности.

После, когда на штурмовиках начали ставить приемники и передатчики, кое-кто тем не менее считал средства связи на самолетах делом ненужным. Шипит, трещит, мол, в ушах, так можно за разговорами и зевнуть в бою. Вскоре эти сомнения рассеялись как дым, и первым, кто это помог летчикам сделать, был начальник связи полка Н. В. Макеев: убедил летчиков, что связь необходима в бою.

Невысокого роста, коренастый, с выдубленным ветром до черноты лицом, он днем и ночью носился по аэродрому, дотошно контролировал проверку и ремонт аппаратуры, следил за работой радистов на КП, проводной связи.

Наряду с основными обязанностями, когда по какой-то причине не хватало воздушных стрелков, садился в заднюю

кабину. И в этом ничего не было удивительного: в свое время Николай Васильевич окончил училище и стал летчиком-наблюдателем, совершил на тяжелом бомбардировщике двенадцать боевых вылетов.

Шестерка наших "илов" шла южнее Белгорода помочь пехоте. Перед построением на штурмовку лейтенант Янкин и воздушный стрелок, - а в кабине был начальник связи полка, - заметили невесть откуда появившийся корректировщик "Хеншель-126".

Такие "птицы" немало бед приносили наземным войскам, да и в воздухе их голыми руками не возьмешь. Когда корректировщик оказался в задней полусфере нашего "ила", Макеев дал из пулемета очередь - трасса прошла чуть сбоку. Еще одна очередь - и такая удача! - попадание прямо в кабину, где расположен экипаж.

"Хеншель" задымил и вошел в крутую спираль. Через некоторое время от него отделился парашютист. Потом, как мы узнали, он попал в руки наших зенитчиков. У пленного обер-лейтенанта изъяли документы, карты и переправили в штаб корпуса. Добыча оказалась весьма ценной. Когда экипажи возвратились с задания, на аэродром уже прибыл генерал В. Г. Рязанов.

- Такой подарок стоит десяти "юнкерсов", - крепко дожимая руку Николаю Васильевичу, сказал комкор и здесь же вручил Макееву орден Красного Знамени.

А этот случай запомнился надолго. Отштурмовав северо-восточнее Прохоровки скопление живой силы и техники противника, потянулись домой. И вдруг на нас свалилась свора "мессершмиттов". Моментально перестроились в круг, замкнули кольцо, охраняя от ударов хвосты. Спереди же "мессеры" нас боялись, как черт ладана.

- Огонь, стрелки! - полетела в эфир команда ведущего.

Мой стрелок Смирнов, ссутулившись, дробными очередями прикрывает заднюю полусферу.

- Давай, товарищ Березин! - приговаривает Сергей, прильнув к пулемету, и от этого становится спокойно на душе. Молодцом держится!

Делаем один круг, другой, третий. Перед глазами мелькают красные, оранжевые жгуты трасс.

Руки сжимают штурвал, наливаются синевой. Сохнет во рту...

Кто-то из наших горит. Вот и "мессер", словно подпрыгнув, вывалился из боевого порядка.

Выполнив задание, снижаюсь и на бреющем полете ухожу на юго-восток в направлении своего аэродрома. И здесь-то и напоролся на пару "худых". У одного намалеван пиковый туз на

борту. Они, описав крутую дугу, пристроились к моему "илу", зажав в клещи. Конец! Вот сейчас чуть отпустят, шарахнут из всех установок - и крышка!

Смотрю на фонарь левого "сто девятого". Пилот молодой, в желтом кожаном шлеме, смеется, скалит зубы. Справа несется матерый волк, угрюмый, злой. На лице видны шрамы. Он показал мне большой палец, повернул его вниз - мол, иди за нами на посадку.

Незамедлительно в ответ фашисту сконструировал комбинацию из трех пальцев и сунул в открытую форточку.

Мгновенно созрела мысль: нужно сделать какой-нибудь маневр, неожиданный, даже крайне рискованный, чтобы выйти из-под опеки незваных проводников.

Убавив газ, нырнул под молодого гитлеровца, когда он смотрел на меня. Воспользовавшись мгновенным замешательством своих поводырей, вскочил в спасительное дымное облако. Драгоценное время выиграно... Рванул машину в пике, выровнялся и пошел змейкой домой.

А с нашего аэродрома уже взлетали "яки", оставляя за собой бурунчики пыли. "Мессеры" взмыли и, набирая высоту, начали улепетывать. Даже помахали на прощание, собачьи души! Ну, думаю, отвязались. Захожу на посадку, а они тут как тут. "Земля" уже предупредила: "Фиалка", будь внимательнее, "худые" рыскают над аэродромом.

Не убирая шасси, дал полный газ, стал в вираж. Над головой пронеслись пушечные очереди. Опоздали, "тузы". Наперерез им мчались наши истребители.

Сижу на нарах в землянке, рассказываю ребятам: вот влип в историю, хуже не придумаешь.

Те стали торопливо закуривать.

- Да...

- Вот ситуация.

- Значит, пристроились к тебе немцы и ручку подают - привет, мол, Ивану...

- А ты как новорожденный. Спеленали по рукам и ногам.

- И не стреляли? - допытывался Иван Голчин. - Вели как короля на бал.

- Не стреляли... Только пальчики показали.

- Они подумали, что заблудился, и любезно предложили свои услуги, подначивали шутники.

- Все. Отдыхайте, товарищи, - тихо приказал Евсюков. - Завтра тоже будет работа.

* * *

...Я еще не успел закрыть фонарь, как кто-то из техников

крикнул:

- Передайте привет Харькову! А фрицам - ни дна ни покрышки!...

Да, мы летели в район Харькова, где противник сколотил крепкий аэроузел.

Делая ставку на хваленую "Цитадель", противник, однако, ни на минуту не забывал об обороне Харькова. Опоясал город противотанковыми рвами, дотами, траншеями, обширными минными полями, в глубине сосредоточил хорошо укрытую артиллерию.

К Харькову подошли на рассвете.

Город лежал в каменном прахе. Сквозь пелену сизого тумана размыто вырисовывался Дом промышленности. Он был полуразрушен. Вот одна из красивейших площадей города - площадь Дзержинского. Кольцо зданий исковеркано, над крышами гуляют пожары. Тяжело глядеть на эту удручающую картину. Смотрю вверх - нас сопровождают истребители Сергея Луганского.

Слышу его голос в наушниках и мысленно вижу плотно сжатые губы, тугие желваки на лице, сверлящий взгляд. Таков, должно быть, Сергей в бою. А в обычной жизни - симпатичный, какой-то есенинский русоволосый парень с доброй улыбкой.

- Сегодня понадежней прикрой, Сережа, - прошу так, на всякий случай, Луганского.

- А когда я тебя прикрывал ненадежно?

- Так вот и говорю: как всегда.

- Не сомневайся...

Винты режут с тонким звоном воздух. Вдруг как бы стали тише: в небе то там, то здесь вспыхнули жидкие белесые букеты разрывов. Проспали зенитчики! Но вскоре огонь стал плотнее. Вслед "ильюшиным" неслись розовые и зеленоватые бусинки, раскаленные строчки. Поздно! К тому же мы заранее знали об огневых точках обороны и обошли их. Что касается самолетов противника, то с аэродромов они подняться еще не успели.

Истребители негодуют - остались без работы, мы же потираем довольно руки - аэродромчик солидный. И "дичи" там скопилось порядком - "мессеры", "юнкерсы", "хейнкели". Истребители в одной стороне, бомбардировщики - в капонирах, под маскировочными сетками.

- Разомкнуться... Сектор газа до отказа... В атаку!

По команде ведущего штурмовики сплели своеобразный хоровод и свалились с воздушной кручи на вражеский аэродром.

В клокочущем эфире, кое-где перебиваемые панической гортанной речью немцев, звучали возбужденные голоса

атакующих - хриплые басы, сочные баритоны, звонкие тенора. Воздух зашатался от толчков, рожденных залпами. Ударили в упор - даже не надо было целиться.

Аэродром разбит. Горят десятки самолетов, выведена из строя взлетная полоса. Порядок!

Сколько времени нужно, чтобы узнать человека?

Иногда очень долго. Если живешь в казарме, рядом, хватит месяца. В трудном походе - одного дня. На фронте - одного часа.

В эскадрилье, да и в полку, мы знали друг о друге все. Летчики жили одной семьей, одними интересами.

Прилетит кому-нибудь долгожданная весточка из дому - треугольничек, проштемпелеванный полевой почтой, - и его содержание становится общим достоянием. Делились друг с другом всем: и маленькими радостями, и большими, не таили в душе наболевшее.

Чувство товарищеской близости! Как оно было дорого нам, как помогало в трудную минуту...

Получил несколько писем от сестры Гали из блокадного Ленинграда, читал вслух и чувствовал горе, видел тишину призрачной смерти и грохот смерти, видел скудный рабочий паек хлеба весом в двести пятьдесят граммов, страдальческие лица детей, отблески ночных пожаров на стеклах, перечеркнутых бумажными полосами, ночные дежурства сестры в госпитале. И сердце наполнялось режущей болью так, что казалось, оно не выдержит страшной тяжести.

И все-таки, несмотря на жестокие будни, на адское напряжение, мы находили время и для писем, и для хорошей шутки.

Остывая от боя, часто собирались в самом большом домике на аэродроме. Кто лежал на нарах, кто сидел у стола, освещенного жидким пламенем коптилки, сделанной из гильзы снаряда. Говорили обо всем, потом Виктор Кудрявцев брал баян и ронял голову на потертые мехи. Его пальцы нежно давили на глуховатые, басы, и сидящие медленно раскачивались в такт напеву, будто баюкали песню. А она все больше и больше заполняла наши сердца, согревала теплом воспоминаний.

Под нас настраивал гитару Юрий Маркушин - летчик второй эскадрильи. Песня уже не вмещалась в ветхом домике, ей становилось тесно, и летела она все дальше и дальше, в ночь.

К концу июля гитлеровцев отбросили на рубеж, с которого они начинали свое наступление. Надежда немецко-фашистского командования с помощью операции "Цитадель" вернуть стратегическую инициативу рухнула навсегда.

В эти дни советское радио передало приказ Верховного

Главнокомандующего: "...23 июля умелыми действиями наших войск окончательно ликвидировано немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска.

...Немецкий план летнего наступления надо считать полностью провалившимся. Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы в летнем наступлении всегда одерживают победы, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении".

А накануне этого памятного события произошло следующее.

Под крылом с высоты двух тысяч метров виднелись склоны долин и балок, во многих местах расчлененных густой овражной сетью. Изредка мелькали низенькие, нахохлившиеся хатки. Все вокруг выжжено, вытоптано неумолимым сапогом войны. Отчетливо виднелось кладбище битой техники: сваленные набок танки с крестами, самоходки, скелеты самолетов. Все это когда-то двигалось, летало, стреляло... Такая картина наблюдалась на всем Обояньском шоссе...

На цель нас вел штурман полка капитан Горобинский. Николай Миронович по праву считался асом. В воздухе он действовал дерзко, с ювелирностью истребителя, вражескую технику крушил как заправский бомбардир, а его штурманские расчеты поражали своей безукоризненной точностью.

Как правило, капитан Горобинский производил бомбардирование по выдержке времени, отлично владея пикированием под углом тридцать градусов. А этот способ заключался в следующем: для определения начала ввода в пике надо пользоваться нанесенными на самолете заводскими метками (крестики на боковых бронестеклах козырька и штыри на пятом шурупе бронелиста капота). Если в режиме горизонтального полета линия визирования - глаз - крестик штырь совпали, сразу же нужно было вводить машину в пикирование, добиваясь совмещения прицела с целью. А поскольку она во время пикирования проходила по правому или левому борту, производился координированный доворот на цель. Ввод в пикирование с доворотом имел то преимущество по сравнению с вводом по прямой, что мотор при этом как бы получал передышку. И еще: доворот являлся и некоторым маневром, вводящим противника в заблуждение. Используя этот способ бомбометания, Горобинский всегда наверняка накрывал цель.

...В вытянутой лощине, утыканной чахлым мелколесьем, сгрудилось штук тридцать вражеских танков. Возле них сновали танкисты. Сколько верст шли они по дорогам войны! Может быть, где-то в Нормандии, забавляясь, давили виноградники и их хозяев, утюжили старые мостовые Варшавы и Кракова,

расстреливали под Киевом из пушек стариков и детей, а вчера писали своим Линдам и Эльзам: "Мы идем как циклопы, все сжигая на своем пути. Нет силы, которая нас остановит..."

- Перестроиться в круг! - скомандовал Горобинский, и четыре тройки "илов" пошли на замыкание. Его машина наклонила нос и безудержно устремилась вниз. Из бомболюка посыпались бомбы... Облегчаем и мы свои машины от "соток".

После первого захода разошлись веером, собрались, и Горобинский с левым креном потянул нас в очередную атаку.

- Воздух. Следите за воздухом, - раздался голос ведущего в наушниках.

Опасения Горобинского подтвердились; видим - на нас идет целая орава "мессеров". Встали в оборонительный круг.

Горобинский заметил, как один Ме-109, хитро маневрируя, врезался в наш строй.

- Кобзев, ударь по нему ракетами, - раздался голос штурмана. Драченко! Прикрой Кобзева, теснее круг.

"Мессер" тонкой стальной полоской сверкнул на солнце и влез прямо в перекрестие прицела Анатолия. А он-то умел метко стрелять из пушек. Удар! "Сто девятый" свалился на крыло, заштопорил вниз, потянул рыжую гриву пламени.

Сергей Смирнов волчком крутился в задней кабине, не давая "худым" зайти в хвост. Его пулемет строчил, как швейная машина, охраняя заднюю полусферу густым пулеметным огнем. Увидев сбитый "мессер", Сергей закричал:

- Командир! Один уже отлетался!

Смотрю, второй Ме-109 подстраивается к Горобинскому снизу. Эту тактику мы раскусили давно: в таком положении воспрепятствовать нападению трудно по той причине, что воздушный стрелок не видит противника. Над Горобинским нависла явная опасность. Где же Кирток? Не может он прийти на помощь, не может. На него самого слепнями насели фашисты, жалят со всех сторон.

Инстинктивно чувствую - "мессер" внизу справа вот-вот ударит по самолету штурмана полка. Нажимаю на гашетки - боеприпасов нуль!

Руки непроизвольно дернули и открыли фонарь, кричу в переговорное устройство:

- Прыгай, прыгай, Сергей! - И на полных оборотах мчусь навстречу врагу под властью какой-то чудовищной силы.

Я почему-то ничего не видел, кроме головы летчика, которая приближалась с невероятной скоростью в скорлупе фонаря. Ставлю "ильюшина" на ребро и левой консолью рублю желтобрюхого стервятника. Перед глазами взметнулись отблески

рыжего пламени. На какое-то мгновение - потеря ориентировки и растерянность. Затем пришел в себя, быстро отстегнул ремни сиденья и с трудом вывалился из самолета.

Сильная воздушная струя ударила в лицо, подхватила и отнесла куда-то назад, словно бумажку. Упругий воздух врывался под шлем, шумел в ушах и давил на виски. Нащупав вытяжную скобу, наотмашь ее дернул. После этого почувствовал сильный толчок, прохладный ветер перестал звенеть в ушах.

Теперь надо мной легко плыл зонт парашюта, а вокруг с визгом пролетали осколки рвущихся снарядов, остатки разломанных самолетов, пронзительно выли моторы. Их вой то заполнял все вокруг, то, когда атака завершалась, постепенно затихал и превращался в далекое жужжание.

Но что это? От пары фашистских истребителей оторвался один фриц, развернул круто свою машину и направил ее на мой парашют. Лихорадочно жду очереди. Но пулеметы стервятника молчат. Ясно! Решил таранить. И только фашист начал ко мне приближаться, левой рукой схватил одну сторону строп в жгут и начал наматывать на правую руку. Отчетливо слышу нарастающий свист винта и сильно тяну пучок строп вниз. Парашют складывается конвертом. Какие страшные секунды! Падаю камнем на землю. Между винтом "мессера" и куполом расстояние резко увеличивается, и, не коснувшись парашюта, немец торпедой проскакивает, но атаковать меня уже не пытается. Вот-вот под ногами ощущу земную твердь.

Приземлился в поле - жухлом, выжженном дотла солнцем и огнем, пропахшем горьким тротиловым дымом. Оглянулся и, вжимаясь ящерицей в каждую впадинку, медленно пополз к ближайшей воронке, волоча за собой парашют. Метрах в шестистах виднелся сбитый штурмовик, охваченный пламенем.

- Нашли! - кто-то загудел басом сзади. Инстинктивно потянулся к кобуре, хотел резко подняться и сразу присел: в ноге почувствовал сильную боль. Ко мне приближались четверо наших пехотинцев. Кто-то из них ободряюще бросил:

- Сейчас поможем, браток. Вишь, как тебя спеленало веревками.

- Не веревками, а стропами, - снисходительно посмотрел на младшего бровастый сержант с нашивками за ранения.

В мгновение ока они загасили тлеющий комбинезон, располосовали дырявый, прогоревший во многих местах парашют, как по команде накрутили на ноги портянки, по-ребячьи попрыгали.

- Вот теперь можно топать хоть до Берлина, - подмигнул мне бровастый и обхватил рукой за пояс, помогая идти.

А через полчаса я сидел уже в блиндаже командира стрелкового полка. Как он рассказал, штурмовики здорово помогли, атакуя фашистские танки, да и пехоты положили порядочно.

Командир налил мне стопку спирта, открыл банку американской тушенки, которую не без иронии именовали "вторым фронтом".

На следующее утро прибыл в полк. Все ребята выбежали на улицу - кто в дверь, кто через окно, - навалились, затискали.

Подошел и капитан Горобинский. Рука забинтована, он, казалось, постарел за последний бой. Только сказал:

- Спасибо, Ваня. Думал, что тебе крышка. Цепкий гитлерюка попался.

Стрелки на стратегических картах изменили свои направления: уже не немцы из Орла и Белгорода наступали на Курск, а, наоборот, наши армии безудержно гнали гитлеровцев к Орлу и Белгороду. Ничто не помогло врагу: ни хваленые "фоккеры", "тигры" и "фердинанды", ни геббельсовская пропаганда тотальной войны, ни "победный сезон" лета, ни вновь обещанное "секретное оружие".

"Последнее сражение за победу Германии", как называли битву под Курском сами гитлеровцы, они проиграли, и грозный призрак катастрофы во весь рост встал перед фашистским государством и его армиями.

5 августа столица нашей Родины - Москва салютовала в честь освободителей Белгорода и Орла двадцатью артиллерийскими залпами, засвидетельствовав этим крупнейшее поражение армии Гитлера, последовавшее после Сталинградской битвы.

О доблести советских воинов, их легендарной славе поэт Александр Твардовский в своем стихотворении "Героям Орла и Белгорода" писал:

...И голос праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом наших батарей.

И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах
Орел и Белгород - слова.

Приказ Верховного Главнокомандующего, залпы орудий, услышанные по радио, Обращение ЦК Компартии Украины, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики со словами: "Выходи на решающий бой, народ Украины. В борьбе мы не одни. Плечом к плечу с нами идут русские, белорусы, грузины, армяне - сыны всех народов Советского Союза..." - вдохнули в нас новые силы, зовя на новые боевые дела.

По кругам ада

Итак, путь на Харьков открыт. Наши войска, преодолевая яростное сопротивление противника, упорно продвигались вперед. Взломать оборону гитлеровцев было нелегко. Глубина ее на Белгородско-Харьковском

плацдарме составляла девяносто километров. Все населенные пункты враг превратил в мощные узлы сопротивления с круговой обороной, а Харьков, названный фашистами "замком, запирающим украинское пространство", прикрывался несколькими полосами обороны и укрепленными оборонительными обводами.

Мы тогда почти не выходили из кабин штурмовиков, нанося ощутимые удары по опорным пунктам врага северо-западнее Харькова. Вывели из строя железнодорожный узел Люботин, где фашисты скопили немалое количество техники и живой силы, вели интенсивную разведку. Здесь впервые состоялось наше знакомство с новыми немецкими истребителями "Фокке-Вульф-190".

* * *

Это произошло 14 августа. Солнце клонилось к закату. К вечеру командование собрало летчиков полка, имеющих опыт посадок в сумерках, и приказало тремя шестерками "илов" нанести удар по танковой колонне, двигающейся по шоссе Валки - Харьков. В штурмовую группу попал и я.

Ее вел сам командир полка майор Лавриненко под прикрытием десяти истребителей Як-3. Предстоящий полет не предполагал каких-то особых осложнений: все было проверено, рассчитано, расписано, но что-то необъяснимое все равно тревожило душу. Команда "К запуску" сразу смахнула налетевшее беспокойство. Мотор взял высокую ноту, сектор газа - вперед, и машина рванулась в небо, как бы пытаясь догнать еще не погасшую ракету. И вот винты тонким звоном режут воздух.

"Ильюшины" идут в правом пеленге. Время от времени

посматриваю по сторонам, вниз и вверх.

А сумерки становились все гуще. Командир полка, боясь, что темнота нас прихватит в воздухе, решил повести группу напрямик, через Мерефу, железнодорожный узел, окольцованный мощной зенитной артиллерией.

На подходе к станции штурмовиков встретил шквальный огонь зениток. Небо то и дело перечеркивали трассы и вспышки разрывов. В воздухе сплошной хаос. Но это еще было бы полбеды. Вдруг зенитный огонь прекратился и из-за облаков выскользнули десятка два Ме-109.

Вижу, дело табак! Один "ил" уже потянул за собой длинный шлейф к земле, второй напоролся на скрещенные трассы истребителей, третий, клюнув носом, камнем пошел вниз, расшвыривая по сторонам оранжевые клочья огня. На "верхнем этаже" истребители прикрытия и часть "мессершмиттов" вступили в жаркий бой. Но остальные Ме-109 с яростью набросились на "илы". Подбит ведущий третьей группы старший лейтенант Шаповалов, петляет машина Игнатова. Дыры просвечиваются на хвостовом оперении самолета Бойченко. Он кое-как пристроился к Шаповалову, и они вместе потянули к линии фронта...

Четверка "мессеров", заметив легкую добычу, решила доклевать поврежденные "илы", но им преградил путь Александр Овчинников. Он обрушил на стервятников такой огонь, что те заметно растерялись. Опомнившись, один "мессер" зашел в хвост самолету Овчинникова, но сразу наскочил на огонь машины Алексея Смирнова. Другого фашиста меткой очередью припечатал его стрелок - младший сержант Богудинов. "Худой", кренясь на крыло, закувыркался к земле.

В этой кутерьме гитлеровские летчики отсекли несколько самолетов от основной группы и погнали прямо на свои зенитные позиции. Облачка разрывов лопались все ближе и ближе. Глянув влево, засек приближающуюся к кабине трассу. Работая рулями, чтобы от нее отвернуться скольжением, отчетливо услышал, как воздух пронизывает скрежет металла.

Сгоряча не понял, что случилось: то ли меня настиг зенитный снаряд, то ли ударило взрывной волной. Ушел на бреющий и, прижавшись к земле, через некоторое время сделал горку, выровнялся. Определил визуально, что лечу не в сторону своих, а в противоположную. Но там же враг!..

Новый взрыв потряс машину. Бросил взгляд на приборную доску - а по ней буд го молотком кто. прошелся. Штурмовик с каждой секундой "тяжелел" и управлять им становилось все труднее. Высота неумолимо падала. Уже отчетливо вырисовывались подковообразные позиции зенитных установок,

пулеметные гнезда, ряды окопов, оплетенных сетью проволочных заграждений.

У дороги сновали немцы. Надо тянуть подальше от них, ближе к оврагу.

В кабину хлестнуло гарью, горячим воздухом. Перед глазами плавал едкий сизый дым...

- Пулемет к бою! Держись крепче, - крикнул стрелку.

И вдруг раздался оглушительный треск, было такое ощущение, словно машина врезалась в какую-то невидимую стену. Неимоверная сила оторвала меня от сиденья, в глазах завертелись, замельтешили темные круги, из ноздрей потекла кровь. Земля стремительно приближалась. Пронзительный свист до боли сверлил уши. Казалось, я куда-то проваливался, как в бездонный колодец. И не было конца этому падению...

Медленно возвращалось сознание. Словно в.тумане увидел серо-зеленые фигуры, услышал чужой говор. Плен... Эта мысль поразила, связала руки, сковала волю.

Первым подошел сухопарый обер-лейтенант с молниями в петлицах. Он ткнул в мою сторону рукой и спросил:

- Ты есть штурмофик?

Глотнув соленую, с кровью слюну, испытывая ноющую боль во всем теле, я поднялся на четвереньки, распрямился, отрицательно покачал головой.

Рука гитлеровца недвусмысленно легла на кобуру парабеллума. "Только бы, гад, скорее кончал!" - было единственным моим желанием в ту минуту. С трудом сделал шаг и упал.

Горели губы. Язык пересох, распух и занемел. Пошевелился. Понял, что лежу на земле. Прикоснулся к ней щекой, покрытой чешуйками запекшейся крови. Но от этого не стало легче. Мучительно хотелось пить: хоть один глоток, одну капельку...

Несколько рук грубо сгребли меня и затолкали в коляску мотоцикла. В дороге так трясло, что казалось, мотоциклист специально выбирает рытвины и выбоины...

Так я оказался в Полтаве, в лагере для военнопленных.

...Это была длинная конура с грубо сколоченными нарами. В барачном нутре плавал едкий запах креозота, из всех углов тянуло смрадом.

Простонали двери. Я нащупал брезентовую подушку, набитую соломенной трухой, прислушался. Рядом кто-то разговаривал, но почему я ничего не вижу?

- Люди! Есть кто тут?

Протянутая рука наткнулась на заплесневевшую стену. На мой голос откликнулся скрип нар, отозвался кто-то рядом:

- Повернись сюда. Давай сниму бинты. Вон сколько грязищи...

- Бинты. Не надо - я сам...

Рванул задубелую на голове повязку. Сначала ничего не мог разглядеть перед глазами плавал какой-то серый дым. Провел ладонью по лицу: сплошное месиво...

В барак прошмыгнул тип в мундире жабьего цвета. Физиономия лоснится, рябой, как вафля. Молча положил на табуретку возле койки ломоть хлеба.

Хлеб был еще теплый, от него шел такой знакомый, приправленный хмелем запах, что мне сразу стало плохо от внезапного приступа голода. Только сейчас вспомнил, что двое суток не держал во рту маковой росинки. Отломав кусочек хлеба, хотел положить в рот, но неимоверная боль связала зубы. Десятки товарищей по беде наблюдали за тщетными моими попытками проглотить хлеб, не в силах чем-либо помочь. Но вот один из пленных подполз на коленях к моей "койке", взял ломоть хлеба и стал жевать, передавая мне еду.

- Бери, ешь, летчик.

От такой заботы стало не по себе. Какой же я беспомощный!

Из глаз покатились тяжелые слезы, и, чтобы никто их не видел, отвернулся к стене, до боли сжал кулаки и отчаянно забарабанил по голым кирпичам стены.

На завтрак мне снова принесли хлеб с заметной прибавкой: на сто граммов больше, чем всем остальным, Заметив мой недоуменный взгляд, надзиратель промычал:

- Тебе, украинцу, будут давать хлеба больше, чем русским. - Он кивнул на соседей по несчастью: - И не вздумай ни с кем делиться. Прибью...

Упитанный мордоворот показал мне кулак величиной с лошадиное копыто. Затем, довольный, заржал:

- Так приказал начальник лагеря. Фюрер не может прокормить всех азиатов.

- А ты кто - фриц?

- Поговори мне, сучий сын. Потрохи бы выпустил, да жаль, отвечать еще за тебя придется.

Так я пролежал несколько дней в душном бараке, сквозь стены которого проникали крики конвоиров, рычание овчарок, стоны избиваемых, выстрелы...

Сознание временами тускнело. Острой болью свербила правая половина головы, жгло руку, в которой остались мелкие осколки.

Потом начали гонять на работу - рыли котлован. Одни рыли, другие сразу же его забрасывали. И так с утра до темноты.

Из-за малокровия и истощения началась "куриная слепота".

Иду, спотыкаюсь, не вижу ничего. Стоит сделать неосторожный шаг в сторону, и получишь от конвоира пулю. Товарищи старались следить за мной, водили, заталкивая в середину колонны.

Однажды под вечер в барак вошел голенастый офицер в фуражке с высоко вздернутой тульей, с эмблемой - череп и перекрещенные кости. Лицо холеное, самодовольное.

Сверкнув золотым зубом, заулыбался. Да только глаза холоднющие.

- Иван, идем в регистратуру. Хватит тебе грязной работой заниматься. Есть дело...

Я даже вздрогнул: откуда он меня знает? Но тот хлопнул по спине и резко повернулся к дверям барака.

"Регистратурой" оказался кабинет с наглухо закрытыми окнами. От черных штор тянуло чем-то могильным. Там было прохладно и полутемно, как во время сумерек.

Сидевший за столом лысый полковник с Железным крестом показал на стул. Остальным приказал выйти. Остались только сопровождающий меня офицер, в тесном мундире со шрамом на асимметричном лице, и часовой - в покатой каске с ремешком на квадратном сизом подбородке. В его ручищах "шмайсер" походил на детскую игрушку.

Полковник снял очки в золотой оправе, с наигранной усталостью глубже откинулся к спинке кресла.

- Пока ты находился у нас, - безо всяких вступлений полковник покрутил дужку очков, - мы узнали все. Ты летчик-штурмовик. А штурмовики, насколько я знаю, - народ смелый. В рот им палец не клади. Да и машины у вас - сущие дьяволы. Шварце тод. Однако наши зенитчики тоже хороши... Пиф-паф - и ты у нас в гостях...

Все засмеялись. Даже у конвоира на лице появилась дурацкая ухмылка.

- От тебя требуется немного, - продолжал полковник, - кое-какие уточнения - кто тобой командует? Сколько и какие самолеты действуют против нас? Где аэродромы? Может, знаешь, откуда и как подвозят технику, живую силу, боеприпасы?

Я молчал.

- И все же - кто твои командиры? - спросил полковник, вытянув пачку сигарет. - Куришь?

- Нет!

- Удивительно. Может, ты и шнапс не пьешь, и девочек не любишь?.. полковник засмеялся, раскачиваясь на стуле.

После этих слов "регистратура" наполнилась хохотом.

- Ну, ладно, юноша. Если так быстро забыл своих

командиров, мы поможем тебе вспомнить.

Полковник наклонился к офицеру со шрамом, что-то шепнул ему. Тот щелкнул каблуками и удалился.

- Ваш соотечественник освежит сейчас вашу память.

"Будут сейчас бить", - подумал я и крепко сжал кулаки. Через минуту возвратился "соотечественник", держа в руке что-то наподобие альбома.

.... Полковник раскрыл его, разложил десятки снимков. Среди них были фотографии многих незнакомых офицеров и... фотокарточка командира полка. Чуть не выдал себя, но сдержался, сделал безразличный вид.

- Нет, знакомых не вижу. Это какие-то большие начальники, а я личность маленькая. Да и воюю всего лишь несколько дней. Сбили на втором вылете...

- Не рассказывай мне, миленький человек, сказки про белого бычка!

Отто - как его называл полковник - аккуратно собрал фотографии и взял альбом под мышку. Его тонкие губы нервно побелели, под кожей вздулась синяя вена. Он что-то прошипел полковнику на ухо.

"Вот и все, Иван, - подумал, - готовься в расход".

Бочкоподобный фриц вытолкнул меня из "регистратуры" на большой двор, где взад и вперед ходили часовые, громко топая сапогами, покрикивали надзиратели на военнопленных, бредущих с лопатами, с тачками, носилками.

Где-то в северной стороне услышал гул самолетов, и сердце сжали какие-то невидимые щипцы. Остановился, посмотрел в небо. Четверка краснозвездных "пешек" держала курс на запад. Немец, двинув меня автоматом в спину, рявкнул:

- Шнель!

На допрос водили по нескольку раз в день. И каждый раз за столом я видел полковника, золотозубого Отто, "соотечественника", а рядом - дебелого часового, застывшего как пень, бессмысленно таращившего глаза на офицеров.

И снова начиналось. "Где? Сколько? Когда? Как?.." Поняв, что разговор бесполезен, полковник долго тер свой голый череп белоснежным платком, а потом льстиво спросил:

- И как тебя содержат мои люди? Может, есть какие-то просьбы?

- Разве они люди? - не выдержал я, поправляя на голове грязную повязку, которая уже несколько дней не менялась.

- Ну, ладно. Об этом разговор еще впереди. Как вижу, в лагере тебе не сладко.

Полковник бросил взгляд на Отто, затем загадочно объяснил:

- На войне как на войне, а она не бывает без жестокости. О тебе подумаем...

Мое частое отсутствие показалось кое-кому в камере подозрительным, и однажды в темноте свалилось обидное до боли:

- Что-то с ним долго беседуют. Наверное, уже продался с потрохами.

Весь налившись злостью, я закричал на весь барак:

- Еще не сделали таких денег, чтобы меня купить!..

- Тише, ребята, - кто-то спокойно перевел разговор на другую тему. Отсюда нам надо вырываться любой ценой... Любой - иначе сыграем в ящик.

Неожиданно меня перевели в отдельную палату.

Пружинная кровать с чистыми простынями и мягким одеялом.

У окна - стол с клеенкой в клеточку. Стопка журналов и газет на тумбочке.

Цветы. Вокруг - чистота и уют. Пальцы нащупывают заботливо сделанную на голове повязку. Молча появляются врачи, дают лекарство и исчезают, словно белые призраки. Тело приятно согрето, но на душе - лед. Уж слишком пугала необычная обстановка.

Зачастил ко мне и сосед из другой палаты. Прыгает воробьем на костылях - нога в гипсе. Отрекомендовался офицером-танкистом. Сам молодой, только плешинка на голове просматривается. Весь какой-то невыразительный, тусклый, говорит полунамеками. Он-де понял: возврата к нашим нет. Пленных там ставят сразу к стенке или, как великодушие, - штрафная. Так что, мол, надо менять стаю, если хочешь жить. А залетел в нее, то и пой по-другому. Всякий там долг - ерунда, а совесть - не дым, очи не выест.

- Так вот куда ты, "танкист", клонишь, зараза плешивая?! Ты мне, гад, туман не напускай. Говори прямо, чего хочешь?

Как ни изворачивался сосед, от него все-таки узнал: немцы начали испытывать нехватку летных кадров и согласно приказу Гитлера пытаются собрать в специальные лагеря пленных летчиков с целью использовать их на своей стороне под флагом "русской авиации". Да, видно, туго приходится люфтваффе, трещат они по всем швам. Вот теперь понятно, почему меня так внимательно обхаживают врачи, дают всякие лекарства чуть ли не с ложечки, а на столе вместо лагерной баланды и черствого хлеба с опилками появляются ресторанные блюда с неизменной порцией вина. А сосед все напевал:

- Согласишься - жить будешь с шиком, вот так... И он показал

мне журнальчик, где были снимки, как предатели-власовцы вкушали "прелести земные".

- Ну, а если,откажусь?

- Не понравится, сам знаешь, что можно сделать, когда в руках самолет. Махнешь к своим, а тебя там встретят: "Здравствуй, голубчик! Явился - не запылился". И как бабочку на булавочку - р-а-аз - и в коллекцию.

Плешивый самодовольно хихикнул.

- Ах ты погань! - Схватил "танкиста" за грудки, хотел двинуть его в птичье лицо, но тот, изловчившись, выскочил из палаты, забыв о костылях.

Несколько дней меня не трогали. Разные мысли рождались в голове, наталкивались друг на друга, затем сплетались в один клубок, из которого без конца выползал вопрос: что же со мной будет дальше?

И так прошла еще одна ночь...

- Проснулся, - сказал кто-то рядом по-русски.

Открыл глаза и увидел тощего, как жердь, человека в очках, гладко выбритого, одетого в белый халат. За ним стоял полковник, к которому меня водили на "рандеву".

- Поразительно крепкий организм, господин полковник.

Тощий снял очки, протер их и посмотрел в стекла на расстоянии.

- Вам повезло, доктор, - полковник скрестил руки на груди. - Мне же придется оперировать его упрямство, несговорчивость.

- Да, у вас задача посложнее.

Врач наклонился надо мной, и костяшки его пальцев дробно застучали по крышке тумбочки. Полковник сел рядом на стул.

- Самочувствие, я вижу, у тебя отменное. Ты просил подлечить, мы великодушно сделали это. А теперь, как говорят русские, ближе к делу. Вот документ, подпиши - и в твоей жизни все сразу изменится. Получишь свободу и вместо твоего самолета - новую прекрасную машину. Будешь летать с нашими лучшими асами и так же, как они, получать рейхсмарки. Много, много марок.

Полковник закинул ногу на ногу, с минуту помолчал, потом как-то интимно подмигнул и прошептал:

- Летчики, как правило, с первой же атаки сокрушают женские сердца. А женщины будут красивые, ласковые...

"Что, что ему ответить? - лихорадочно размышлял про себя. - Если откажусь, посадят в какую-нибудь крысиную дыру, будут истязать, сечь шомполами, загонять под ногти иголки. Страшно и мучительно. А если оттянуть все это, получить самолет - и к своим?"

И тут передо мной неожиданно появился образ матери. Ее родное лицо было строгим, глубокие карие глаза, еще не потерявшие своего блеска, смотрели проницательно, испытующе. Мне показалось, что в том взгляде и был весь ответ. Согнутая материнская рука поднималась... для благословения или для проклятия.

А потом мысленно пронесся перед строем однополчан. Обветренные, суровые лица, глаза, преисполненные глубоких раздумий о судьбе живых и погибших...

- Никаких бумаг подписывать не буду! И катитесь вы...

С минуту полковник оставался неподвижным, устремив на меня свои ставшие стеклянными глаза.

Затем заорал, словно ему подсунули под ягодицы раскаленную жаровню.

- Так ты, может, коммунист?! - брызнул слюною.

- Да, коммунист, и служить всякой погани не буду! Не дождетесь! Если суждено умереть, то умру на своей родной земле, а ваши могилы затопчут, разровняют, и даже волки на них выть не будут.

Полковник отшвырнул от себя стул:

- Не надо патетических изречений, молодой человек. Должно быть больше здоровых, трезвых инстинктов. Брось корчить из себя героя, ибо, как говорят русские, ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют. Сейчас мы посмотрим, как ты будешь дрожать, ползать на коленях, просить пощады, но, увы, будет уже поздно. Заруби себе на носу, слышишь, поздно!.. Вы фанатичное племя, жалкие рабы! - И, тяжело дыша, добавил: - Унтерменш! Взять его!

В палату тут же вбежали два дюжих "санитара", выкинули меня из койки и грубо поволокли во двор. Полковник следовал за нами.

- Мы теперь тебе покажем небольшой спектакль.

Итак, действие первое. - Ядовитая улыбка расползалась по пористому лицу полковника. - Для профилактики.

Спустились в подвал. Там увидел изможденного человека в лохмотьях, с глубоко провалившимися глазами. Он стоял, опершись о скользкую каменную стену.

- Вот посмотри, как горят твои комиссары, - резанул взглядом лысый.

Сначала никак не мог догадаться, какой смысл таится в этой фразе полковника. А человек, видимо, понял. Но он не попятился, не закричал, а только выпрямился и гордо поднял поседевшую голову, словно желая увидеть, что там находится выше, за толщиной подвального перекрытия.

Полковник взмахнул неведомо откуда появившейся у него бутылкой с горючей смесью.

У бросавшего был наметанный глаз. Бутылка звякнула о решетку и разлетелась на куски. Вспыхнуло пламя, которое мгновенно переметнулось на пленного. А человек стоял. Он так и остался черным, обуглившимся остовом у каменной стены, не проронив ни слова, не издав ни стона.

- Может, ты теперь припомнишь знакомых и примешь наше предложение? полковник заложил руки за спину, самодовольно улыбаясь.

- Не дождетесь вы этого никогда!

- Дело хозяйское. Но подумай до утра, наш несостоявшийся друг. Завтра тебе тоже может быть жарко. Приятных сновидений.

- Когда мне будет жарко, из вас вытрясут душу! - крикнул гитлеровцам вслед. - Может, чуть позднее, но обязательно это будет.

Полицай закрыл мне рот своей потной ладонью, а два солдата набросились с кулаками. Удар! Еще и еще. В голову, в плечо, в бок... Потолок пошел кругом и потонул в багровой тьме.

Утром в камеру, где накануне сгорел комиссар, швырнули и меня. Вокруг плавал еще не выветрившийся едкий запах гари. Вот здесь я точно понял: это конец. Отсюда никто не выходит. Отсюда даже не выносят. Просто выметают пепел.

Ночью снова зашел полковник. Сняв мягкую кожаную перчатку, вытер платком желтую лысую макушку:

- Поговорим, летчик.

- А зачем? Нам говорить не о чем...

- Майн гот! Какое дикое упрямство. Отто! - каким-то веселым голосом прошипел полковник. - А ведь мы его не долечили. Ай-ай, какое упущение. Этот пробел надо обязательно восполнить.

Взмах перчаткой. Солдаты, прижав меня к цементной стене, ударили головой о твердое покрытие.

Вдруг в лицо плеснуло огненным паром. Пронзительная боль - и сознание провалилось во тьму.

Затем начались галлюцинации. Опять мать. Как она сюда попала? Я ведь хорошо знал, что она живет рядом с блокадным Ленинградом. Но как пробралась через фронт, как вошла сюда, в глухой смертельный застенок? Ладонь ее прохладная, маленькая, шершавая. Гладит изрубцованную щеку, лоб. "Больно?" - спрашивает. "Очень больно, мама". Ее ладонь снова прикоснулась ко лбу. "Да у тебя температура". Так было в детстве - набегаешься по морозу, снега наглотаешься - вот и жар, озноб. Уложит тогда в постель, ноги закутает, даст какое-то снадобье, и на следующий день уже ожил, готов снова выбежать на волю. Вот какая легкая

рука матери, как живительно ее нехитрое лекарство. А пока плохо, очень плохо...

Скрип дверей возвратил в действительность, наполненную мраком черным, осенним. Прелая солома буквально шевелится от насекомых. До подбородка натягиваю какие-то лохмотья. От нестерпимой боли, пригвоздившей к нарам, начал ковырять ногтями кирпичную стену.

Не будь ее, боли, пронизывающей каждую клетку, выскочил бы из этого смрадного колодца на вольный простор и бил бы в набат до смертного часа: "Люди! Уничтожайте фашистских гадов, травите бешеных собак, носящих человеческий облик! Нет им никакого прощения, нет пощады".

Отвернувшись к коричневой с плесенью стене, отчаянно напрягал память, вспоминал детали последнего "визита" к полковнику. Уговаривали. Подсовывали что-то подписать. Потом били... Кричали. Стращали. Что тогда завизжал полковник? "Это опасный враг!" Враг - это я. А потом? Слово какое-то употребил: "ум... умля-ген". Что оно значит?

Выгонят на работу - обязательно спрошу конвоира: "Вас ист умляген?".

Когда в бараке стало затихать и прутья решеток на окнах слились с темнотой, подсел рядом Виктор - мой знакомый летчик с Ли-2, сбитый в районе Полтавы.

- Ох и разукрасили тебя подлюки. Вылечили!

Виктор наклонился ниже.

- Что-то зашевелились немцы со своими холуями, словно им под хвост скипидару плеснули. Слышал я, наши прижучили гансов. Вчера какие-то ящики с барахлом грузили - должно быть, пятки смазывают.

- Ты в немецком силен? - спросил я Виктора.

- В объеме школьной программы: "Анна унд Марта баден". А что?

- Полковник, который меня обхаживал, несколько раз повторил "умляген".

- Поди разбери! Как индюки балабонят...

Позже я узнал, что "умляген" - жаргонное слово, означающее уничтожить.

...А мне с каждым днем становилось все хуже и хуже. Страшные боли разламывали голову с правой стороны. Тело деревенело от холода, гулявшего по бараку. За стеной завывал ветер, по стенам скользили лучи лагерных прожекторов. Ненавистный вой и лай собак перемешивались с автоматными очередями.

В бараке кто-то сонный всхлипывал, метался в бреду, стонал,

скрипел зубами. И так каждую ночь. Дальше - больше. Перемешалось все: день и ночь. Меня брали под руки и выводили долбить каменную землю. Ну, думал, - конец. Тут, в одной из ям, которые мы рыли, и засыпят, катком придавят... Кончена песня, отжил, пропал.

Стояли пасмурные, дождливые дни.

Сырой туман разъедал землю. В лужах стыла вода, деревья стояли помертвевшие, и казалось, никогда они не оденутся в свой зеленый наряд.

Как-то задолго до рассвета всех буквально выбросили на лагерный двор. По нашим спинам и головам прошлись приклады, палки, плетки, крученные из телефонного провода...

За воротами лагеря под опавшими акациями ждали автомашины, покрытые брезентом, с грязными колесами. У грузовиков стояли солдаты с широко расставленными ногами и опущенными "шмайсерами", застывшие смутными привидениями. Запах табачного дыма мешался с вонью синтетического бензина.

После барака, зловония, пропитавшего одежду и тело, свежий утренний воздух, набегавший из-за стены, опутанной колючей проволокой, бодрил, казался целебным.

Конвоиры, сбившись в кучу, переругивались, затем нас начали загонять в машины. Человек по двадцать. Сзади в кузове уселись двое полицаев: один молодой, с бледным и тонким, как у покойника, носом, другой - сутулый, здоровенный, словно шкаф. Молодой сразу же втянул голову в поднятый воротник, второй после того, как защелкнули борта грузовика, сразу пустился разглагольствовать:

- Довоевались, большевички, - слюнявил он слова. - Хозяином скоро буду. Гитлеру за это нижайший поклон - порядок в Европе навел и нас не забыл. А ваше дело - каюк! В Кременчуге уже баньку растопили. Помоетесь, гы-гы...

"Так вот куда везут! В Кременчуг".

Этот лагерь был давно известен: в прошлом году зимой там замерзли и стали калеками тысячи военнопленных. Там же в казарме, до предела набитой людьми, обвалились многоярусные нары и погибло более трехсот человек.

Наш грузовик попятился, хлестнул светом фар по кирпичной стене, медленно пополз к воротам за другими машинами.

В проеме за полуопущенным брезентом мелькали нахохлившиеся домишки, темные палисадники, мертвые переулки. Ни людей, ни огонька, ни звука... Выехали в степь.

- Вот я и говорю: ваше дело швах, - продолжал дальше полицай. - Печи вами не натопят - очень сырые, да мы дровишек прихватили. Так вот, может, у кого грошики или золотишко

припрятано: валюта, в бумажках, то давай их сюда.

- У нас есть не гроши, а воши... германские, - не выдержал Виктор.

Полицай засопел, выругался:

- Тебя-то первого и помою в баньке, раз ты этакий умник. В крематории...

- Не мешай спать, холуй, - расслабленным голосом решил я прервать разговор, а сам, крепко сжав руку Виктора, шепнул: - Бери молодого... Он хлипкий.

Осторожно подполз к дремлющему полицаю, чуть приподнял голову, тяжелую, как чугунное ядро, и ребром ладони, собрав все свои силы, нанес ему резкий удар по горлу.

Рядом корчился другой полицай, царапая пол машины подковами. Можно бежать.

А вокруг темень, хоть глаз выколи. Дождь, грязища...

Впереди и сзади мутные прыгающие фары эшелона смерти. Пора! Валимся на борт. Пять человек.

Машины прорычали возле наших голов. Редкая жижица брызнула в лицо. Отползаем все дальше и дальше от шоссе и, как перекати-поле, скатываемся под откос. Переждали, пока затих шум автоколонны, поднялась, вытерли руки о слежавшуюся траву. Здесь же, разделившись на две группы, и распрощались. Я оказался с Виктором и Сашей. Ныряем в туманную мглу - и что есть мочи бежим. Скорее, скорее от страшного места!

Сзади ковыляет Саша, рвет на себе ворот куртки, приседает, крепко обхватывает деревья и тяжело стонет: "Не могу...".

Свалились и мы от давящей усталости. В голове, кажется, колотят сто молотков. Лежу лицом на мягкой, мокрой земле, устланной осенней листвой. И словно сквозь сон, сквозь горячий звон услышал с неподдельной явью близкий, знакомый голос: "Держись, Иван, ты нам очень нужен".

Я тотчас узнал его: это был голос командира эскадрильи...

Голодные, изможденные, с воспаленными ранами, брели мы ночами на восток, ориентируясь по туманной россыпи звезд. А дороге нет ни конца, ни края...

Мне очень плохо. Прикладываю холодную землю к правой височной области головы, чтобы хоть как-то снять боль. А Саше стало еще хуже: у него началась гангрена.

- Хватит, хлопцы, со мной мучиться. Идите сами, а меня оставьте.

- Потерпи, Сашок, потерпи, друже...

Мы несли его по очереди. Так на наших плечах он и умер. Вырыли заостренными палками неглубокую могилу в ложбине между двух берез, похоронили товарища, постояли в горестном

молчании и снова побрели дальше.

С рассветом спрятались в глубокой балке. Одна за другой гасли бледные звезды, а над верхушками деревьев гомонило воронье. Издали доносилась стрельба, с гулким треском взрывались снаряды.

Отощали с Виктором порядком, еле волокли ноги. Жевали на ходу траву, от нее во рту оставалась только горечь.

Подошли к какому-то селу, остановились у крайней хаты с новым плетнем. Вдоль него тянулись увядшие смородиновые кусты, дальше, на взрыхленной земле, зеленели кучи ботвы. И вдруг остервенело залаяла собака, бряцнула цепь. Спину сразу охватил озноб: думалось, что дворнягу слышит вся округа.

Скрипнула дверь, и здоровый усатый дядько, в синих подтяжках, грубо цыкнул на дворнягу, и та заскулила, смолкла, лениво потянула цепь к будке. Виктор прилег у дерева, а я окликнул дядьку на крыльце:

- Не найдется ли у вас хлеба, землячок?

Он долго рассматривал меня, приложив руку козырьком к глазам, потом засуетился и ответил:

- Как же не найдется! Сейчас вынесу. Подожди...

Хозяин нырнул в хату, долго не появлялся и вышел... с двумя полицаями. Те на ходу застегивали мундиры.

- Бежим! - крикнул Виктору, и мы, не чувствуя ног, бросились в сторону леса. Сзади раздался топот, выстрелы, пули взвизгивали, ударяя по стволам сосняка. Отдышавшись, прислушались. Погоня прекратилась.

- Вот гадюка! - погрозил в сторону "хлебосольного" хозяина забинтованной рукой Виктор, и мы пошли вдоль дороги. Затем свернули на тропинку, петляющую между вмятинами от мин и снарядов. Лишь на рассвете замертво повалились на кучу хвороста с одной мыслью: только бы подняться и идти к своим...

Здесь нас и подобрали разведчики. У меня хватило сил только сорвать матерчатую грязную бирку с номером 3706.

В стрелковой части пробыли недолго, оттуда переправили в Рогань.

...Штурмовики! Ребята! Обнимаю незнакомых мне летчиков, уткнувшись забинтованной головой в их широкие груди. В горле стоит колючий комок. Не ведут, прямо несут нас в столовую, шумно садятся, торопливо зовут официанток. Окружили, расспрашивают. Разве это расскажешь?..

Лица у ребят мрачные от суровости, на скулах перекатываются желваки, сжимаются каменные кулаки. Кто-то запальчиво крикнул:

- Так мы еще, наверно, плохо бьем фашистов! Разве так их

надо бить!

Николая Петрова, своего однокашника по училищу, приметил за столом сразу. Узнает ли? Слышу: "Неужели Иван?..".

Сделал вид, что его не знаю, нагнулся, заправил холстяную портянку в ботинок без шнурков.

- Так это же Ваня Драченко! - сорвался с места Коля, схватил меня в объятия.

- Ты живой? А мне писали, что сбили. Фу ты, чертушка!

Летчики дружно встали, с любопытством обступили нас.

- А твои синеносые (коки "ильюшиных" в нашем полку были синего цвета) сейчас базируются не здесь. Небось, соскучился...

- О чем ты говоришь? Да я и пешком согласен идти к ним, по-пластунски ползти. Теперь вдвойне хочу воевать, бить врага!

Идти к своим пешком мне, естественно, не пришлось.

- Куда тебе такому на фронт? Тебя ж от ветра шатает. Ну, вот что. Утром приедем на аэродром, полетим вместе к вам, в полк. Я туда штурмовик должен перегнать. Кабина стрелка свободна. Отдышись немного, чтобы на человека был похож. А потом отправляйся-ка в госпиталь, пусть тебе глаз посмотрят, что там фашист наковырял. Если все нормально, вот тогда можешь на фронт. Ну как, лады?

- Пожалуй, ты прав, Коля.

Николай Петров на рассвете поднял свой "ил" и взял курс на Красноград. Получил разрешение от своего командира прихватить и меня.

Вместо стрелка летел я. От высоты кружилась голова, укачивало. Все пережитое недавно казалось страшным кошмарным сном, если бы... если бы я не помнил каждую минуту горьких дней плена. Как встретят меня в полку, пропадавшего без вести столько времени? Все это колючей вьюгой кружилось в голове, не давало покоя.

Чем ближе подходили к аэродрому, тем сильнее охватывало волнение: сердце гулко билось в груди, и казалось, его удары передаются на весь корпус самолета. Вылез из задней кабины, а ноги не несут, словно их набили опилками. Огляделся.

"Илы" нашего полка стояли в ровном строю, отдыхая после боя. Хотелось расцеловать мою родную землю, моих товарищей.

Вот они! Первым бежит Николай Кирток. Обступили со всех сторон, смотрят настороженно. Колю Полукарова толкает Анвар Фаткулин.

- Смотри, да ведь это Драченко вернулся!

Меня сжимали в объятиях, слегка колотили по бокам от избытка чувств. Встреча с боевыми друзьями была радостная и вместе с тем грустная. Зашли в землянку. Припомнили тот

злополучный августовский день, когда потеряли четырнадцать машин, и тех, кому уже не суждено сидеть рядом в тесной боевой семье.

Сурово и задумчиво лицо Саши Кострыкина. Ему прямо-таки "везло" на истребителей фашистов: за время боев на Курской дуге он дважды был сбит. На лбу багровый шрам в виде креста - след ранения в бою под Белгородом.

Тут же сидел скромный парень. Николай Пушкин. Плотный, похожий на дубок блондин, которому, казалось бы, нипочем любые невзгоды. А он их хлебнул с лихвой.

...К командному пункту полка, пошатываясь, шел человек в лаптях. Телогрейка изодрана, вместо пояса - веревка. Шел и, казалось, вот-вот упадет. Да, это был он, Николай Пушкин. Целый месяц скрывался от немцев подбили в бою.

- "Мессеров" тогда слетелось с полсотни, - рассказывал командир эскадрильи Николай Евсюков. - И тут не помог бы даже организованный ответный огонь. Слишком неравные были силы. "Худые", взяли количеством, да и вражеские зенитки били на редкость прицельно. В таких случаях следовало сомкнуться, прижаться к земле, чтобы исключить атаки истребителей снизу. Тогда так сделать не смогли. Бой проходил в очень быстром темпе, да еще в сумерках...

На следующий день я собирался в госпиталь. Товарищи молча складывали нехитрые пожитки. Но все это происходило как будто вдали от меня: в душу въедалась такая тоска! Очень уж не хотелось расставаться с родным полком.

- Ты, Иван, поправляйся, да побыстрее. Незачем штурмовику залеживаться на больничных койках, - прощаясь, сказал Евгений Алехнович. - Мы с тобой фашистам еще хвост покрутим, вот увидишь.

...Есть люди, с которыми никакие напасти не страшны. С таким, как Алехнович, в буквальном смысле слова, можно было идти в огонь и в воду. Женя самозабвенно любил свое дело, и полеты для него составляли часть его жизни.

Простой, скромный парнишка с Донбасса, он не мог не стать летчиком. Работал токарем на Зуевской ГРЭС, записался в планерный кружок. А весной 1940 года по путевке комсомола был принят на учебу в Харцызский филиал Макеевского аэроклуба. Он в группе лучше всех успевал по теории, первым начал летать, первым прыгнул с парашютом. Затем Луганская авиационная школа, фронт... Как похожи были тогда наши биографии.

Я смотрел на Женю, внешне бодрящихся товарищей, но на их лицах читал: на возвращение у меня нет никакой надежды. Ну что ж, посмотрим...

Транспортный самолет взял курс на Москву. Убаюканный ровным гулом двигателей, на этот раз заснул крепким сном. Приземлились на аэродроме Внуково. Оттуда увезли в Сокольники, в Институт травматологии и ортопедии.

Потянулись госпитальные дни, длинные, однообразные, как бесконечная пряжа. Ни конца, ни краю.

В палате голые светлые стены, устоявшийся запах лекарств, гнетущая тишина. Одна операция следовала за другой. Спокойно принимал все процедуры, а ночью, когда все засыпали, думал, напряженно думал.

Как жить дальше? Кто я теперь? Инвалид. Белобилетчик. Даже в пехоту с одним глазом не берут. Как говорится, и в обоз путь заказан. Лишь одна дорога - в тыл. Но неужели нет выхода? Первый заслон поставят врачи: люди они педантичные и неумолимые. Я знал, сколько и каких усилий пришлось приложить Алексею Маресьеву, чтобы все-таки добиться разрешения летать без ног. У меня сложнее. Стоит только сомкнуть веки - и сразу узнаешь о глубине зрения. Даже идти, взять в руки какой-нибудь предмет становится трудно. А летать, выполнять действия, где главным моим контрольным "прибором" служит глазомер... Эти мысли не давали покоя. И вот все операции закончены: нос "отремонтировал" профессор Рауль, а глаз - профессор Свердлов. Он вычистил глазное дно, вырезал слезоточивые мешки, подобрал протез.

- Оба глаза - как две капли воды, - похлопал меня по плечу профессор.

Подошел к зеркалу, посмотрел: действительно, разницы между глазами никакой, только над правым чуть опущено веко. Сойдет...

После двух месяцев лечения собрался в дорогу. Уже и комиссию прошел, и не одну. Перед отъездом пошел на прием к профессору, золотые руки которого вернули мне человеческий облик.

- Дорогой мой исцелитель, - обратился я к профессору. - Вот и закончились ваши мучения с моей персоной. Чувствую себя превосходно. Здоров, извините за сравнение, как бык.

И так стукнул себя в грудь, что даже в голове загудело.

- Да, здоровьем вас матушка-природа не обидела. - Свердлов медленно поднялся из-за стола, заложив руки за спину. - Но...

Это "но" меня сразу насторожило, хотя старался не подавать виду.

- Сейчас бы к ребятам, в полк, - подавив волнение, выдавил я из себя слова, которых сам боялся. - Там хлопцы при деле, летают, бьют фашистов.

Свердлов опять опустился в кресло: - Я все понимаю. Но вы, молодой человек, летать уже не сможете.

Меня словно окунули в ледяную купель:

- Как не смогу? Я же здоров. Вижу вас во всех ракурсах, читаю таблицу от верхней до самой нижней строки. Вы просто ошибаетесь, профессор, делая такой вывод!

Моя речь стала сбивчивой, слова буквально натыкались друг на друга, почувствовал, что дальше говорить не смогу.

- Возможно, я не прав, но вот послушайте научное заключение профессора Александра Васильевича Вишневского применительно к нашей ситуации: "Едва ли с одним глазом летчик сможет при посадке правильно определить расстояние до земли. Он теряет так называемое глубинное зрение. От этого не уйти: закон физики".

Профессор назидательно поднял вверх указательный палец, развел руками.

- Это также и закон медицины.

- Теоретически это так, - не сдавался я, - но ведь летали же с одним глазом летчики. И как еще летали!

- Это исключительные случаи, но никак не основание дать вам "добро". Сделать это я не имею права.

Лицо профессора сделалось непроницаемым, неумолимым. Я подошел к окну, прислонился к холодному стеклу лбом. Где выход? Что мне делать?

- Тогда... тогда, пожалуйста, напишите справку, в которой бы значилось, что такой-то летчик направляется в свою часть для прохождения дальнейшей службы. Обещаю вам, что кем угодно буду: механиком, укладчиком парашютов, вооруженцем. Даже воду и дрова на кухню возить согласен, только пустите в часть.

Но Свердлов был неумолим! Он, как гвозди, заколачивал слова в мою зыбкую надежду:

- Все, юноша. Ваша летная карьера закончилась, и с этим надо смириться...

Смириться! Неподатливый ком подкатился к горлу, было такое состояние хоть в прорубь. Смотрел в окно на широкий госпитальный двор, где медсестры провожали нескольких офицеров с вещмешками и шинелями в руках, старался успокоиться.

- Не буду вам говорить высокопарных слов, профессор, вы их немало наслушались, - начал быстро и горячо, боялся, что он прервет и любезно покажет на дверь.

Но я рассказал ему, что пережил и передумал в плену, где гнил в крысиной норе, где фашисты пытали, травили, выкорчевывали все человеческое, пытаясь превратить нас в

бесчувственных тварей, сделать своими пособниками. Но мы боролись до конца, используя любую возможность, чтобы вырваться из этого кошмара.

- В тылу, - заключил я, - конечно, найдется работа, будущие трудности не пугают меня. Но ваш суровый приговор утверждает мою человеческую неполноценность, начисто перечеркивает то, с чем сроднилось сердце, мое существо. В плену меня посещала мысль о том, что сыграю в ящик, не видел порой никакого выхода. Но сейчас, как никогда, верю в то, что я сильнее обстоятельств, увечья... Доктор, прошу...

В кабинет зашел полноватый человек с серебристым бобриком на крупной голове.

- Что у вас там, профессор?

- Да вот, видите, - и Свердлов протянул ему историю болезни. - На фронт просится.

Вошедший мельком взглянул на нее, потом поднял глаза:

- Здоровье безупречное. А где глаз потеряли, младший лейтенант?

Услышав ответ, помрачнел и положил на край стола мое "дело".

- Ах, мерзавцы, что с людьми делают. Ну-ка, выйди на минутку. Нам тут поговорить надо...

Словно на ватных ногах вышел в коридор, осторожно прикрыл дверь, оставив узенькую щелочку.

Сердце колотилось, как у загнанной лошади. Понимал - сейчас там решается моя судьба. Из-за двери доносились отрывки слов:

- Инвалид в такие-то годы...

- Да нельзя ему летать...

- Не о полетах тут разговор, о человеке...

- Ведь в любом полку есть и нелетные должности...

- О них он говорил. Хоть на кухню просится, водовозом - только к своим...

Затем пригласили в кабинет. Седовласый еще раз смерил меня взглядом с ног до головы, кивнул в сторону профессора:

- Последнее слово за ним... - И вышел стремительным шагом, только халат развевался за плечами, как бурка на лихом всаднике.

Свердлов нашел какой-то бланк, посмотрел его даже на свет, на минуту задумался. Потом взял ручку.

Затаив дыхание, наблюдал за пером, на острие которого в данный момент находилась вся моя будущая судьба. И вот профессор размашисто расписался. Я чуть не вырвал из его рук документ, засунул глубоко в карман.

- Спасибо, дорогой профессор!..

Свердлов погрозил мне пальцем, как нашалившему школьнику, и бросил на прощание:

- И учтите - к самолетам не подходить. Ни-ни..

- Понял.

А сам подумал: "Что ж, теперь осталось мужиками обозными командовать? Не выйдет!.."

Только меня в госпитале и видели.

...Поезд застрял среди развалин. Рельсы, разбросанные шпалы, воронки, полуразрушенные станционные постройки - все это следы недавних бомбардировок и пожаров. Безлюдно. Лишь через несколько минут из покосившейся будки, на скорую руку пристроенной к капитальному зданию, выбежала девушка в фуражке с красным околышем - наверное, дежурная по станции.

- Полтава! Кому в Полтаву? - крикнула она бригадиру поезда, и ее слова стали передавать из уст в уста.

Из уголка теплушки сразу вскочил на ноги, услышав название города.

- Так это ж моя станция!

Засуетившись, набросил шинель и мигом выскочил из вагона. Девушка взмахнула флажком - и поезд вновь застучал колесами. Заскрипели ржавые рельсы, закачались разболтанные вагоны. Оглянулся - все вокруг заросло бурьяном, дымят развалины... Кое-где сохранились жалкие остатки деревьев.

- Девушка! - обратился к дежурной. - Вы не подскажете, где здесь аэродром?

Она покачала головой:

- Не знаю, и вообще говорить мне о таком не положено. Зайдите в сторожку, там у отца сидят какие-то военные.

Двери сторожки полуоткрыты. И вдруг вижу, что там наш инженер из дивизии майор Косарев чай распивает. Он меня сразу же узнал. Разговорились. Оказывается, в полк из подвижной авиаремонтной мастерской он не может перегнать машину.

- Хорошо, что ты подвернулся. Застрял я здесь капитально. День и ночь льет, словно продырявилось небо. Только со вчерашнего вечера малость подморозило. Так что, полетим сегодня?

- Покатим, - ответил, еще боясь этого слова - полетим.

- А теперь давай к столу. Знаю я эти госпитальные харчи - с голодухи не умрешь, но и на подвиги не потянет...

Аэродромное поле затянуло легким туманом. Бомбардировщики стояли на приколе, уныло нахохлившись, словно огромные птицы. То там, то здесь стояли группами летчики, курили, чихвостили вдоль и поперек "небесную

канцелярию", отпускали откровенные шпильки в адрес метеослужбы.

Подошел к крайней группе, представился, но стоящие и ухом не повели. Даже смерили подозрительным взглядом: я был в шапке-ушанке, длиннополой шинели, старых кирзовых сапогах, через плечо болтался тощий вещмешок. А когда попросил у них посмотреть карту, летчики чуть не отвели куда положено. Объясняться пришлось долго. Наконец-то молодой пилот расстегнул планшет, достал карту и помог снять кроки, наметить ориентиры, определить маршрут.

Чуть распогодилось. Подошел к стоящему на линейке штурмовику, неторопливо обошел его, любуясь широкими крыльями, пулеметами, высунувшими свои стальные стволы. Внезапно кто-то окликнул:

- Ты что здесь делаешь?

Голос был знакомый. Внимательно вглядевшись в подходившего человека, узнал механика Свиридова.

- Не узнаешь? Ведь это я, Драченко!

Но тот уже улыбался.

- Сразу-то и не узнал. Не иначе, богатым быть. Гляжу, какая-то подозрительная фигура у самолета крутится, ну и окликнул. А ты зачем сюда?

- Да вот возвращаюсь из госпиталя. Встретился с инженером, попросил штурмовик в часть отогнать.

- Что, старую специальность решил вспомнить?

- Помнить-то помню. Только вот давно в самолет не садился. Боюсь, не разучился ли летать?

- Да нет, этого не может быть. Рожденный летать ползать не будет. А впрочем, если не веришь, садись, машина заправлена полностью. Попробуй сам, убедись...

С душевным трепетом залез в кабину, несколько минут сидел неподвижно, обдумывал до последнего штриха полет. Волнуясь, положил руку на кран запуска двигателя, еще раз посмотрел на затвердевший грунт с мелкими осколками лужиц, подумал о предстоящей посадке. Ровный гул двигателя, берущего высокую ноту, начал перечеркивать мои опасения. Вызвал по рации руководителя полетов.

- Старт! Старт! Это перегонщик с тридцать девятого. Прошу разрешения на три "коробочки" по кругу над аэродромом.

- Какой еще перегонщик?

- С тридцать девятого... Нужно проверить высотомер и счетчик оборотов... Прошу разрешить взлет. Небольшая пауза. Потом послышалось недовольное:

- Взлет разрешаю. Три полета по кругу - не больше.

На старте машина на мгновение затихла, затем рванулась с места, и все аэродромные постройки, тяжелые бомбардировщики по косой линии уплыли назад. Все это я видел только с левой стороны. Справа стояла непроницаемая темнота.

Сделав круг, зашел на посадку. Заранее решил щитки не выпускать, дабы глиссада планирования была положе. Так мягче приземление, хотя посадочная скорость больше. Сел вполне нормально. Попробовал еще. Рука вновь толкает вперед ручку газа. Короткий разбег, и снова прекрасное ощущение полета. Но напряжение огромное. Почувствовал, как прилипла к спине гимнастерка.

Все три посадки прошли благополучно. После третьей зарулил на стоянку, заглушил мотор и открыл фонарь кабины.

- Ну что? - в кабину заглянула улыбающаяся физиономия механика. - Все в порядке? Я же говорил, а ты не верил.

Ободренный успехом, голосом эдакого лихача-извозчика зычно крикнул:

- Летим! И-эх, и прокачу вас, аллюр три креста!..

Инженер Косарев и механик Свиридов, кряхтя, втиснулись в заднюю кабину, повозились и затихли, смирившись с крайними неудобствами.

Аэродром остался позади. Каждая секунда отбрасывала назад сто метров, каждая минута - шесть километров. Пошел мелкий дождь. Его капли ползли по козырьку самолета, ухудшая и без того очень плохую видимость. Тучи низко нависли над машиной. Земля неясно маячила внизу, деревни сливались с полями, бурое шоссе исчезло в путанице дорог. Чувствую, как в глазу покалывает от напряжения, но маршрут я выдержал правильно. Стрелка компаса стояла строго на юго-запад.

На подходе к аэродрому появилась какая-то дрожь в руках. Погода окончательно испортилась. Туман загустел. Но надо садиться. Зашел один раз, другой... Никак не удавалось выйти в створ посадочной полосы.

Наконец, приземлился - на душе отлегло. Закончив пробег, остановил машину. На обочине ВПП стоял "студебеккер", а рядом с ним майор Спащанский, наш начштаба, с ракетницей в руках.

- Чего мажешь, Драченко?

- Думал - встретят или нет? - решил отшутиться.

- Как видишь, встречаем, только без оркестра...

Для своих я свалился как снег на голову. Меня от души обнимали, теребили волосы. После первых приветствий, рукопожатий спросил:

- А где же Наумыч? Киртока не вижу.

В это время мой друг Коля возвращался из разведки, заходил

на посадку. Мне не терпелось побыстрее показаться ему, обняться.

- Сейчас подрулит, - указал на свободное место Анвар Фаткулин. - Вот его стоянка.

Николай, приземлившись, что-то бросил на ходу подбежавшему механику, а увидев меня, оторопел.

- Ну что, не ожидал?

- Если откровенно - нет, конечно.

- А я-то, ошалелый, мчался сюда продолжать наш с тобой бой. Прилетел, а противника не вижу - фрицев летает фотографировать.

С Николаем мы устраивали жестокие "бои", чтобы доказать превосходство в пилотировании самолетов, пытаясь зайти друг другу в хвост. И это было не простое удовлетворение каких-то наших чудачеств. Польза здесь налицо: мгновенное действие, реакция не раз помогали нам в критические минуты реального боя.

- Туговато тебе будет одержать победу, - рассмеялся Кирток.

- Хвастайся, сколько хочешь, а хвост приготовь, - ответил я.

Так, перебрасываясь шутками-прибаутками, встретили командира полка Макаренко. Я, подтянувшись, доложил:

- Товарищ майор, младший лейтенант Драченко прибыл для прохождения дальнейшей службы.

Подал документы. Тот внимательно прочитал предписание:

- Ну что ж, поздравляю с возвращением в строй.

Пускай Иван Голчин принимает "молодое" пополнение.

Командир улыбнулся и крепко пожал руку, желая удачи в боевой работе. И никто не догадывался, что у меня только один глаз.

И лишь одному Николаю Киртоку поведал о своей беде. Тот сначала не поверил, но когда увидел протез, убедился:

- Но как же ты?..

- А вот так, Николай. Обязательно я должен воевать. У меня счет к врагу ой какой огромный! И не только за погибшего отца или свое увечье. Мне за тех раненых и комиссара, что в лагере были и убежать не смогли, отомстить надо. Наверняка расстреляли их фашисты. Они знали об этом. И никто, слышишь, Коля, никто не упрекнул нас, бежавших...

- Я понимаю тебя...

- А если понимаешь, выполни просьбу мою...

- Какую?

- Возьми к себе на время ведомым. Не подкачаю. Николай молча кивнул головой.

- Ну вот и хорошо. А об увечье моем ребятам пока знать ни к

чему. Потом сам как-нибудь скажу...

...На аэродроме Пальмировка мы жили в небольших домиках, довольно потрепанных. Большинство окошек в них были заколочены фанерой. У самых стен - нары, на гвоздях - шлемофоны, планшеты, куртки...

Поселился по возвращении в этом муравейнике, который ни за что в жизни не променял бы ни на какие апартаменты. Все тут свое, знакомое - люди, обстановка, запахи, звуки. Проговорили тогда допоздна. И тут я по их настроению, отдельным фразам стал понимать, что некоторые из них догадываются насчет моего протеза.

Лежат ребята на нарах, не спят, а за окнами порывистый ветер раскачивает деревья. Кружит озябший часовой, постукивает сапогом о сапог. Не спится и мне. Накинул куртку, вышел на крыльцо. Прохладный ветер колючей моросью прошелся по щекам. Прислушался - к домику кто-то подходил.

- "Стоял он дум великих полн", - продекламировал идущий, и я по голосу узнал Николая Пушкина. Несколько минут стояли молча. Потом Коля достал папиросу, чиркнул спичкой.

- Я, Ваня, вот что тебе хотел сказать. - Глубоко затянувшись, он поднял меховой воротник. - Только ты не обижайся и пойми меня правильно: летать тебе будет очень трудно. И знаешь, почему?.. Немцы прямо взбесились, любой ценой стараются расправиться со штурмовиками.

- Не понял, почему так говоришь? - Жесткий ком обиды подкатил к горлу.

- Езжай-ка ты в училище. Там интересная работа, тоже полеты. И если кто-то из стрелков узнает... Ну сам понимаешь, он будет вправе отказаться выполнять с тобой боевые задания. А стрелков у нас тоже сейчас не густо.

- Знаю, что будет очень трудно, но слишком большой должок у тех, кто меня изуродовал. Вот почему я буду драться с фашистами не на жизнь, а на смерть. Сколько сил моих хватит...

Я почувствовал, как у меня горит лицо, уперся лбом в холодные доски двери.

На следующий день ко мне подошел воздушный стрелок Аркадий Кирилец сухощавый парень, с резкими чертами лица. Он мялся, как-то не решаясь начать разговор. Но потом произнес:

- Товарищ младший лейтенант, возьмите меня в свой экипаж. Хочу с вами летать.

Мне так хотелось от души обнять этого славного парня, но сдержался и только сказал:

- Хорошо, поговорю с командиром полка.

С тех пор наши судьбы накрепко переплелись. Значительно

позже узнал, что Кирилец случайно услышал наш разговор с Николаем Пушкиным.

У Аркадия тоже была тайна: перед призывом в армию у него обнаружили туберкулез. Он лечился, но началась война, и парень тут же ушел на фронт. Закончил курсы воздушных стрелков. В июне 1943 года получил одно ранение, затем второе. Предлагали перейти в техсостав - решительно отказался, продолжал сражаться...

Снова в строю

Вынужденное длительное отсутствие сразу же сказалось на технике пилотирования. Смогу ли я, хватит ли сил опровергнуть закон физики, о котором напомнил профессор в госпитале? Должен, во что бы то ни стало должен! Потому что живет еще фашизм с двумя глазами, который передо мной в неоплатном долгу за свои злодеяния. Но разве только передо мной? Разве не взывают к возмездию ребятишки, потерявшие родных и близких, расстрелянные старики, никому не причинившие зла, поруганные женщины, удушенные газом, тот комиссар и те офицеры, сгоревшие в застенке?

Закались, сердце, неземной ненавистью для грядущих боев! С мыслью о ней веди меня в бой!

Завтра начинаю летать самостоятельно. О моей трагедии пока знают лишь начальник штаба полка майор Спащанский, Кирток, Пушкин.

Кое-кто догадывается. Ну и пусть! Уже сделал несколько полетов.

С каждым днем машина становится все послушней. Сначала, когда выходил к посадочной полосе, обозначенной буквой "Т", Кирток "дирижировал" посадкой - указывал с земли флажком, куда подворачивать. Одни недоумевали, другие понимающе сочувствовали: "Человек вернулся из госпиталя. Кое-что подзабыл, вот, мол, и наверстывает..."

Позже с Николаем освоили такой сложный маневр, как "ножницы". Суть его заключалась вот в чем: пара штурмовиков, идущая чуть уступом по отношению друг к другу - ведущий немного выше ведомого, начинали меняться местами. Скажем, если ведомый идет справа сзади, то он переходил низом влево, а ведущий сверху вниз направо. Потом снова, но уже в обратном порядке. А поскольку маневр осуществлялся с креном, оба штурмовика все время видели хвосты друг друга и надежно прикрывали их. И все это на малой высоте.

В короткие минуты отдыха подсаживался к ребятам и расспрашивал их о боевых действиях под Харьковом, Красноградом, Полтавой, Кременчугом. Как губка, впитывал все

новое, что появилось за время моего отсутствия в практике штурмовиков. И это было не просто любопытство.

Сразу к себе расположил командир второй эскадрильи Девятьяров Александр Андреевич, признанный мастер групповых атак. У него было чему поучиться. Его боевой хватке завидовали многие. Такие, как он, составляли становой хребет полка. Прежде чем стать летчиком, тот немало повидал в жизни: работал лесорубом, грузчиком угля, служил срочную, учился в механико-металлургическом вечернем техникуме. Как лучшего рабочего и члена партии завод рекомендовал Александра Девятьярова в летное училище.

Затем служба в Новочеркасске, в Ростове, совместная служба с Николаем Гастелло в тяжелом бомбардировочном полку, где тот был командиром корабля, а Александр старшим летчиком.

На фронт он попал лишь в августе 1942 года после окончания высших тактических курсов усовершенствования командиров авиационных эскадрилий.

По своему возрасту Девятьяров годился некоторым из нас в отцы и его авторитетно не только в полку, но и в дивизии называли Батей.

Много мы тогда переговорили и с младшим лейтенантом Смирновым.

Последний раз я участвовал с Алексеем в воздушном бою над Мерефой. Он тогда дотянул до своих, а меня сбили зенитчики. Но судьба круто обошлась с ним. Октябрьским утром 1943 года Алексей вылетел в составе третьей эскадрильи на штурм колонны бронетранспортеров и минометных позиций противника восточнее села Попелястое. Девятку "илов" вел Николай

Горобинский. "Ильюшины" набрали высоту и легли на боевой курс.

Над Днепром, плыли сплошные серые облака. В район цели добрались в точно назначенное время. Где-то рядом заухали зенитки, то выше, то ниже "илов" возникали хлопья разрывов. Зенитная артиллерия наращивала огонь, создавая перед самолетами сплошной заслон. Но Горобинский смело повел группу в атаку. Прорвав стену огня, "илы" ринулись вниз.

Во втором заходе Смирнов вновь бросил машину в пикирование, пошел на малой высоте и стал выбирать ручку на себя. В этот момент шальная трасса "эрликона" прошила насквозь самолет Алексея. Управление отказало. Пилот приказал стрелку прыгать. Ответа не последовало. Смирнов понял, что стрелок убит или тяжело ранен. Алексей стиснул до окаменелости зубы, на короткое мгновение закрыл глаза. Единственное спасение - парашют. Выпрыгнул, но запутался ногою в стропах. А до земли

оставались десятки метров. Плашмя ударился о пахоту и потерял сознание. Опомнившись, увидел рядом гитлеровцев-зенитчиков. Потянулся за оружием. Кобура была пуста. Верзила в расстегнутой куртке сорвал с Алексея шлемофон, ударил летчика по голове, затем по лицу. Немцы обыскали Смирнова и повели в сторону зенитной батареи. Обшаривая Алексея, солдаты недосмотрели под комбинезоном комсомольский билет и орден Отечественной войны II степени. Смирнову с язвительной улыбкой помахивал рукой пожилой рыжий солдат, щурясь в большие кружки очков. Это он, вероятно, наводчик зениткой установки, сбил нашего "ильюшина", а за это уж наверняка полагался Железный крест. Рядом огромным костром горел самолет, в котором остался стрелок сержант Нурмиев.

Немцы кого-то ждали. И вот к позиции подкатила легковая машина. Солдаты, столпившиеся возле советского летчика, встали по стойке "смирно". Из машины вылез сутуловатый офицер, на мундире которого пестрели кресты и нашивки. По тому, как встретили прибывшего солдаты, как подобострастно ему докладывали, Алексей понял: прибыло большое начальство. Советского летчика сразу же начали допрашивать: где находится аэродром русских, сколько на нем самолетов, сколько машин приходит на пополнение и когда. Смирнов молчал. Потом-его повезли по расквашенной дороге в неизвестном направлении. Надвигались густые осенние сумерки. Остановились в селе. Алексея поместили в шалаше. Здесь же четверо конвоиров завалились спать. Когда те захрапели, Смирнов отвинтил с гимнастерки орден, вынул из кармана комсомольский билет, закопал все это в землю и притрусил сверху соломой. Прислушивался, присматривался, как ходит часовой. Выбрав момент, хотел проскользнуть мимо него, но тот загнал его в шалаш. Побег не удался.

На следующий день Смирнова привезли в Пятихатки и сдали лагерному начальству. Там военнопленных подготовили к эвакуации и затолкали в железнодорожные вагоны-"телятники". Уж слишком отчетливо слышался гул советской артиллерии, и фашисты торопились вывезти живой груз.

В криворожском лагере Алексей познакомился с Сергеем Степаренко, летчиком из соседней дивизии. Оказалось, Степаренко часто ходил на прикрытие штурмовиков и был сбит там же, над Днепровским плацдармом. "Будем держаться вместе и любой ценой попытаемся бежать", - решили товарищи. И такой случай вскоре представился...

И вот он в родной части. Для меня встреча с боевым побратимом была вдвойне радостной: ведь он, как и я, попав,

казалось бы, в безвыходное положение, делал все возможное и невозможное для того, чтобы вырваться из лап фашистов и снова взять в руки оружие.

Вскоре командир полка вручил Алексею Смирнову орден Красного Знамени за обеспечение форсирования Днепра и предоставил ему отпуск. Но Смирнов от него отказался и попросил разрешения поискать закопанные в землю орден и комсомольский билет. Получив "добро", Алексей отправился в дорогу.

Ориентируясь по карте, он обошел десяток населенных пунктов. Безрезультатно. Отчаявшись, хотел было возвратиться в часть, но потом снова начал поиск. Шутка ли: орден и комсомольский билет! Вышел к селу Михайловка. Огляделся внимательно. В памяти всплыло что-то знакомое: вот эти строения, деревья, заборы, улочка. Возле одного дома увидел женщину, коротко рассказал, что его привело сюда. Оказалось, она помнит тот вечер, когда фашисты привезли с собой пленного летчика. А вот шалаш сожгли...

Алексей начал перелопачивать землю, перемешанную с пеплом. Он старательно разминал каждый ком, и вдруг палец что-то укололо. Орден. Да, на его ладони лежал закопченный орден. Билета не нашел: очевидно, документ сгорел.

Прибыл в полк, показал находку майору Ф. В. Круглову. Тот попросил назвать номер награды. Смирнов доложил - 29734. Сомнения никакого - орден Отечественной войны II степени принадлежал ему.

Алексей снова начал поднимать в небо свой грозный штурмовик и совершил на нем семьдесят боевых вылетов. Он был награжден пятью орденами и шестью медалями. В памятном 1945 году Алексей Смирнов стал коммунистом.

Текли боевые дни. Фашисты откатывались на запад. Куда девалась их первоначальная воинствующая спесь. Однако противник представлял внушительную силу, подбрасывал все новые и новые соединения, цепляясь за все, за что только можно было уцепиться.

Экипажи изучали предстоящие районы боевых действий, более опытные ходили на разведку. Доверяли такие ответственные задания и мне.

Разведка - глаза и уши армии. Однако разведчик, пробирающийся в стан врага по лесам, оврагам, ущельям, не может все увидеть, обо всем разузнать. От его глаз остаются скрытыми большие районы, где могут притаиться танки, колонны пехоты, сосредоточиться резервы.

И тогда с аэродрома взлетает самолет, который видит с

высоты несоизмеримо больше, а так как в памяти все не удержишь, приходит на помощь фотоаппарат.

Штурмовик, находясь над полем боя в горячем деле, может погибнуть. Разведчик не имеет такого права. Он обязан в любую погоду, любой ценой доставить аэрофотоснимки, пробиться, обойти заслоны зенитного огня, уйти от истребителей противника. Ибо в его руках нить к разгадке замыслов врага: где он собирается нанести главный удар, куда думает направить острие наступления? Низкие тучи, густая облачность - самая надежная маскировка для разведчика, позволяющая в мгновение ока вынырнуть над оборонительной линией противника, засечь аэродром, скопление техники, переправу, склады... Рискованное и трудное это занятие.

Случилось, что в осенние дни целыми неделями над землей висела "мура". Машины стояли на приколе. Нервозность. Летчики в сердцах клянут ни в чем не повинных синоптиков.

Хмурое небо, хмурые лица. А где-то рядом война. В капониры заползают вражеские танки, кротами зарываются в землю гитлеровцы, все более усиливая свою оборону.

Нет сил сидеть сложа руки, если ты настоящий летчик. Идем к командиру, уговариваем: ну, группе, положим, вылететь трудно, а вот парочку экипажей выпустить можно. Тот раздумывает, многозначительно смотрит на серую крышу неба. После долгих колебаний - выпускает!

Поеживаясь, вскакиваем с Женей Алехновичем в кабины штурмовиков. Воздушные стрелки на месте.

- Куда? - Техник звена Зимовнов недоуменно разводит руками.

- Пойдем, Филиппович, уток постреляем, - Алехнович закрывает фонарь и вот лопасти винтов уже метелят воздух.

Рулим на.старт. Короткий разбег - и мы в воздухе. Высота минимальная. Облачность настолько плотная, что, кажется, летим в молоке. Горизонтальная видимость - три-четыре телеграфных столба. Земля под крылом также однообразная, серая. Сонные хуторки. В низинах разлились широкие лужи.

Обшариваем каждую рощицу, каждую проселочную дорогу, каждую ложбинку. От Цветкова бреющим идем вдоль железной дороги на Умань. Подвалило бы счастье встретить какой-нибудь эшелон, так в пух и прах разнесли бы! Но что это? На железнодорожном полотне замечаем две платформы. Забаррикадированные мешками, в небо тянутся стволы зенитных установок "эрликонов". Внимательно присматриваюсь.

- Что они делают? - не могу разобраться в ситуации.

Алехнович молчит. Затем:

- Смотри, ведь они режут шпалы. Специальным плугом. И название-то ему мерзкое выдумали - "скорпион".

Чуть снизились - захлопали зенитки. Пикируем.на путеразрушитель. Тот остановился, затем дернулся вперед. Огненные струи от двух "илов" уперлись в платформы, в разные стороны полетели обломки, отскочили черные кругляшки колес. Цель расстреливаем спокойно.

Дуэль между двумя зенитками и "эрликонами" продолжалась секунды.

Для верности делаем еще один заход...

Продолжаем вести разведку. На карту ложатся условные знаки. Набираем высоту, прижимаемся к облакам. Теперь бы не столкнуться с истребителями противника. И все-таки на подлете к станции Шевченково не миновали этой встречи.

Первым заметил "сто девятых" воздушный стрелок Алехновича Дмитрий Агарков. Заметил их и Аркадий Кирилец, произнес как-то спокойно: "Многовато..."

Смотрю вверх. Действительно, густо. Засекут - ноги не унесешь. Развернувшись, пошел на сближение с Евгением. В это время от группы "мессеров" отделилась шестерка машин.

- Засекли, - процедил сквозь зубы Алехнович, - теперь держись.

- Аркадий, спокойно. Самое главное, не пускай их к хвосту.

Берем курс на свой аэродром.

Гитлеровцы решили расправиться с нами сразу, используя большое преимущество. Разделившись, шестерка создала что-то наподобие обратного клина, вернее, бредень, куда попытались нас затянуть.

- Крой, Аркаша! - крикнул Кирильцу, и стрелок рванул турель вправо. "Мессер", не ожидавший такого огня с задней полусферы, прекратил атаку, взмыл вверх. Только теперь на его борту отчетливо заметил нарисованный бубновый туз. Этот так просто не отстанет! Маневрируем между наседающими "мессерами", огрызаемся как можем;

Звенящая трасса пронеслась над головой. Инстинктивно втянул голову в плечи, словно это могло защитить.

- Закрой фонарь, Иван, не храбрись. Слышишь? - крикнул Алехнович.

- Слышу, слышу...

Но фонарь не закрыл.

Друзья и раньше предупреждали. Но какая здесь храбрость, если с правой стороны потемки, а остекление нередко дает блики. И снова, уже по плоскости, прошлась гулкая пулеметная очередь...

Первая атака не принесла успеха гитлеровским асам. Они потянули вверх, перестроились и рванулись на очередной заход. Опять сзади к нашему хвосту пристроился "бубновый туз". Оба стрелка одновременно ударили из пулеметов, и "мессер" по дуге пошел вниз, охваченный пламенем.

- Молодцы, стрелки! Из "бубнового туза" сделали "шестерку". Но не зевать, - приказал .Алехнович.

И все-таки силы слишком неравные. Задымил и "ильюшин" Евгения.

- Женя! - отчаянно кричу, высунув голову из кабины, а встречный поток воздуха раздирает рот.

Среди "мессершмиттов" заметил замешательство. Третью атаку не предпринимают. Внизу вижу два грибка парашютов. Все-таки Алехнович и Агарков выскочили из горящего штурмовика. Молодцы! Фашистам явно не до них. Краснозвездные истребители, подоспевшие на помощь, разгоняют "мессеров" от моего "ила", гвоздят их меткими очередями.

Я кружил над товарищами, и если бы можно было со стороны посмотреть на эту картину, то она, возможно, напоминала бы огромную птицу, кружащую над разоренным гнездом.

- Женя, иду на посадку, - передал по радио, забыв, что он же не в воздухе и вряд ли меня услышит.

Самолет плавно шел на снижение. Пятьдесят метров, тридцать, десять... "Ил" коснулся земли и, увязая колесами в мягком грунте, едва не скапотировал.

Алехнович со стрелком бросились к самолету.

- Быстрее, быстрее, - подгонял бегущих.

Прыгнув с разных сторон на плоскости, Женя и Агарков влезли в заднюю кабину. Посмотрел вперед и увидел: с дальнего конца луга бегут фашисты с овчарками на длинных поводках. Впереди офицер. Полы его шинели подогнуты под ремень, длинные ноги семенили по раскисшей земле.

Вокруг, словно крупные дождевые капли, зашлепали пули.

Машине дал форсаж, отпустив тормоза, но самолет еле полз. Тогда подал до отказа сектор газа. Мотор взревел, и нехотя сдвинувшись с места, "ил" медленно покатил вперед. Какая-то неимоверная тяжесть упала с плеч, когда почувствовал - летим. Наши истребители, поняв, что мы попали в беду, обрушили град пуль и снарядов на головы вражеских солдат...

Добрались на свой аэродром удачно. Алехнович обнял меня, стрелков и, кинув на ходу: "И как вы, черти, летаете задом наперед", пошел к полковому врачу. У Жени из руки сочилась кровь.

Оставив машину механикам, побежали в штаб на доклад.

...На карте снова пролег маршрут: Шпола - Умань - Христиановка. Прошел без всяких осложнений контрольные пункты, за исключением того, что в Умани чуть не врезался в кирпичную трубу - стояла довольно низкая облачность. Возвращаясь назад, не преминул заглянуть в село Севастьяновку, где родился, провел свое детство.

Самая высокая точка, с которой еще мальчишкой пришлось однажды увидеть бездонное небо, была церковная колокольня. Теперь я смотрел на нее из кабины боевого штурмовика, и сердце отдавало щемящей болью.

Сквозь пелену сизого тумана вырисовывались обугленные остовы хат, безлюдные улицы, срубленные рощи.

К тому времени достаточно насмотрелся на варварство фашистов. Но тогда меня потрясло другое, что родная хата цела! А рядом на мотоциклах прокатывались носители "нового порядка". В нашем огороде, как кроты, что-то рыли гитлеровцы. И вот из сада меня обстреляли "эрликоны". Вражеские зенитчики вели огонь из-под деревьев, что сажали мой отец и дед. Ну как здесь удержаться от соблазна и не передать незваным гостям пламенный привет в буквальном смысле слова!

Под крутым углом погнал машину вниз, направил пулеметные очереди в гущу "землекопов". Затем угостил двумя-тремя снарядами зенитчиков. Серые фигуры бросились врассыпную, прокатились по овражному откосу, когда ударил из эрэсов. Затем увел "ильюшина" на восток.

* * *

Новый, 1944 год мы встретили на аэродроме Желтое. Ждали голос Москвы. И вот он:

- С Новым годом, товарищи, с новыми победами!

Шумно сдвинули фронтовые кружки, обняли друг друга. Затаив дыхание, слушали сердечную, взволнованную речь Михаила Ивановича Калинина.

Уходил в историю неимоверно трудный сорок третий год и, озаренный светом победных салютов, вставал новый. Успехи не кружили головы: впереди жестокие бои, грозные сражения, великие битвы, потери близких людей, товарищей...

Новый год пожаловал не с крепкими, как обычно, морозцами, а принес довольно сумбурную затяжную погоду.

Длительные дожди сменялись вьюгами. Оттепели развезли дороги, а также аэродромы, с которых не всегда можно подняться в воздух.

Полеты проходили в крайне тяжелых метеоусловиях. Штурмовикам не часто удавалось добраться до целей. Снежные бури, низкая облачность, плохая видимость усложняли

ориентирование, фонари покрывались ледяной коркой и грязью, машины становились плохо управляемыми.

Нас перебрасывали в новый район. Как правило, первыми к новому месту перебазирования отправили передовую команду. Возглавил ее капитан Николенко, команда сразу включилась в подготовку аэродрома.

В окрестностях города не так давно шли жестокие бои - даже обильные снегопады не в силах скрыть здесь глубокие раны земли - все было побито минами, снарядами, авиационными бомбами... Куда ни кинь взгляд - везде нагромождение покореженной немецкой и нашей техники.

Отступая, фашисты буквально нашпиговали землю минами. Как позже рассказывали Александр Бродский и Павел Золотов, они зашли в одну из хат, где их встретила испуганная женщина с заплаканными глазами. Сбивчиво рассказывая, повела их в сарай. Там лежали мертвые техники Малахов и Бардабанов. Оказывается, наскочили на фашистскую мину...

Такие случаи, когда наши люди подрывались на минах, были не единичны. Даже на одном из аэродромов, с которого уже вели боевую работу, исходили и изъездили его вдоль и поперек, произошел несчастный случай. С плоскости прыгал техник по вооружению старшина Иван Белов и попал прямо на мину. Она взорвалась, Белов остался без ноги. Так что потери мы несли не только в воздухе.

* * *

Корсунская земля...

Сколько она видела-перевидела! Здесь в кровавых сечах мужало войско Богдана Хмельницкого, на этих полях в пух и прах была разбита королевская армия спесивого шляхтича гетмана Потоцкого, из этих вот сел шли люди на свою раду в Переяславль, чтобы торжественно провозгласить союз Украины с Россией.

Здесь, на Правобережье, неустрашимо боролись за волю гайдамаки, "табором стояли, копья заострили". На сотни и сотни верст вокруг горели панские гнезда, и восставшие крестьяне расправлялись с ненавистными угнетателями, ксендзами и местными богачами, продавшими злой силе душу и тело.

Тут водили свои летучие отряды запорожский казак Максим Зализняк и сотник Иван Гонта. Да, судьба не поскупилась на беды и испытания для этой земли. Были здесь и белополяки, и войска кайзера, и деникинцы с петлюровцами, и Махно, "зеленые". Всех разгромила Красная Армия!

И вот теперь фашисты...

Туго сжимается кольцо окружения вокруг корсунь-шевченковской группировки. Гитлеровское командование

пытается любыми путями спасти свои войска, попавшие в огромную ловушку, подбрасывает к нашему внешнему фронту окружения свежие танковые дивизий, направляет "пострадавшим" транспорты.

В штаб фронта поступило указание Верховного Главнокомандующего: основной угрозой считать не те войска, которые окружены, а те, что стремятся прорвать внешний фронт. Приказ есть приказ, и выполнять его следовало, невзирая на погоду.

* * *

В день, когда в районе Звенигородка - Шпола части 1-го и 2-го Украинских фронтов соединились и образовался "котел", наши две шестерки "ильюшиных", ведомые командиром эскадрильи Девятьяровым, ушли в район села Капустино, на юго-запад от Шполы, с заданием: найти танковые части из дивизии "Мертвая голова" и наносить по ним удары до тех пор, пока не подойдет очередная смена "илов". Ни в коем случае нельзя было пропустить танки, которые спешили на помощь гитлеровским воякам, угодившим в "котел".

Мы шли на малой высоте. Куда ни кинь взор - угнетающее однообразие. Над землей ползли космы сырого тумана.

- Проклятый туман, - прохрипел в наушниках голос Девятьярова, - тут дивизия пройдет и то не увидишь.

И все-таки наметанный глаз ведущего различил отпечатки гусениц танков. А где же такая нужная нам "голова", которую надо сделать по-настоящему мертвой? Примерно в трех-четырех километрах от Капустина в воздух потянулись трассы зениток. Наугад, бесприцельно. Теперь уже более отчетливо видим притаившуюся колонну бронированных коробок.

Ведущий, сообщив командованию о "находке", построил атаки так, чтобы заходы на цель были неожиданными. Меняли высоту атак, то набрасывались на танки "звездой" - с трех сторон, то поочередно, через определенные интервалы с разным углом пикирования.

С нарастающим ревом "ильюшины" стремительно носились над целью. Нажимаются кнопки электросбрасывателей бомб. Градом летят на танки из кассет ПТАБы.

- Еще заходик! - В голосе командира слышатся нотки удовлетворения.

Целей предостаточно, выбирай любую, какая приглянется. В перекрестие прицела ловлю самого подходящего, на мой взгляд, "тигра" и вонзаю в его кормовой отсек пушечную очередь. Вражеская машина словно, вспухает, и ее башня-шишак отскакивает от туловища. Наверно, сдетонировали внутри

боеприпасы. Как обезглавленный петух, танк продолжает ползти вперед. Из многих горящих машин, словно крысы, выскакивают фашисты; кругом огонь, дым, суматоха и паника.

Я много раз вылетал на боевые задания, жег машины, эрэсами разворачивал башни и гусеницы танков, гвоздил самолеты на аэродромах, но никогда еще не испытывал ничего похожего на то чувство, которое испытывал сейчас.

Вчера эта черная свора вела себя нагло, арийский дух буквально распирал их: сидели в машинах, засучив рукава, смеялись, позировали перед фотоаппаратами на фоне обугленных березок, а сегодня лезут на четвереньках, ужами вползают в любую щель...

Многие из нас уже израсходовали боеприпасы, но "илы" с облегченными винтами носятся над гитлеровцами, холодя их звериные души ревом моторов.

Девятьяров выводит нас из боя. На подходе следующая группа штурмовиков Николая Пушкина.

В этот день три группы "ильюшиных" полка "засвидетельствовали" свое почтение вражеской колонне, а артиллерийские противотанковые части, подброшенные в угрожаемый район, добили "тигров" и "пантер".

Противник, зафлажкованный, как волк, стремился вырваться из "котла", но окружение было прочным. Дух обреченности витал над фашистскими войсками. Наше командование предложило врагу прекратить бессмысленное сопротивление.

Первым это понял генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, друг генерала артиллерии Вильгельма Штеммермана, командующего окруженной группировкой. Зейдлиц написал личное письмо Штеммерману, в котором просил его сдаться на милость победителя. Письмо и его автор Зейдлиц попали в плен. Штурмовики нашего корпуса помогли доставить письмо по адресу. Охотников выполнить столь деликатную миссию нашлось немало, но отобрали самых опытных летчиков. Они сбросили пакет на площадь перед двухэтажным домом, где располагался штаб Штеммермана.

Кроме того, окруженным был предъявлен ультиматум, в котором говорилось: "Всем немецким офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, гарантируется жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленного.

Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, - гласил ультиматум, - то войска Красной Армии и воздушного флота начнут действия по уничтожению ваших войск, и

ответственность за их уничтожение понесете вы".

Ответа не было. Упрямство генерала, не внявшего голосу разума, стоило немецким солдатам очень дорого.

Новые бои разгорались с необыкновенной яростью. Германское командование пыталось непременно деблокировать свои войска.

Командующий 1-й танковой армией генерал-полковник Хубе подвел свои дивизии к внешней стороне кольца, сосредоточив сотни танков на двух узких участках, и теперь этими стальными бивнями пытался протаранить кольцо окружения. Наши рации все время перехватывали его короткие радиограммы, адресованные Штеммерману и передающиеся открытым текстом:

"Выполняя приказ фюрера, иду на помощь, Хубе".

"Держитесь, я близко. Вы слышите меня? Хубе". "Еще сутки, и путь вам будет открыт. Хубе"...

"Можете положиться на меня, как на каменную стену, - самоуверенно заявлял Гитлер в радиограмме, направленной командующему окруженными войсками генералу Штеммерману. - Вы будете освобождены из "котла". А пока держитесь до последнего патрона".

И мы им помогали "держаться". Группа штурмовиков, ведомая командиром эскадрильи Иваном Голчиным, решила взлететь в любых условиях и пробиться к Городищу, чтобы помочь нашим наземным войскам, отбивавшим бешеные контратаки "викингов". А строптивый февраль шумел метелями, густой снегопад смазывал взлетные ориентиры. Идущим на задание помогали все: техники, оружейники, мотористы, специалисты из батальона аэродромного обслуживания. Они растягивались живой цепочкой вдоль взлетной полосы, и штурмовики, ориентируясь по этой цепочке, даже не делая круга, ложились на боевой курс. О том, как происходил полет, рассказывал позже ведущий группы..

...Фонари самолетов постепенно затягивало льдом. Началась тряска двигателя - обледенялись винты. На одной из машин вышел из строя мотор, и летчику пришлось возвратиться на свой аэродром.

Гитлеровцы даже не предполагали, что в такую погоду их могут потревожить с воздуха - танковая колонна шла, как на параде, в плотном, нерассредоточенном строю.

Цель великолепная!

Штурмовики, разделившись на две группы, одновременно ударили в голову колонны и в хвост. Белое поле сразу стало грязно-серым, по земле медленно стлался густой дым. Танкисты противника попытались вывести машины из зоны огня. Тщетно! Штурмовики сделали еще четыре захода.

Пролетая над районом от Корсуня на юго-восток, где роковое кольцо окружения сжималось особенно туго, мы видели сверху внушительную картину заднепровского сражения.

Городище, Стеблев. Здесь было последнее пристанище Штеммермана. Тут ему вручили ультиматум. Шендеровка. Здесь агония обреченных достигла своего апогея. Вот оно, знаменитое Байковое поле - финал Корсунь-Шевченковского сражения.

А под крылом - поля и дороги, загроможденные битой и брошенной немецкой техникой. Танки с сорванными башнями, покореженные пушки, перевернутые вверх колесами грузовики, автобусы и повозки, скелеты транспортных "юнкерсов", туши битюгов вперемешку с человеческими телами. И машины всех видов: от малолитражек до семитонок - образовали прямо-таки выставку трофейной техники.

В черноземье - густом, тягучем, вязком - перестали крутиться колеса машин, транспортеров с зерном, с боеприпасами, с топливом. Все это засыпалось снегом, покрывалось огромным белым саваном. Когда смотрели на горы металла и замороженные трупы, невольно вспоминали строки: "О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?".

17 февраля корсунь-шевченковская группировка была окончательно разгромлена. "Котел" выкипел до дна.

В селе Джурженцы вскоре нашли труп фашистского генерала. В кармане его мундира обнаружили воинское удостоверение на имя Штеммермана.

И что только ни делал он, чтобы спасти обреченные войска! Взывал к чести и брал с каждого "подписку о стойкости", молил о преданности фюреру, обещал вознаграждения и бросал безжалостно в контратаки уже надломленных своих солдат, подогревая их шнапсом. И проиграл! Он так и не дождался обещанной помощи от Гитлера, прихватив с собой на тот свет десятки тысяч вояк "тысячелетней империи".

Многие летчики полка были представлены тогда к орденам и медалям, в том числе и я, а командир эскадрильи Александр Андреевич Девятьяров - к званию Героя Советского Союза.

Отступали гитлеровцы, отступала и зима - долгая, затяжная. Но погода капризничала: то ясно, то вдруг метель, дождь, туман, обледенение... Накануне перебазирования на новую точку за Днестром всю ночь валил густой влажный снег. Приходилось ждать погоды. И вот утро. Выкатилось солнце, и сквозь кисею снега, как на фотобумаге, проявлялись черные пятна проталин. Ожил аэродром. Техники и механики захлопотали у самолетов. Еще раз осматривали вооружение, радиоаппаратуру, электроспецоборудование. Опробовали моторы. Весь полк

поднялся и длинным пеленгом взял курс на Молдавию.

Под крылом широко расходятся поля, черные шляхи, усеянные поверженной техникой немцев. А вот и Днестр, стиснутый высокими, крутыми берегами, заросшими хвойными деревьями. Река искрилась от лучей солнца, а в местах, затененных облачностью, хмурилась, теряла свои краски. Так, подергиваясь синевой, медленно застывает сталь в изложнице.

Экипажи "ильюшиных" приземлились недалеко от города Бельцы в селе Лунга, Сюда перебазировался и штаб дивизии. Самолеты тут же окружили вездесущие мальчишки в овчинных шапках, в домотканых свитках, босые и в постолах. Они смотрели на наши краснозвездные машины, как на величайшее чудо.

Молдавия, как писал когда-то летописец Григорий Уреке, "страна на пути всех бед". И действительно, немало горя видела эта многострадальная земля. Ее обширные степи - извечное поле битв с иноземными захватчиками. Здесь триста лет зверствовали турки. Свыше тридцати лет терзали Молдавию румынские бояре, державшие трудолюбивый, умный народ в жестокой кабале. Из Молдавии выдавливали соки двойным прессом - с одной стороны жали бояре, с другой - фашисты. Бывшие хозяева сбежали, забыв все, не успев уничтожить даже свои бухгалтерские книги, списки должников, по которым можно было судить, как несладко жилось крестьянину.

С нового аэродрома начали совершать разведывательные полеты, бомбили ближние тылы противника, ходили на свободную "охоту", фотографировали с воздуха цели.

Особый интерес для нас представляла связка железных дорог Кишинев Яссы. Какое значение имела эта линия для противника, видно из захваченного позже в архивах немецкого генштаба письма Антонеску, который в марте 1944 года писал Гитлеру, что если наступающим в направлении Ясс удастся захватить линию Кишинев - Яссы - Роман, отступление армий группы "А" и 8-й армии будет совершенно невозможно.

На разведку ходили обычно хорошо подготовленные экипажи, летающие в любых метеоусловиях, и они, как правило, выполняли задания успешно. В непогоду летали без сопровождения, прикрываясь туманом или облачностью.

Стартуем вдвоем с Анатолием Кобзевым. Прикрытие - шестерка "яков", ведущий - Александр Шокуров.

Анатолий - парень бывалый, не раз и не два крылом к крылу мы устраивали с ним "баню" гитлеровцам. Потомственный туляк, он прекрасно владел оружием, пилотировал штурмовик безукоризненно - до того, как пересел на Ил-2, окончил школу истребителей, - умел выжимать из машины все, даже сверх ее возможностей.

На бреющем подошли к Унгенам. Впереди отчетливо виднелись поросшие кустарником заболоченные участки, а за ними справа тянулась холмистая гряда с отдельными высотками. По лугу, извиваясь змейкой, протекала небольшая речка Жижия.

Проскочив над станицей, еще ближе притерлись к земле. Кое-где лениво заговорили зенитки.

Два железнодорожных состава заметили сразу. Они стояли под парами на станции Унгены: у вагонов, окрашенных в кирпичный цвет, виднелись фашисты, замыкали составы четыре цистерны с горючим. На крышах вагонов стояли покрытые жидкими ветками зенитные установки. Сразу же вспомнился промах Девятьярова: нет, так просто мы с вами, голубчики-бандиты с большой дороги, на перекрестке не разойдемся.

Я представил лицо Анатолия: прищуренные глаза, сжатые зубы, на скулах выступили бугры желваков.

Скомандовал:

- Атакуем с ходу. Бомбы на сброс с малой высоты.

Неудачно! Бомбы упали рядом с железкой, не причинив особого вреда составу.

"Ах ты, черт, - подумал про себя, - нужно придавить зенитчиков".

Наши машины смерчем пронеслись над крышами вагонов, потом развернулись, ведя огонь из пушек и пулеметов, и промчались в обратном направлении.

- Еще заход, Анатолий. Давай под углом. Бьем по паровозам.

Сделав круг, мы подошли к головам составов под разными ракурсами и реактивными снарядами ударили по локомотивам. Эрэсы прошили паровозы: взрывы - из котлов повалило густое облако пара. Горят цистерны.

Уцелевшие фашисты в панике скатывались с насыпи к кустарникам. Набрав высоту, мы еще раз глянули вниз: два состава чем-то напоминали змей, разрубленных на части.

Истребители прикрытия Александра Шокурова работали над целью вместе с нами: спускались до бреющего полета, расстреливали из пушек и пулеметов убегающих фашистов, следя за воздухом.

* * *

Нас вызвал командир дивизии полковник Шундриков. На

полу - громадная карта. На ней он красным карандашом чертил курсы. На Кишинев, на Яссы... Здесь же с комдивом был незнакомый офицер. Оказывается, писатель - Валентин Катаев.

- За пехотой-матушкой не угонишься, - говорил Владимир Павлович. Скоро карты не хватит, придется подклеивать новые листы... Темпы... Скорости... Приятно. Извините, заговорился. Докладывайте. Где были, что видели?

- Пересекли Прут, Жижию. На подходе к Унгенам выпустили пары из двух фрицевских эшелонов. Живая сила, техника, горючее. Маленький фейерверк...

- Молодцы! Зенитная артиллерия бьет?

- Бьет, но неточно.

- А что делается на дороге? Интенсивность движения?

- Движение слабое. Обозы. Отдельные машины...

- Складки местности хорошо просмотрели? Балочки обшарили?

Утвердительно киваем.

Глаза полковника весело и грозно сияли. Мы смотрели на Владимира Павловича и гордились своим командиром: человек железного мужества, стремительных решений, безгранично храбр, беспощаден к врагам, строг и доброжелателен, даже нежен к своим товарищам.

Отец Владимира Павловича в русско-японскую командовал ротой, дослужился до капитана. В то время это было редкостью - представитель низшего сословия и вдруг стал офицером. После участвовал в первой империалистической, а в годы гражданской войны занимал должность командира полка.

Сын тоже избрал профессию военного, только предпочтение отдал авиации. Прошел многие служебные ступеньки, войну начал под Киевом в истребительном полку. После его пополнения самолетами И-15 часть стала именоваться 66-м штурмовым полком.

Владимир Павлович участвовал в освобождении Великих Лук и ликвидации демянского "котла", громил гитлеровцев на Курской дуге, освобождал Харьков, Полтаву, Кировоград, сражался за Днепр, водил краснозвездные эскадрильи над Уманью, под Корсунь-Шевченковским.

Как я уже сказал раньше, комдив был штурмовиком до мозга костей. Когда надо, шел сам на горячее, рискованное дело.

... Немцы без передышки бомбили одну из наших переправ на Днестре. Над рекой стоял густой туман, видимость была минимальная. Но комдив сел в свой "ильюшин" и с группой штурмовиков вылетел на помощь пехотинцам. Он обрушился на "юнкерсов", висящих над переправой, разогнал их и барражировал

до тех пор, пока пехотинцы не достигли западного берега реки.

Тем временем гитлеровцы вызвали истребителей, и только на одного Шундрикова насело четыре "мессершмитта". Он обманул преследователей, ушел от них на бреющем полете по балкам, по лощине, в конце концов замел следы и скрылся. Истребители противника остались ни с чем.

Жизнь на аэродроме, где находились сразу три полка, не затихала ни на миг. Одни группы штурмовиков отправлялись на боевое задание, другие возвращались. Зачастую взлетно-посадочная полоса была занята и приходилось висеть в воздухе, пока не взлетят соседи.

На таком "зависании" оказались однажды машины Евгения Буракова и Георгия Мушникова. Посадку им запретили. Вопреки элементарным правилам безопасности Бураков и Мушников начали ходить над аэродромом на бреющем полете. Молоды мы были, иногда безрассудны, энергия кипела через край. Так вот, "художества" летчиков попали в поле зрения командира дивизии Шундрикова. Поинтересовался, чьи это орлы, и узнав, что Бати, незамедлительно вызвал к себе Девятьярова, учинив комэску разнос.

Александр Андреевич, естественно, взвинтился. Бросив в сердцах на землю шлемофон и планшет, он насел на лихачей: "Да думать же вам надо!" Обращение на "вы" означало последний градус гнева. Даже комдиву показалось, что Александр Андреевич перегнул палку.

- Тише, Девятьяров, - успокоил Батю Шундриков. - Грохот такой стоит, что и быки от нас убегут. (На них молдаване возили воду.)

Инцидент, казалось, уже был исчерпан, но тут полковник приказал:

- Девятьяров, строй группу.

Построились. Комдив, слегка улыбнувшись, сказал:

- За работой штурмовиков наблюдал сам командующий фронтом маршал Конев. Оценил ее отлично. Всем и лично товарищу Девятьярову объявил благодарность.

Легкий вздох радости прошелестел над строем.

* * *

...Мы жили в молдаванской мазанке. На полу - домотканые полосатые дорожки. Хозяин - крупный пожилой человек с узловатыми руками - не раз после полетов потчевал мамалыгой с брынзой, розовым кисленьким вином. С каждой беседой нам открывалась безрадостная судьба этого трудяги. Что имели? Надел земли - треть, в лучшем случае половина гектара на душу. Налогами давили. Соли, спичек - днем с огнем не сыщешь.

Грамоту искоренили, как заразу.

Он с жадностью слушал рассказы летчиков о жестоких кровопролитных боях на Курской дуге, под Корсунь-Шевченковским, о бегстве фашистов с Украины.

- Братья, разрешите мне еще налить по кружке доброго бессарабского вина, - предложил растроганный хозяин, - и выпить за вас, за всю Красную Армию. И чтобы этих гитлеровских бандитов мы больше в глаза вовеки не видели.

Потом мы долго бродили по селу. Тишина падала на камышовые крыши, зеленоватая луна отчетливо отпечатывала двух неподвижных аистов над большим гнездом. А где-то с шоссе доносился ровный шум идущих на запад танков. Они гудели всю ночь, как бы перекликаясь с ночными бомбардировщиками, идущими на Яссы, на Констанцу, с дикими гусями, аистами. Птицы возвращались домой. Нам же предстоял путь обратный.

Праздник Первого мая мы встречали с молдаванами. Хлебосольные труженики щедро нас угощали. Подняли тост за братство, за победу, за мир.

Более чем через тридцать лет, в октябре 1978 года, по приглашению Флорештского райкома партии я посетил Молдавию - землю, которую мы освобождали от фашистских захватчиков. Богатые, красивые села, прекрасные люди, встречавшие нас хлебом-солью.

На волнующих встречах присутствовали тысячи рабочих, колхозников, учащихся школ и ПТУ, воины.

Я поделился своими воспоминаниями, был участником торжественного пленума райкома комсомола, посвященного 60-летию ВЛКСМ.

Меня приняли в почетные пионеры ряда пионерских дружин, в почетные колхозники богатых колхозов "Путь Ильича", "Путь к коммунизму". "Октябрь", присвоили звание "Почетный гражданин города Флорешты" Молдавской ССР.

Но это было в октябре 1978-го, а пока...

Под гвардейским знаменем

У нас большой праздник. Застывший строй полка, словно высеченный из малахита. Яркие лучи солнца играют на боевых наградах летчиков, воздушных стрелков, техников. Перед строем командир корпуса генерал-лейтенант В. Г. Рязанов проносит гвардейское Знамя. Пламенеет горячий шелк стяга, на котором золотом вышит портрет В. И. Ленина и сияют слова "За нашу Советскую Родину!".

Вручить высокую награду - гвардейское Знамя - приехал командующий фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Некоторые из нас впервые увидели маршала:

он высок, хорошо сложен и подтянут. На лице, открытом, простом, отражено спокойствие. И лишь резкие волевые складки свидетельствовали о твердом характере.

Командир полка опускается на одно колено, целует уголок Знамени. Вдоль строя катится мощное "ура!". Мы - гвардейцы! Гордое, высокое звание. Теперь наша часть стала именоваться так: 140-й Киевский гвардейский штурмовой авиационный полк, алое знамя которого в будущем украсят ордена Красного Знамени и Богдана Хмельницкого.

После официальной церемонии командующий начал беседовать с летчиками, стрелками, инженерами. Оказывается, он знал многих штурмовиков полка, не раз наблюдал за их действиями над полем боя.

Позже маршал И. С. Конев так напишет о нас в своих воспоминаниях: "Летчики корпуса Рязанова были лучшими штурмовиками, каких я только знал за весь период войны. Сам Рязанов являлся командиром высокой культуры, высокой организованности, добросовестного отношения к выполнению своего воинского долга".

Да, мы всегда гордились своим командиром корпуса. Василий Георгиевич Рязанов прошел за время своей службы как бы два этапа: сначала он был политработником, потом авиационным командиром. Большой опыт помогал ему изучать людей, прислушиваться к их мнению, вселять в подчиненных боевой дух, вызывать на откровенность. Мы живо и охотно делились с Василием Георгиевичем своими мыслями. Его всегда радовали тактическая зрелость, умение трезво оценивать обстановку, широта кругозора летчика. Генерал Рязанов, как правило, сам наводил штурмовики на цель, командуя по радио, отдельными группами или экипажами.

В боях за освобождение Украины все три дивизии, находившиеся в составе штурмового авиакорпуса генерала Рязанова, получили почетное наименование Красноградская, Полтавская, Знаменская. Корпус стал называться Кировоградским.

Вставало светлое, ласковое утро. И казалось, что нет на свете войны, крови, слез. Только утренний свет и.спокойная тишина. Но ничего этого не замечаешь, когда мысли заняты предстоящим полетом.

Обхожу несколько раз "ильюшин", кулаком постукиваю по обшивке плоскости: "Куда сегодня понесет нас конь-огонь?". Стрелок Аркадий Кирилец облокотился на парашют, лежит, покусывая и сплевывая сочную травку.

Рядом - с набором инструментов - техник Павел Золотов.

Внимательно осматривает каждую деталь, каждый болтик, смотрит на нас, тихо напевая: "Жил на свете старый "ил", на разведку он ходил".

- Лейтенант Круглов и младший лейтенант Драченко, к командиру, передал приказ дежурный.

Заходим в домик к майору Круглову. Все по-походному и просто: на столе телефон, карты, россыпь разноцветных карандашей. Федор Васильевич подводит нас к развернутой карте, делает пометки.

- Нужно пройти до Ясс, затем опуститься к Хуши, сфотографировать дороги, правый берег Серета. Ведущий - младший лейтенант Драченко. Прикрытие - шестерка "яков". Сопровождать будет капитан Луганский. Сведения нужны вот как, - провел рукой по шее майор. - Из дивизии снова звонили: сведения, сведения, сведения...

С Костей Кругловым мне не часто приходилось выполнять подобные задания, хотя и знал, что летчик он смелый, дерзкий в бою, а вот с Сергеем Луганским каши фронтовой пришлось поесть изрядно. Прикрывал он нас еще под Харьковом, Сергей слыл квалифицированным мастером воздушного боя, легко "читал" и знал повадки врага, его манеру драться. Он "опробовал" своим огнем почти все типы вражеских машин. Я хорошо знал и его товарищей по оружию: Ивана Корниенко, Николая Дунаева, Гарри Мерквиладзе, Евгения Меншутина, Василия Шевчука, Николая Шутта.

С Николаем у нас завязалась какая-то особая дружба, да и в наших характерах было много общего...

Попадешь, бывало, в горячую ситуацию, а Шутт тут как тут: словно добрый работник гвоздит гитлеровских асов. Затем: "Горбатые", работайте спокойно. Небо чистое, как слеза ангела. Привет. Риголетто". И поет: "Сердце красавицы склонно к измене" или "Да, я шут, я циркач, так что же?" В общем, с Шуттом для врага были шутки плохи.

Любимым приемом Шутта был вертикальный маневр ведения боя с резкими эволюциями машины. Этот прием всегда ставил немецких летчиков в невыгодное положение. Атаки Николай производил преимущественно сзади, с последующим выходом вверх, что давало ему превосходство в высоте на протяжении всего воздушного боя. А это в известной степени обеспечивало победу.

В ясную погоду Шутт выходил из атаки на солнце, при горизонтальном маневре делал правый вираж, так как вражеским летчикам для правого виража требуется больше времени, да и к тому же правые фигуры они делали хуже, неповоротливее. Тут и

открывал прицельный огонь.

Здесь следует сказать, что у штурмовиков, прикрываемых Николаем, никогда не было потерь.

Смелостью он обладал безграничной, шел на самое рискованное дело. Нет, Николай не был сорвиголовой: точный тактический расчет, какая-то, сверхинтуиция помогали Шутту найти самое уязвимое место в строю гитлеровцев и нанести разящий, внезапный удар. Этого симпатичного крепыша знали буквально все в корпусе: от командира до водителя БАО.

Однажды, когда мы освобождали Харьков, части инспектировал заместитель командующего 2-й воздушной армией по политчасти генерал-майор авиации Сергей Николаевич Ромазанов. В то время, когда он был на аэродроме, приземлялась группа истребителей. А один самолет остался в воздухе и проделал такой каскад фигур высшего пилотажа на низкой высоте, что у некоторых гостей, как говорится, дух захватило.

- У него что - задание пилотировать над аэродромом? - со строгими нотками в голосе спросил Ромазанов комдива.

- Наши истребители сегодня сбили много фашистских самолетов, стушевался комдив, - вот он и дает знать о победе. Да и сам он, наверное, угрохал пару-тройку гитлеровцев. Шутт с пустыми руками никогда не возвращается.

- Ну раз так, пусть салютует, - увидев, с какой гордостью наблюдают за своим товарищем летчики, сказал генерал. - Хотелось бы с вашим Шуттом познакомиться поближе. Вижу, что он пилот высшего класса.

Генерал Ромазанов сам тоже когда-то летал, был летчиком-наблюдателем.

Частые встречи у нас были и с генералом Степаном Акимовичем Красовским. Несмотря на постоянную занятость - не каждый может представить, что такое командование такой сложной махиной, как воздушная армия, - он находил время, чтобы поговорить с рядовыми летчиками, знал многих в лицо, шутил, подбадривал. В разговоре использовал народные поговорки и пословицы - речь его отличалась убедительностью, сочностью, доступностью. Прост и внимателен к людям, к сердцу воспринимающий их радости и беды, он всегда осуждал верхоглядство, показную лихость и бездумный риск. По заслугам кое-кому давал и нагоняй "за беспорадок". Степан Акимович говорил с явно белорусским акцентом и "беспорадок" произносил именно так.

...Идем во вражеский тыл. Внизу проплыли Бельцы. Камышовые и кирпичные крыши. Вокзал. Составы. Платформы с танками, орудиями. Цистерны. Садик с маленькой раковиной

открытой сцены. Сверкнула ракета, точно пояс, вышитый стеклярусом. Под нами зеленеют виноградники, тянутся холмы, плывут тонкие извилистые черточки дорог. И дальше вполне мирная картина. Но рядом с этой идиллией замечаем и колонны машин, многочисленные огневые точки, отсечные позиции, плотные проволочные заграждения - "спирали Бруно", "пакеты Фельдта". Все надо положить на пленку, запомнить визуально.

Сфотографировав мощные оборонительные рубежи и дороги в районе Яссы Хуши - Роман, берем курс на север вдоль западного берега реки Серет с выходом на Тергул-Фрумос. А тишина такая, что просто оглушает. Правильно говорят - затишье перед бурей. Вот тут-то и попали мы в огненный водоворот. Как шальные снизу откуда-то выскочили четыре "фоккера". На хвостах метки свастики, словно пауки. Их я заметил сразу.

- Командир! - истошно кричит в переговорное устройство Кирилец. Сверху двенадцать "мессеров"!

- Не ошибся? - переспросил Аркадия.

- Если бы, - тяжело выдохнул стрелок.

Да, обстановка складывается тяжелейшая.

"Мессеры" резко вышли на второй "этаж", связали боем Луганского. Ясно: решили отсечь нас от прикрытия. Для дюжины фашистских "мессершмиттов" мы оказались прямо-таки летящими мишенями. "Почему нас Сергей не выручает?" стиснув зубы, я подавил в себе чувство гнева. Посмотрел вверх: там "мессеры" и "яки" сплелись в один клубок.

"Фоккеры" набросились на нас.

- Переходим в "ножницы"! - приказал Косте Круглову.

Возвращаться назад, не выполнив задания?.. Нет это не в наших правилах. Когда перешли на "ножницы", преследование прекратилось: истребители противника забрались метров на 600 выше, стали наблюдать. Но как только поставил самолет горизонтально к земле и начал фотографировать, они молниеносно навалились на нас, норовя зайти в хвост или под ракурсом три четверти атаковать. В глубь вражеской территории шли с боем, применяя "ножницы", назад, после выполнения задания, будем возвращаться, перейдя на бреющий полет.

Посмотрел на высотомер - 600 метров. Надо уходить, любой ценой. На пленке и в голове данные разведки, по сравнению с которыми "фоккер" стоит грош-копейку. Но "мессершмитты", растянув строй истребителей Луганского, сломя голову бросились нас преследовать. Пулеметная очередь прошлась по левой плоскости.

Кирилец, произнося длинную тираду, волчком крутится в задней кабине, бьет из турельной установки короткими

очередями по стервятникам, норовящим подстроиться в хвост. По СПУ слышу радостный голос Аркадия:

- Командир! "Мессу" приделали хвост!

Затем он долго кашляет. У меня в кабине тоже дым - едкий, противный. Да, хвост мы "мессу" приделали отличный: он сначала свалился на крыло и, охваченный пламенем, по отвесной траектории заштопорил вниз.

Мимолетная радость за успех тут же сменилась, щемящей болью: Костю Круглова настигла ядовито-оранжевая трасса "эрликона", когда переходили линию фронта на бреющем. "Ильюшина" лизнули языки пламени, и он, минуту назад сильный и, казалось бы, неприступный, беспомощно начал отсчитывать последние метры падения...

Потрясенный случившимся, сдавил пальцами виски, провел рукой по онемевшей коже лица. Двинул сектор газа до отказа, еще ниже притерся к земле.

...Проплыли над крылом Фалешты, дальше - село Егоровка.

Жизнь машины, да и наша собственная, висела на волоске. Несколько раз поперхнулся мотор, на плоскостях густо кучерявилась разодранная фанера.

Слегка вздохнули: преследовавшие "мессершмитты" отстали. Однако наша радость оказалась преждевременной. Откуда-то взявшиеся "фоккеры", стремительно пикируя, стали заходить в хвост.

Мы прижались к макушкам деревьев - отчетливо были видны крыши домов, стожки сена, белые пятна кур... Брызнувшая с "фокке-вульфа" очередь подняла

пыль на земле, самолеты просвистели над нами и ушли с набором высоты.

Эти так запросто не отстанут, если у них есть боеприпасы!

На возвышенности села я приметил церквушку с колокольней, на куполе которой давно почернела зеленая краска. Туда и направил самолет. Едва успел встать под защиту колокольни, как знакомые ФВ-190 вновь полоснули очередью и метнулись вверх.

Что делать? Положил машину в левый вираж и стал наматывать концентрические круги, держа колокольню в центре. Гитлеровцы значительно сократили время разворота и ринулись в атаку. Чувствовалось, что они теряли терпение. Хитрили, бросая машины в неожиданный переворот, стремительно опускались и взмывали вверх. Но выйти на прямую атаку не могли.

У меня от этой карусели закружилась голова, как спицы в колесе, мелькали переплеты стрельчатых окон, нога, лежащая на левой педали, затекла.

"Когда же вы уйдете, проклятые?"

Очереди "фоккеров" стали жидковаты, экономны. Они чуть сами не напоролись на колокольню и стали уходить на запад.

Может, ловчат? Нет, боеприпасы расстреляны, больше делать нечего.

К Бельцам ползли, словно тяжесть машины повисла на плечах. Ее то мотало из стороны в сторону, то, наоборот, - она задирала нос. Стрелка бензиномера подбиралась к красной черте. Штурвал выскальзывал из рук.

Машина неслась сама по себе, чихая и раскачиваясь с крыла на крыло. Потянулся к рукоятке триммера - вроде бы послушалась.

Не помню, сколько времени летел в разбитом, почти неуправляемом самолете. Казалось, очень и очень долго. И еще удивлялся, как это работает мотор, бензонасосы качают из баков горючее, тянет простреленный винт...

Похожий на ощетинившегося ерша, садился на аэродром, не выпуская шасси. Только перекрыл бак и выключил зажигание - "ильюшин" облегченно ухнул вниз, пропахал землю на животе, чуть развернулся и остановился.

В кабине сидел весь оцепенелый. Мозг работал медленно, находился в каком-то состоянии заторможенности. Еле стащил с педали онемевшие ноги, обжигаемые горячим воздухом мотора. Со всех сторон отдавало смесью масла, глицерина, бензина, эмалита. Посмотрел на "ил" со стороны, ни дать ни взять - дуршлаг, но фотокамеры оказались целыми.

Механик Лыхварь только головой покачал:

- Боже мий, як машину покаличыли.

А по аэродрому уже носился капитан Рыбальченко - начальник оперативного отделения штаба авиаполка. Мы с ним всегда находились в тесном контакте, потому что сведения из первых рук получал он. Педантичный, как и все штабники, Афанасий Дмитриевич буквально выжимал из летчиков все: что видели, где были, каковы результаты фотографирования? Кое-кто даже обижался на Рыбальченко за такую дотошность, чертыхаясь в душе: возьми, мол, сам слетай и увидишь, что "там" делается. Афанасий Дмитриевич понимал, из каких перипетий иногда возвращались экипажи, но продолжал делать свое дело: расспрашивал, дешифровал ленты пленок, снимки клеил на карты и делал фотопланшеты, сравнивал данные, составлял боевые донесения.

- Ваня, одна ты у меня надежда. Если не привез пленки - не знаю, что сделают. Из дивизии беспрерывно звонят - телефон горячий. - Афанасий Дмитриевич стал в позу обреченного

человека.

- Фотокамеры целые. Правда, самолет немного поцарапали: Лыхварь никак не может найти четырехсотую пробоину.

Механик из аэрофотослужбы Леонид Задумов даже присвистнул:

- Как же ты в таком решете сидел и не вывалился?

- Дырки маловаты...

Идем с Леонидом по аэродрому, разговариваем. Он интересуется тем, что произошло в воздухе, как выскочил из этой передряги. Любопытство его вполне закономерно: он летал воздушным стрелком, сделал с Виктором Кудрявцевым более пятидесяти вылетов. Но один из них оказался роковым. Произошло это в сентябре 1943 года. В районе Александрии фашистские танки прорвались в тыл к нам, а наши - к ним. Обоюдные "визиты" запутали обстановку, и Анвару Фаткулину вместе с Михаилом Хохлачевым было приказано срочно произвести разведку. На штурмовике Фаткулина находился офицер-танкист, с Хохлачевым стрелком полетел старшина Леонид Задумов.

Небо было затянуто облаками. Истребители прикрытия улетели.

Летчики надеялись, что противник в такую погоду не осмелится поднять в воздух самолеты-перехватчики. Но облака стали постепенно рассеиваться, и внезапно навстречу двум "илам" устремились сразу одиннадцать вражеских машин.

* * *

Разведку провели успешно, и теперь пытались оторваться от "мессеров". А те, поняв свое преимущество, все больше наглели. Майор-танкист не мог сделать из пулемета ни одного выстрела, так как от маневров Фаткулина его укачало. Видя это, Хохлачев пристроился в хвост ведущему, приняв огонь на себя. Один "мессер" все-таки ударил по заднему штурмовику, два осколка попали по ногам Задумова, третий впился около глаза. Ко всему прочему у стрелка заел УБТ. Тот крикнул: "Миша, тряхни машину", пробуя сделать перезарядку пулемета. Длинная очередь - и "сто девятый" отвалил, оставляя дымный след. К земле несло и машину Хохлачена. Прыгать не было никакой возможности, рядом земля. Удар! - и штурмовик пополз "животом". Задумов, несмотря на сильную боль в ногах, выскочил на плоскость, открыл фонарь летчика. Хохлачев сидел в кабине, опустив голову, весь в масле, залило и всю приборную доску. А огонь уже подбирался к моторной части. Леонид вытащил Хохлачена из машины, отстегнул парашют и начал толкать впереди себя товарища. Тот еле шел - видимо, сильно угорел. Через несколько

минут штурмовик взорвался. За этот вылет старшина Л. Задумов получил орден Красной Звезды. Но, к сожалению, был отстранен от полетов по зрению.

* * *

...Доложил командиру полка о выполнении задания. Майор Круглов, довольный результатами разведки, по-отечески обнял меня и пожал руку Аркадию Кирильцу. Сзади ребята не удержались: сегодня, мол, тебе положена двойная чарка. По пути к расположению рассказал о том, как сбили Костю Круглова. Если попал к гитлеровцам - пропал, замордуют. Нет, уж лучше похоронить себя вместе с машиной в огненном смерче, зарыться в землю, раствориться.

Не могу не вспомнить курьезный случай, который произошел за несколько дней до этого.

Девятка "илов" на рассвете вышла на задание подавить огневые позиции противника на высотах, прикрывающих подступы к Яссам. К цели дошли нормально, правда, кое-где тявкали зенитки.

Начали работу. Возле района действий на наблюдательном пункте с общевойсковиками находился генерал Василий Георгиевич Рязанов. Он сразу поставил нам двойки: неуклюже обработали высотки, которые фашисты буквально нашпиговали пулеметными гнездами, дзотами, орудиями.

- Лапотники вы, а не штурмовики. Пройдитесь по пулеметам, пушкам как следует, а землю без нас перепашут.

Как на грех, и второй, и третий заходы оказались малоэффективными. Бомбы поднимали столбы дыма, а когда наша пехота поднялась в атаку, ее встретил плотный огонь.

* * *

Приземлившись, мы с трепетом ждали телефонного звонка. Разноса не миновать. Но генерал не звонил. Уже в сумерках на аэродроме сел По-2, и В. Г. Рязанов, хмурый, в запыленном реглане, даже не приняв рапорта, приказал построить весь личный состав.

- Сколько воюете, и такая работа. Птенцы - и те лучше вас летают. А еще гвардейцы. Бе-зо-бра-зие...

Генерал Рязанов, широко вышагивая перед строем, так, что полы реглана разлетались в стороны, строго спросил:

- На кого вы только надеетесь? А-а?

И, повернувшись к майору Круглову, продолжал;

- Вы думаете, что Пушкин будет за вас работать?

Такая уж привычка у Василия Георгиевича - если не ладится что-либо, обязательно предупреждает: "На Пушкина не рассчитывайте".

Дав нам капитальную взбучку, командир корпуса улетел. Все тяжело переживали эту встречу с генералом: на другой день майор Круглов произвел перестановку в эскадрильях, провел несколько тренировочных полетов.

Задание было первоначальным - опять обработать злополучные высоты.

- От цели не уходить, пока не раздолбаете в щепки все, до последнего пулемета. Пехота должна взять высоты без потерь. Понятно?

И на этот раз генерал Рязанов был на командном пункте. "Только бы не опростоволоситься", - думали все в группе штурмовиков, начиная от ведущего и кончая замыкающим пилотом.

С первого захода краснозвездные "ильюшины" накрыли вражеские точки огненным грузом. Туча пыли вперемешку с гарью и дымом стояла над гитлеровскими позициями.

- Молодцы! - передал по микрофону генерал Рязанов. - А ну, еще раз пройдите над высотками. Винтами прижмите фрицев к земле, чтобы и голов паршивых не смогли поднять. Ку-ро-еды!..

Со страшным ревом ринулись штурмовики на врага: внизу все кипело, клокотало, гудело, сверкало...

Василий Георгиевич, провожая две шестерки "ильюшиных" домой, запросил:

- Кто возглавляет группу?

- Пушкин, товарищ генерал.

- Прекратите шутить! - Голос Рязанова стал сухой и грозный. Немедленно отвечайте, кто ведет группу?

- Пушкин, товарищ генерал.

- Придется разобраться, - оборвал разговор командир корпуса. И Николай, наверное, решил: над его головой сгущаются тучи. Но что же случилось? Ума не мог приложить. Неужели попали в своих? Тут пощады не жди.

Примерно через час на аэродроме приземлился генерал Рязанов. Опять построили личный состав полка. Генерал заговорил сразу:

- С заданием справились отлично, молодцы! Но зачем же давать неуместные ответы на мои вопросы? Кто вел две шестерки? Выйти из строя!..

Николай сделал три шага и доложил. Голос у Николая был совсем одеревеневший. Генерал еще раз переспросил фамилию. Тот повторил.

- М-да, - протянул Василий Георгиевич, улыбнулся и сбил фуражку на макушку. - А я-то думал, что меня решили разыграть! Уже приготовился дать перцу новоявленному остряку. Так вот,

товарищ Пушкин. Сегодня вы фашистов били по-гвардейски, со знанием дела. Действуйте так и впредь, орлы. От лица службы вам, лейтенант Пушкин, и всей группе объявляю благодарность,

Николай воспрянул духом, подтянулся и звонко отчеканил:

- Служу Советскому Союзу!

Обстановка с каждым днем накалялась. Это было и понятно: до вражеского логова теперь куда ближе, чем год или два назад. Вот и остервенели гитлеровцы, а их поражения заставляли кое о чем задумываться их ненадежных союзников - румын.

Фашисты предпринимали массированные контратаки, однако линия фронта оставалась без изменений. Здесь особенно требовалась помощь авиации наземным войскам, перешедшим к обороне. А надо идти вперед. Только вперед...

* * *

Штаб срочно формирует группы, которые должны вводиться в бой последовательно.

Первую ведет комэск майор А. Девятьяров. Воздушный стрелок у него начальник связи полка Н. Макеев. В группе Бати - летчики А. Кобзев, П. Харченко, А. Сатарев, Н. Стерликов, П. Баранов, В. Жигунов...

У каждого из них за плечами был уже большой опыт наземных штурмовок, воздушных боев.

Когда мы стояли в Канатово под Кировоградом, в полк пришли два закадычных друга Саша Сатарев и Коля Стерликов. Как говорят, они сразу пришлись ко двору. Обаятельные, с юношеским задором, эти парни готовы были идти к самому черту на рога. Саша - воспитанник челябинского комсомола - в армию пришел добровольцем. Мечтал стать истребителем, однако посадили на По-2. Со временем разочарование прошло. Машина полюбилась - этот труженик войны - простая, нетребовательная к аэродромам, заправлявшаяся несколькими ведрами горючего. А какой ущерб она наносила врагу! Называя ее с презрительной иронией "рус-фанер", гитлеровцы вскоре поняли, что шутки с По-2 плохи, а командование за каждый сбитый самолет представляло своих летчиков или зенитчиков к Железному кресту.

Более пятидесяти боевых вылетов сделал на По-2 младший лейтенант Сатарев, наносил меткие удары по точечным, особо важным целям противника, несколько раз забрасывал во вражеский тыл разведчиков, различные грузы. Все это было сопряжено с большим риском. Заметив недюжинные способности молодого пилота, полковник Щундриков, будучи тогда заместителем командира дивизии, предложил Александру переучиться на штурмовика...

"Илы" в плотном боевом строю неудержимо и грозно

приближались к цели. Девятьяров. умело провел группу через основной зенитный пояс, сосредоточил огонь на танках и артиллерийских батареях. Серия сброшенных "фугасок" ошеломила гитлеровцев на какое-то время. Отрезвев от внезапного удара, фашисты начали яростно огрызаться. Снаряд разорвался рядом со штурмовиком Девятьярова, и его машина начала переваливаться с крыла на крыло.

Пламя взрыва полыхнуло и за стабилизатором "ильюшина" Сатарева. С трудом выравнивая машину, Сатарев запросил воздушного стрелка Гринева:

- Что там, Петя?

- Малость поцарапало, да хвоста кусок потеряли.

- Держись, друг... Мне тоже попало.

Покончив с батареями и разогнав по укрытиям танки, штурмовики начали прочесывать вглубь оборону немцев, расстреливая до последнего патрона боекомплекты.

Возвращались домой с победой, которая далась довольно нелегко. Уже над своей территорией младшему лейтенанту Стерликову пришлось покинуть машину. А Сатарев сел. Но надо было посмотреть на его "ильюшина": представлял он собой макет-мишень, по которой упражнялись в стрельбе. Машину пришлось списать: ее подцепил "фома" (так техники окрестили трофейный тягач) и отправил на свалку.

В этом бою серьезное ранение получил начальник связи полка Макеев осколок попал ему в берцовую кость. Из кабины воздушного стрелка его еле вытащил механик Саша Бродский и с помощью санитаров уложил на носилки. Николая Васильевича срочно пришлось отправить в госпиталь, где он пролежал почти шесть месяцев.

Встретил я его потом в Куйбышеве, куда прибыл за новой техникой. Со мной он и прилетел в полк под Ченстохов.

В мае у нас почти не было "незанятых" дней. "Старики" постоянно отправлялись на свободную "охоту": порой ведущий и ведомый проходили на большой высоте линию фронта и на бреющем летали над вражескими тылами. Их добычей были железнодорожные составы, паромы, автомашины с грузом, штабы, пункты управления, узлы связи. В любую минуту свободные охотники могли напороться на истребителей врага. Тут без опыта, хитрости, смекалки, высокой техники пилотирования в любых метеоусловиях - никуда.

* * *

Мой любимый маневр на "охоте" - летать под низкой облачностью, откуда все видно, а тебя могут только слышать. Из-за кромки облаков смотришь, что делается в тылу и на передовой,

выбираешь цель, на которую наваливаешься коршуном. Другой маневр - это полеты на бреющем, когда летишь по балкам, оврагам, прикрываясь складками местности. Затем - атака с последующей горкой и разворотом от 45˚ до 90˚. Здесь все рассчитано на внезапность и дерзость, скоротечность и неотразимость. Этот прием получил у нас образное название "партизанский заход".

* * *

Как-то мы с Аркадием сделали два вылета. Правда, улов был небогатым по дороге подбили пару машин, погоняли солдатню за обеденным кофе и все. Но вот зенитки потрепали нам нервы изрядно.

Короткая передышка, наспех проглоченная тарелка борща без ощущения вкуса и запаха и - вылет.

У машины Кирилец, пошатываясь, запрокинул голову, надрывно кашляя. На лице стрелка выступили розовые пятна, черты лица заострились.

- Что с тобой, Аркадий?

- Командир, убей меня на месте, лететь не могу. Дай отдохнуть... Ну хоть чуть-чуть...

"Пропадет парень, - подумал я. - Ему ведь лечиться нужно. Тут и здоровому трудно выдержать, а ему каково..."

- В госпиталь тебе следует ехать, Аркадий. Подлечиться надо...

- Что ты, командир, - испугался стрелок. - Просто чуток устал. Завтра буду как новорожденный.

- Иди. Возьму другого стрелка. Вот Савин ходит без дела.

Меня и самого трепала нервная дрожь, холодило спину. В теле - тяжесть, от озноба стучат зубы. Только на высоте как-то пришел в себя, ощутил прилив сил, сбрасывая с плеч свинцовую усталость. Сзади справа следовал Павел Баранов. В районе Ясс засекли новые цели, взяли курс на свой аэродром. В воздухе царило относительное спокойствие. Но вот из-за облаков вынырнули четыре самолета.

- Наши "лавочкины", - невозмутимо пробасил в переговорное устройство Савин.

Нелегко было научиться отличать "Фокке-Вульф-190" от нашего истребителя Ла-5. На первый взгляд оба самолета казались похожими. Только у немецкого истребителя часть фонаря состояла как бы из одной прямой с фюзеляжем, а у "лавочкина" фонарь заметно возвышался. К сожалению, Савин ошибся. Это были "фоккеры", которые плеснули на нас огнем.

- Вот тебе и "лавочкины", только с крестами. Смотри в оба, - приказал стрелку.

- Слева две пары "фоккеров". Пристраивайся ко мне, - передал я Баранову.

Не успев вскочить в облака, перешли с Павлом в стремительное пикирование. Истребители кинулись следом. Сзади что-то сверкнуло, на пол кабины посыпалась стеклянная крошка. Самолет основательно тряхнуло. Сразу же переключил рацию на стрелка.

- Савин, как ты там?

В ответ молчание.

- Саша, ранен?

Только треск в наушниках...

Посадив машину, содрал с потных рук перчатки; отстегнул привязные ремни, спрыгнул на левую часть центроплана. Посмотрел в кабину стрелка, и меня будто изо всех сил ударили сзади увесистой дубинкой. Савин сидел ссутулившись, оплетенный парашютными лямками и... без головы. Его руки застыли на гашетках.

Горький колючий ком подкатил к горлу. Хотелось разорвать на груди комбинезон - не хватало воздуха. Сжав в крепкий узел нервы, стал вытаскивать окровавленное тело стрелка из кабины. Однако сам ничего не смог сделать. Кое-как с механиками вытащили Савина, уложили на чехлы. Девушки укладчицы парашютов, прибористки - в страхе закрыли лица, бросились от машины в сторону. Я плелся по летному полю, спотыкаясь на ровном месте, уткнувшись в шлемофон.

Смерть - жестокая и неумолимая! Почему ты так нещадно косишь нашу юность? Парню бы радоваться восходу солнца и вечерней зорьке, работать, учиться, целовать девушек, а он лежит, обезглавленный, скрючившись на промасленных чехлах. С нами уже нет летчиков Буракова, Колисняка, стрелков Дораева, Гришечкина, Баранникова, на счету которого было пять сбитых истребителей противника. Неизвестна и судьба Кости Круглова.

Вечером в столовой опрокинул свои наркомовские сто граммов, но легче от того на душе не стало. Сцепился с Сергеем Луганским, вспыхнул берестой. Выговаривал ему за тот случай, когда нас атаковала дюжина гитлеровцев, а его истребители, увлекшись боем, бросили нас на произвол судьбы. А ведь генерал Рязанов не раз напоминал истребителям: за тех штурмовиков, кого собьют с земли, он спрашивать не будет. Если же потери у штурмовиков появятся от фашистских истребителей, он будет рассматривать это как невыполнение приказа. Сергей доказывал, что ситуация сложилась настолько трудная, что сам, мол, еле-еле дотянул до аэродрома. Крепко поругались. Так и разошлись, надолго затаив друг на друга обиду.

В этом вылете наши истребители прикрытия сбили шесть Ме-109, но и потеряли пять "яков". Урок тогда нам дали поучительный: нет взаимодействия - нет победы.

Вскоре я узнал, что командование представило меня к ордену Славы III степени за уничтожение двух железнодорожных составов и доставку ценных разведданных о дислокации противника в районах Ясс, Тергул-Фрумос, а также за сбитый Ме-109.

* * *

Скоротечны последние майские ночи: не успеешь забыться в глубоком сне, а уже румянеет восход, утренняя прохлада врывается с аэродромным гулом в открытые окна. Ребята вскакивают размяться, возвращаются, бодро покрякивают. Завтракаем - и к машинам. Для меня уже стало привычкой ходить на разведку во вражеский тыл в любую погоду, быть готовым ко всякого рода неожиданностям.

...Прозрачный круг трехлопастного винта яростно сечет воздух. В сторону разбегаются механики, придерживая руками пилотки. "Ильюшин" мягко подпрыгивает на мелкой кочке, поднимает клубы пыли. Взлетаем с Алехновичем. Считанные минуты - и мы уже на высоте, подбираемся к облакам.

В молочных разрывах зеленеют поля, плывут линии дорог, кудрявятся перелески. Ни одного выстрела, ни одного вражеского самолета. Тишь и благодать. Только истребители прикрытия старшего лейтенанта Николая Быкасова из 156-го гвардейского полка идут двумя группами чуть выше, спереди и сзади.

На всякий случай с противозенитным маневром набираем скорость и теряем высоту, меняем курс полета. Пересекаем линию боевого соприкосновения. Все время держим связь со своим командным пунктом. Фотографирую правый берег Серета, около Роман засекли аэродром подскока с целым скопищем авиационной техники без всякой маскировки. На многих машинах работали двигатели.

Около Хуши такая же картина: десятки бомбардировщиков Ю-87 готовились к вылету. Командование сразу среагировало на доклад. В это время в воздухе находилась группа "ильюшиных", ведомая Иваном Голчиным.

Накрыть гитлеровцев на аэродроме не удалось, и многие фашистские машины поднялись в воздух. Черными коршунами летели "Юнкерсы-87", хищно прочерчивали воздух сзади и по бокам Ме-109.

По команде генерала: "Гвардейцы, атака!" - завязался ожесточенный поединок. Мне впервые пришлось видеть такую картину.

Первым ударил по врагу Голчин. За ним все остальные.

В эфире разноязычные команды на разных тонах перекрикивали друг друга.

Две группы гудящих, воющих, стреляющих самолетов сошлись, как говорят, стенка на стенку. Меткие очереди штурмовиков и истребителей пронзали фюзеляжи, окантованные крестами, крылья, хвосты, кабины. То один, то другой "юнкерс", напоровшись на сфокусированные жгуты трасс, вздыбившись свечами, волокли за собой рыжее пламя. Почувствовав, что пахнет жареным, "юнкерсы" освобождались от бомб, старались вырваться из смертельного круговорота. На фоне грязноватых облаков виднелись купола парашютов, под которыми покачивались гитлеровские летчики, успевшие выброситься из горящих машин.

3 июня 1944 года газета "Сталинский сокол" так писала об этом бое: "Пятерка "ильюшиных" во главе с гвардии старшим лейтенантом Голчиным штурмовала живую, силу и технику на переднем крае обороны противника, В момент выхода из атаки наши летчики обнаружили большую группу бомбардировщиков противника, прикрываемых истребителями.

Приняв с земли команду высшего авиационного начальника: "Группе тов. Голчина атаковать самолеты противника, разогнать их, сорвать бомбежку наших войск", гвардии старший лейтенант Голчин всей пятеркой врезался в самую гущу противника и умелой атакой расстроил их боевой порядок.

Немцы беспорядочно сбросили бомбовый груз и поспешно ушли с поля боя, потеряв два самолета.

Делая второй заход на цель, Голчин обнаружил еще одну группу самолетов противника, по количеству примерно, равную первой, и атаковал ее. И эта группа потерпела поражение. В бою были сбиты 6 Ю-87, и немцы вынуждены были сбросить бомбы на свои войска.

Отлично выполнив боевое задание, штурмовики-гвардейцы уничтожили 4 автомашины, зажгли 3 танка и сбили 8 самолетов противника. Гвардии старший лейтенант Голчин сбил 1 Ме-109 и 1 Ю-87, гвардии лейтенант Павлов сбил 2 Ю-87, гвардии младшие лейтенанты Черный, Кострикин и Михайлов уничтожили по 1 Ю-87. Один "мессершмитт" был сбит воздушным стрелком гвардии сержантом Чудановым. При этом штурмовики не потеряли ни одной своей машины...

Кроме того, наши истребители прикрытия под командованием гвардии лейтенанта Попова сбили 6 самолетов противника.

Таков итог боевого подвига гвардейцев".

Схватывая отдельные кадры, я, только позже смонтировал в

памяти общую картину этого редкого зрелища. Ведь со стороны противника участвовало 115 самолетов.

...Среди нашего брата бытовали разные поверья: будешь прощаться с товарищами перед вылетом - не вернешься. Фотографий на борт не брать. На машину, которая была подбита, не садись. Не брейся. Тринадцатое число роковое. Если придерживаться этих примет, то, выходит, и летать некогда. Я не очень верил во всякие заповеди и "предчувствия", даже доказал, что тринадцатое число - счастливое.

Два штурмовика. - Евгения Алехновича и мой - стремительно набирали высоту. Курс на юго-запад, задание - разведать переправы на реке Серет. Как и предполагали, "клиенты", которых предстояло сфотографировать, оказались беспокойными. С берега на нас посыпался град термитных снарядов. "Эрликоны" хлопали внизу, трассы ярким фейерверком неслись рядом с самолетами вертикальные, наклонные, пересекающиеся...

Сотни разрывов в одну секунду. Наткнись на такого "ежа", не поможет никакая броня. Активность зенитчиков раскусили сразу - где-то рядом переправа. И действительно, через реку севернее города Роман тянулась темная лента, а по ней шли грузовики, утыканные ветками. Около поста регулирования бегали солдаты. Пригляделись - чистейшая бутафория. Чуть дальше заметили вторую переправу. Хитер фриц! Ее-то, основную, он притопил в воду, думал - не обнаружим.

- Дураков нашли, - процедил Евгений.

Бомбы легли как по заказу, и остатки переправы, покачиваясь на желтой пенистой воде, стали расползаться в разные стороны.

Но что это? Прямо по фарватеру идут два бронекатера. И не какие-то замызганные, обеспечивающие понтонеров, а элегантные, вроде бы прогулочные. Они шли быстро, распустив сзади белые усы.

- Неужели фрицы решили покатать своих фрау? - с нотками издевки произнес Алехнович.

- Сомневаюсь. Давай проверим. Атакуем, аллюр три креста!

Обе машины ринулись в пике, с направляющих сорвались реактивные снаряды. Мимо... Точечную цель бить довольно трудно эрэсами, да еще когда она движется.

Мы развернулись за изгибом реки и сделали второй заход. Опять промах. Катера выскальзывают, умело маневрируют, уходя под защиту береговых батарей, которые ожили, выдавая себя густой щетиной огня.

Озлобились до предела: козявки плавающие, а вон какие штуки выкидывают. Взъерошили зеркальную гладь пушечно-пулеметными очередями. Фонтаны воды взметнулись над

катерами. Снова в перекрестии прицела и в центре сделанной на капоте выемки для наводки на цель показался борт первого катера.

Огонь! Есть! Евгений атаковал второй катер, сперва выполнил горку, затем чуть подвернул влево и с виража влепил в него пушечную очередь. Посудина перевернулась и медленно, нехотя, стала тонуть. Сфотографировав оба катера в момент затопления набрали высоту и нырнули в облака.

Прошло три дня. Доложив о потопленных катерах, я уже о них и забыл, тем более, что было неудобно распространяться о шести заходах. И тут нас с Евгением вызвали к командиру полка.

Вездесущий начальник штаба майор Спащанский, встретив нас, схватился за голову, только и сказал:

- Ой, что же вы, хлопцы, натворили!

Зашли к майору Круглову в полном недоумении. Ступив на порог командирского "салона", увидели его сияющее лицо.

- Евгений Антонович, Иван Григорьевич, - торжественно по имени-отчеству обратился к нам Федор Васильевич. - Вы пустили на дно штабные катера. Вот это улов! По данным нашей разведки, на этих утюгах находились гитлеровские генералы. Выползли на берег немногие. Один из фашистов заявил, что если бы хоть одного из тех русских пилотов сбили, он отдал бы свой "рыцарский крест". Так пусть сам с ним плавает, а кое-кому, ей-богу, на противоположной стороне обязательно сдернут погоны вместе с головой. Алехновича приказано представить к ордену Красной Звезды, а тебя к ордену Славы II степени, поздравляю.

На ужине я во всеуслышание объявил:

- Число тринадцать - счастливое число. А вылетая на такое рандеву с генералами, надо было обязательно побриться.

Давно опустилась на землю теплая июньская ночь, а мы предавались воспоминаниям, шутили, дурачились, как будто завтра нас ждала обыденная работа: учеба, заводская проходная, стройка, полевой стан. Молодость, такова уж ее особенность. Но наша молодость ходила рядом со смертью.

Утром посыльный вызвал Николая Киртока к командиру полка.

Майор Круглое поднялся с табуретки, ладонью провел по карте, как бы ее разглаживая.

- Вот здесь, - он обвел остро отточенным карандашом зеленое пятно, враг вклинился в оборону наших войск и потеснил их. Туго сейчас там родной пехотушке. Нужно, Кирток, ей подсобить. Возьми "стариков" и вправь мозги офицерам...

По сигналу с командного пункта быстро заняли места и пошли выруливать. Первым - ведущий группы Николай Кирток, за

ним Николай Пушкин, Евгений Алехнович, Юрий Маркушин, Сергей Черный...

В районе цели, как и ожидали, заработали зенитки. Теперь летели по ломаной прямой, то с набором высоты, то с потерей ее.

А орудия стали бить сильнее, снаряды рваться гуще.

Танки действительно взломали нашу оборону, легко, преодолевают слабое сопротивление пехоты.

- Атаковать поодиночке с разных курсов! - приказал Кирток. - Сбор в квадрате двадцать...

И заметались внизу вспышки взрывов, танки сразу снизили темп движения, стали расползаться, тыкаться тупыми носами в поисках укрытия.

Выходим из последней атаки, поворачиваюсь в сторону, и через форточку вижу, что "ильюшин" Сережи Черного то проваливается, то набирает высоту.

Учуяли лакомую добычу и несколько "мессеров", которые ускользнули от истребителей группы прикрытия, начали настойчиво прорываться к подбитому "илу". К нему подстроился Юрий Маркушин и стал отсекать "худых" от товарища, попавшего в беду. Мы сопровождали Сергея на свой аэродром и по эволюциям самолета чувствовали, с какими неимоверно трудными усилиями ему приходится вести машину домой.

Маркушин умолял и приободрял Сергея:

- Тяни! Тяни! Еще немножко...

Над аэродромом штурмовик Черного стал медленно и нехотя падать, но в последние секунды выровнялся и покатил по пыльному полотну полосы.

Когда открыли кабину, забрызганную кровью, увидели, что Сергей был мертв. Голова склонилась на ручку управления, губы обметало серым налетом...

Печальные, сгорбившиеся, стояли летчики у покореженной машины, стянув с себя шлемы. Мы безмолвно прощались с боевым другом.

Санитары, отстегнув парашюты, положили тело лейтенанта на носилки и отнесли его в машину.

На похороны собрался весь полк, пришло много местных жителей из Лунги с живыми цветами. На женщинах была черная одежда. Плакали. Когда отгремели

прощальные салюты, над нашими головами пронеслись три краснозвездных штурмовика, салютуя погибшему с воздуха. Вел их капитан Н. А. Евсюков.

* * *

В июле 1944 года наш 1-й гвардейский штурмовой корпус из Молдавии перебазировался на львовское направление. К нам

перелетали и летчики из истребительной дивизии А. И. Покрышкина. Войскам фронта противостояла мощная группировка противника "Северная Украина". Используя выгодные условия местности, гитлеровцы создали глубоко эшелонированную оборону, укрепив такие города, как Львов, Перемышль, Рава-Русская, Сокаль, Горохов и другие.

В ходе подготовки к оборонительному сражению немецко-фашистское командование широко рекламировало личное обращение Гитлера, в котором он требовал, чтобы фронт группы армий "Северная Украина" стоял непоколебимо, как скала".

Некоторое время о нашем участке фронта Совинформбюро лаконично сообщало: "Без перемен", "Без изменений". В то же время изменения происходили, и довольно существенные. Фронт пополнялся людскими резервами, день и ночь скрытно подходила техника. Наша 2-я воздушная армия, усиленная Ставкой чуть ли не вдвое, насчитывала свыше 3 тысяч самолетов.

Львовско-Сандомирская наступательная операция началась 13 июля 1944 года - утром во всех частях, в том числе и в нашей, прошли митинги.

Замер строй. Перед ним развевалось гвардейское Знамя, как будто стремилось туда, ввысь, куда улетят эскадрильи.

Перед святыней части гвардейцы поклялись сломать хребет фашистскому зверю, загнать в собственное логово, уничтожить его, освободить народы Европы от коричневой чумы.

На митинге со страстными призывами выступил заместитель командира полка по политчасти майор Константинов.

В эти дни наша армейская газета "Крылья победы" писала:

"Воздушный воин! Ты помнишь Курскую дугу, пылающий Белгород, дымное небо над Прохоровкой... Теперь, ты далеко от тех героических мест. Теперь под твоим самолетом старинный Львов, Станислав, Перемышль. Теперь ты гораздо сильнее, чем год назад. Теперь твой враг, не раз уже отступавший под силой твоих ударов, с ужасом ждет грядущего возмездия за совершенные им преступления. Пусть же не знает враг пощады. Он пришел сюда, чтобы грабить твою страну. Пусть же найдет здесь свою смерть".

В бой мы вступали с новым командиром полка Героем Советского Союза майором Д. А. Нестеренко. Дмитрий Акимович имел завидную внешность, обладал большим опытом. Бывший инструктор, командир звена Одесской военной школы летчиков, он любил летать, и небо для него было роднее родного дома. На фронтах Нестеренко быстро овладел тактикой воздушного боя и штурмовых ударов. Потери в его группе, как правило, были минимальными. Он всегда тщательно и глубоко продумывал

организацию и выполнение любого боевого задания, удачно подбирал маршрут полета к цели и обратно с учетом местности, расположения населенных пунктов, стремился осуществить полет на наиболее выгодной высоте, над лесными массивами, болотами, озерцами, избегая мест, где могла быть артиллерия противника.

Тщательно проводил он предполетную подготовку. Обычно она начиналась словами: "Группу веду я". После этого следовал тщательный инструктаж по каждому элементу действия, по особенности полета на каждом отрезке маршрута.

Нам рассказывали, как осенью 1943 года, группа "илов", возглавляемая капитаном Д. Нестеренко, смело атаковала фашистские бомбардировщики Ю-88, устремившиеся на нашу переправу через Днепр. Сложилась довольно трудная ситуация в воздухе из-за отсутствия истребителей прикрытия.

Вот тогда-то ведущий Нестеренко решил на Ил-2 пойти в лобовую атаку. С ходу было сбито несколько вражеских самолетов. Остальные растерявшиеся фашистские пилоты сбросили бомбы на свои войска. И таких примеров можно было привести множество.

...Аэродром тонул в сплошном гуле. Взлетали группы штурмовиков и брали курс туда, где наземные войска стальным клином вонзились в оборону противника. Затем обстановка обострилась, фашисты резервом с юга нанесли контрудар в районе Золочена.

Подхожу к штурмовику. Около машины стоит механик Лыхварь, вытирает руки ветошью. В своей промасленной куртке он чем-то напоминает плюшевого медвежонка.

- Как аппарат? - спрашиваю механика.

- Робэ, як звир!

- Ну и хорошо. К Золочеву схожу, посмотрю, что там делается...

Привычно прижался к монолиту бронеспинки, открыл кран "Воздух". Винт дернулся с места, мотор взял разгон.

Развел руками - Лыхварь резко выдернул из-под колес колодки. Считанные секунды - и земля уже провалилась вниз. Огляделся по сторонам - к нашей паре пристраивается звено "яков".

Внимательно осматриваем местность. Точно, гитлеровцы стягивают танки. Одни находятся в рассредоточенном строю, другие вытянулись в колонны. Рядом с ними - автомашины, желто-черные заправщики, кухни... Так руки и чешутся полоснуть эту мерзость. Но нельзя! Приказ - только разведка. На удивление, вражеские зенитки молчат. Такая молчанка всегда

настораживает.

Высота - тысяча пятьсот метров. И здесь с юго-запада показались точки. Они на глазах разрастались, и мы отчетливо увидели, что это "сто девятые".

- Иван, иди на снижение. Разворачивайся домой, - слышу в наушниках голос ведущего первой пары "яков" Алексея Павлова.

А восьмерка "мессершмиттов" уже раскололась на две группы, явно преследуя цель оторвать истребителей от прикрываемых штурмовиков, а после атаковать нас.

Применив маневр "ножницы", истребители начали вести заградительный огонь трассирующими очередями из пушек и пулеметов по преследователям.

Фашисты зажали "яков" в клещи, действуя растянутыми по дистанции четверками с обеих сторон.

* * *

Команда ведомой паре, возглавляемой Андреем Синенко, - и они пошли в лоб четверке "худых". Справа ринулся на гитлеровцев Алексей Павлов. Пока крутилась эта карусель, мы оторвались от "мессеров" и потянули на свою территорию. Оглянулся, а там еще плотнее прижали наших истребителей. Вижу, худо "маленьким". Поняв, что не удается полакомиться штурмовиками, немцы обрушились скопом на "яки". Но мы уже находились над своей территорией. Фашисты как-то сникли, их атаки стали беспорядочными.

Звено Павлова перешло от оборонительных маневров к контратакам. Была не была: развернулся назад и решил помочь своим. Прямо перед носом штурмовика показался "месс" - поджарый, хищный, стремительный.

Палец - на гашетку. Машину слегка тряхнуло, пушечная очередь потянулась к "сто девятому". Тот, как бы нехотя, повалился на крыло и задымил.

Уж после, встретившись с Алексеем Павловым, мы горячо обсуждали перипетии прошедшего боя. Тот дружески похлопал по плечу:

- Ты и здесь свое не упустил, Иван. Такого зверя завалил. Ну и наглые фрицы попались. Надо же, такую бузу подняли.

- Да, жарковато было. Ты, Леша, только не говори, что я влез в драку... Влетит по первое число. У меня инструкция - разведка, и никаких гвоздей. Сам знаешь.

- Ладно...

А в район Золочева уже шли "петляковы", "яковлевы", "ильюшины". Небо наполнилось сплошным гулом.

Шестеркой "илов", ведомых Героем Советского Союза капитаном Николаем Евсюковым - он первым в полку получил это

высокое звание, - преодолев густой заслон зенитного огня с бреющего, набросились на танки и штурмовые орудия противника. Высыпав из бомболюков всю начинку, начали расстреливать технику, косить пушками ошалевших от внезапного удара фашистов. Танки, словно контуженные, расползались по полю, искали укрытия за складками местности. Цели выбирали на свое усмотрение, били крестатые коробки наверняка. Над землей, окутанной сплошным огнем, плыл густой смрадный дым...

Участник этих событий гитлеровский генерал Меллентин писал впоследствии: "На марше 8-я танковая дивизия, двигавшаяся длинными колоннами, была атакована русской авиацией и понесла огромные потери. Много танков и грузовиков сгорело; все надежды на контратаку рухнули".

Оборону врага наши все-таки "разгрызли", но, как оказалось, на довольно узком участке - шириной в четыре-шесть километров. В любой момент фашисты могли закрыть образовавшуюся брешь, перерезать так называемый "колтовский коридор". Но в узкую горловину по размытой грозовым ливнем единственной дороге стремительно ринулись основные силы танковой армии генерала П. С. Рыбалко.

Мы сверху отчетливо видели всю картину этого беспримерного рейда: справа и слева неистовствовали фашисты, а танки двигались и двигались по дороге, которая простреливалась буквально насквозь.

В самом узком месте "коридора", у деревни Нуще, разместился с оперативной группой и рациями командир корпуса генерал Рязанов. Отсюда он указывал цели, и мы помогали танкистам преодолевать дефиле и выходить на оперативный простор.

Расчищая дорогу, штурмовики оставляли за собой груды брони, развороченные муравейники дотов и дзотов, захлебнувшиеся зенитки, разбросанные серо-зеленые трупы врагов. Летали в эти дни как ошалелые: садились, заправлялись горючим, подвешивали эрэсы, заряжали пушки - и снова на штурмовку.

Четыре-пять вылетов в день. И каждый - предельное напряжение нервов. Порой казалось, что упадешь от усталости и не встанешь. Однако, прислушиваясь к сплошной канонаде на западе, смотрели на заревное небо - и в машины. На помощь танкистам, пехоте... Ну, а где пехота, там и штурмовики.

* * *

Позже, разбирая проигранные сражения, уцелевшие немецкие генералы не раз вспоминали в своих пухлых мемуарах "черную

смерть", как гитлеровцы называли наши "ильюшины".

На несколько дней погода поломала все намеченные планы. Июль. Казалось бы, духоте быть, зною, а на дворе - дождь. Нудный и холодный. Льет как из ведра с утра до ночи. Даже птицы притаились, спрятавшись в своих гнездах. Хмурится небо, хмуримся и мы. Это и понятно: где-то ухают пушки, земля ходуном ходит, а здесь сидим на мертвом якоре. Ох, трудно где-то матушке-пехоте!

Обхожу стоянку. В такие моменты застоя работу всегда находил: шел к техникам, механикам, помогал готовить машину к вылету. А сейчас все в полной боевой - самолет, вооружение...

Не часто выпадает свободная минута для "технарей", а тут собрались под навесом, отвести душу, побалагурить. Саша Бродский, механик эскадрильи по

спецоборудованию, подбрасывает сухую стружку в костер, обращается к Золотову:

- Павел Иванович, слышал я, что вы когда-то видели черта.

Тот загадочно улыбается, крутит цигарку!

- Ну не совсем настоящего, но видел. Базировались около Великих Лук, зима тогда, помните, была лютая. Морозяка - плюнешь, льдышка летит. Иду я по стоянке, вдруг ноги подкосились, чуть заикой не стал. Прямо на меня лезет что-то черное, голова взъерошенная, глаза словно яйца облупленные. Верите, чуть не перекрестился. Протер очи рукавицей: это же Щербаков, моторист. Спрашиваю: ты случайно в цистерне с маслом не побывал? А наш сержант только мычит. После разобрались в чем дело. Чтобы не разрывало соты масло-радиатора, мы не полностью отвинчивали сливную пробку. А наш Щербаков перестарался. Крутил ее до тех пор, пока она не упала в снег. А мотор работает, масло прет из радиатора. Вот пока он шарил в снегу в поисках пробки, его и облило с ног до головы...

Все смеются. В улыбке расплылось лицо моего механика Лыхваря.

Золотов с прищуром посмотрел на него, затянулся крепким "вырви глазом".

- Это было, кажется, в Старой Торопе, помнишь, Лыхварь?

- Шо було? - тот сразу насторожился.

- Ну, бомбил нас тогда фашист здорово. Всех как ветром сдуло. Позабивалось доблестное воинство во всякие щели. А в кабине "ила" сидел Лыхварь. Рядом как ухнет, как грохнет. Смотрю, был Лыхварь и нету его. Я туда, я сюда - не вижу красу и гордость авиации. Уже отхожу от самолета, слышу жалобный голосок. Напряг слух. Боже мой, так это же Лыхварь. Вижу, висит. А на чем? На выхлопном патрубке. Ремнем зацепился и только

ногами болтает...

Снова взрыв смеха. Сержант Лыхварь занялся густым румянцем:

- Чого ржете, як жеребци? Вас бы так.

А Павел Иванович уже подбирается к следующему объекту:

- Сколько можно быть техником, сказал как-то Миша Безродный, буду переучиваться на летчика. Технику пилотирования начал осваивать с руления. Прилетел как-то Фаткулин, машину оставил и на доклад к командиру. Безродный сел в кабину, развернул "ильюшина" и взлетел... на козелки. Сшиб их с первого захода. После разбор "полета" сделал старший инженер полка Котелевский. На этом и закончилась Мишина летная карьера.

А около своего штурмовика на ящике от авиабомб сидел Евгений Алехнович. Обычно спокойный, он ворчит, нервничает. Рядом примостился Анвар Фаткулин. Пытается шутить Евгений, обращаясь к механикам: "Собрались бы вместе и разогнали тучи пилотками". Недовольный ходит по стоянке Батя, меряя широкими шагами мокрую землю.

- Кончай скуку разводить, - говорит он, круто разворачиваясь. - Пойдем делом займемся.

Собираемся в землянке. Расстегиваем планшеты, достаем полетные карты. Склонились над импровизированным макетом, изображающим передний край.

А Батя уже собрал молодых пилотов, рассказывает, жестикулируя: "Чтобы сохранить необходимый боевой порядок, заданные интервалы и дистанции между самолетами, никогда не следует большой группе штурмовиков производить заход на цель с разворота от 110 до 180 градусов. Почему? Сделав такой разворот, группа рассыпается как горох. Это отражается на силе массированного удара, в то же время дает возможность зенитчикам ловить отставшие от строя самолеты. Дальше, при действии в глубине обороны и по прикрытым с земли объектам - железнодорожные узлы, аэродромы, места скопления войск, - заход на цель лучше осуществлять с ходу или с доворота до 90 градусов, причем нужно постоянно стремиться для маскировки использовать рельеф местности.

А вот маршрут полета группы прокладывается так, чтобы атака цели по отношению к линии фронта строилась параллельно или с некоторым углом к линии боевого соприкосновения. Лучше всего и наиболее выгодно атаковать цель перпендикулярно линии фронта, так как в этом случае после атаки группе не придется делать разворот в зоне зенитного огня. А каждый разворот затрудняет противозенитный маневр..."

Мы подходим к окну, смотрим на плачущие стекла. Никакого просвета.

Но вот чуть распогодилось. Ветер понес седые пухлые тучи на восток. Ласточки, прижавшиеся к крышам, восходящими кругами потянулись ввысь. Аэродром оживал. "Илы" цепочкой начали рулить на линию предварительного старта. Курс - к Белому Камню, где сходились тугие клещи окружения гитлеровцев.

После нас на разведку вылетели в паре Аквар Фаткулин и Михаил Хохлачев. Линию фронта прошли на бреющем и начали углубляться в тыл противника. Перед глазами разведчиков открылась впечатляющая панорама: догорали танки, на дорогах валялся всякий обозный хлам, связные броневики лежали вверх колесами, пушки уткнулись стволами в землю.

Старший лейтенант Фаткулин цепко осматривал все подозрительные места, притирал штурмовик к земле.

У вытянувшейся редкой рощицы и он, и Михаил сразу же заметили танки, а чуть левее по проселочной дороге - моторизованную колонну.

- Снять предохранители. Маневр! - приказал ведущий и бросил машину в пике.

Гитлеровцы, не ожидая такой дерзости, сразу не смогли опомниться. А на земле посреди колонны лопались "фугаски", строй ее был нарушен. Затем в ход пустили эрэсы. Заход, еще и еще...

Выходя из атаки, Фаткулин услышал предостерегающий голос Михаила Хохлачена:

- "Мессеры", командир. Штук...

Сколько их - Анвар не расслышал. Один, снизившись, зашел Фаткулину в хвост. Стрелок то короткими, то длинными очередями пытался отогнать ретивого преследователя, но фашист, умело маневрируя, сближался с "илом". Шанс у гитлеровца стопроцентный, но в считанные доли Хохлачев рванул машину вверх и прикрыл собой ведущего. Очередь, предназначенная Анвару, вонзилась в штурмовик Хохлачева.

Завидную собранность, четкость в данной ситуации проявил стрелок ведущего Ненашкин. Он длинной очередью встретил "мессера", полоснув его по мотору. Гитлеровец осекся и стал терять высоту. Переваливаясь с крыла на крыло, фашистский самолет пошел в отвесное падение.

Теперь бы дотянуть до своих. Штурмовик ведомого, прикрывавший Фаткулина, уже еле-еле проявлял признаки жизни и наконец окончательно сдал.

- Иди на посадку, внизу наши, - сказал Анвар напарнику, и тот, убрав шасси, осторожно стал сажать машину на выбранную

площадку.

После приземления Анвара мы сразу окружили его, засыпали вопросами: что, как, где? Облегченно вздохнули - жив. Это - главное, а самолет техники отремонтируют.

- Если бы не он, - Анвар Фаткулин, еще возбужденный прошедшим боем, нервно мял шлемофон, - гибель. Неотвратимая...

Чем дальше крутился вихрь войны, тем крепче становилась наша дружба, испытанная в суровом фронтовом небе. Нам не хотелось думать о смерти, но она ходила рядом, слепо хватала костлявой рукой боевых побратимов. Так она вырвала из наших рядов белокурого весельчака, мастера воздушных атак лейтенанта Хохлачева. Остались недостроенными те города, которые он возводил в своем воображении.

...Михаил вел разведку вражеских резервов. Пройдя над густым лесным массивом, увидел скопление танков с крестами на пятнистых боках.

Забесновались зенитки. Но Хохлачев шел между черно-серыми шапками разрывов, фиксируя все увиденное в памяти, делал пометки на карте и планшете. Впереди брызнуло ослепительное пламя. "Ил" будто натолкнулся на стенку. Обливаясь кровью и теряя последние силы, Хохлачев понял: сбить пламя скольжением не удастся. Осталось единственное... И горящая машина свалилась в гущу гитлеровских танков, автомашин, орудий. Метнувшееся вверх пламя и сильный взрыв возвестили, что летчик Михаил Хохлачев нанес свой последний, сокрушительный удар по врагу.

Произошло это возле села Деревляны, на восточном берегу Западного Буга, где замкнулось кольцо вокруг крупной группировки врага, численностью до восьми дивизий, куда угодила и пехотная дивизия СС "Галичина". Военный совет нашего фронта немедленно передал во все части: "В районе Броды противник окружен. Задача - быстрее ликвидировать окруженную группировку".

Кроме бомб, которые мы обрушивали на головы гитлеровцев, нам приходилось бросать и листовки. Только в районе бродского "котла" летчики 2-й воздушной армии в ночь на 19 июля отправили немецким солдатам около 100 тысяч листовок.

"Бумажные бомбы" сохранили жизнь многим солдатам противника, внявшим голосу разума.

Сокрушительными ударами бродская группировка немцев была расчленена на части и планомерно уничтожалась. Предприняв решительную, но неудачную попытку вырваться из "котла", гитлеровцы начали повально сдаваться в плен.

Оценивая роль авиации фронта в операции, Маршал Советского Союза И. С. Конев в своей книге "Записки командующего фронтом" написал: "Наша 2-я воздушная армия под командованием опытного боевого командарма генерал-полковника авиации С. А. Красовского, член Военного совета генерал С. Н. Ромазанов, действовала отлично. Нелегко командарму было управлять этой массой авиации, насчитывавшей более 3 тысяч самолетов, да еще в условиях, когда фронт наносил одновременно два удара. И надо сказать, что генерал С. А. Красовский и его штаб успешно справились со своими задачами. Только за 17 дней, с 14 по 31 июля, авиация фронта произвела 30 тысяч самолето-вылетов. Наличие большого самолетного парка в составе фронта предопределило способ действия авиационных соединений. Авиация использовалась, как правило, массированно. Мощные и сосредоточенные удары авиации по всей глубине расположения противника способствовали тому, что войска фронта в кратчайшее время прорвали немецкую оборону. Удары по узлам сопротивления группировки врага в значительной степени ограничивали их боеспособность...

Летчики действовали с полным напряжением сил, особенно во время прорыва на львовском направлении, при форсировании Вислы и закреплении на Сандомирском плацдарме".

Вперед на Вислу!

В решающую стадию вступили бои за освобождение Львова. Для немцев этот город был одним из основных стратегических опорных пунктов обороны, прикрывавшим пути к Южной Польше, к промышленным районам

Силезии, поэтому его удержанию гитлеровское командование придавало большое значение. Фашистские войска, особенно танковые, предпринимали отчаянные усилия, чтобы удержать этот город. Авиация сразу была нацелена на помощь танкистам 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко. В воздухе творилось что-то невообразимое. Этажами шли "ильюшины", Пе-2, "яки", "лавочкины". Ночью летали, не давая покоя немцам, на У-2 наши славные девушки. И все штурмовало, бомбило, стреляло... Фашистские танки мы буквально засыпали ПТАБами. В такой ситуации вполне возможно было получить бомбу и в свой самолет.

Несмотря на всю предосторожность, так и получилось: "малютка" попала в плоскость "ила" А. Кобзева, застряла в ней, но, к счастью, не взорвалась. Анатолий сразу же отошел от нас на безопасное расстояние, но все внимательно следили за товарищем.

- "Сокол-четыре", я "Сокол-один", - волнуясь, запросил по радио капитан Николай Евсюков борт Кобзева. - Как дела?

- Засела, проклятая, прочно, но ведет себя пока мирно.

Комэск дал указание летчику, как посадить машину, и тот мастерски притер ее к травяному покрову, отрулив подальше от стоянки. Спрыгнув с плоскости, Анатолий показал авиаспециалистам место, где торчал стабилизатор бомбы. Те только прищелкнули языками. Оружейники осторожно, словно врачи, изъяли смертоносную "малютку" и обезвредили ее.

Особо запомнился нам день 29 июля. Штурмовики полка получили задачу обработать вражеские позиции на западном берегу Вислы. Несколько раз в воздухе появлялись немецкие самолеты, но старались в драку не лезть. Прикрытие со стороны истребителей было исключительно надежным. На втором вылете мы уже обеспечивали переправу наших наземных войск на западный берег реки. Следует сказать, что форсирование Вислы началось с такого стремительного броска, что по реке одновременно шли паромы, лодки, плоты и наступающих наших войск и отступающих гитлеровцев.

В начале августа мы перелетели на аэродром в район города Жешува. Среди мелких польских хуторков, зажатых узкими полосками земли, Жешув, взобравшись на возвышенность, чем-то походил на декорацию из карточных домиков.

Гитлеровцы за него держались. Важность этого города определялась прежде всего тем, что он расположен на отличном шоссе и на самой короткой железной дороге, ведущей на Краков.

С востока и юга Жешув надежно прикрывала водная преграда - Вислок. Немцы опоясали город мощными фортификационными сооружениями, держали сильный гарнизон, рассчитывая на долгие оборонительные бои. Но не тут-то было! От сооружений остались лишь руины, многие фашисты были уничтожены, а кто уцелел - драпанул в сторону фатерлянда.

* * *

Позже, проходя улицами Жешува, мы видели, что и здесь геббельсовская пропаганда успела напакостить. Кое-где встречались плакаты с надписью: "Польша! Тебе угрожает восток!.." Но простые люди - рабочие и крестьяне знали, сколько бед и страданий принес Гитлер польскому народу. Жители встречали нас с цветами, угощали яблоками, медом и даже вином. Часто возникали стихийные митинги, где дружно скандировалось:

- Нех жие Червона Армия!

- Нех жие Посполита Польска! Наскоро обжив новый аэродром, летный состав готовился к боевым действиям.

Однажды командир полка поставил на карте крупную точку.

- Вот здесь, на окраине города Дукля, на границе между Польшей и Чехословакией, разместился штаб танкового корпуса. Разведка ночью определила его местонахождение. Приказ сверху: уничтожить любой ценой. Любой... Понятно?!

Мы понимали всю сложность задания и чувствовали: прорваться туда будет нелегко.

- Тебе, Драченко, придется гореть, - обратился ко мне командир.

Я недоуменно пожал плечами: этого еще не хватало.

- Так вот, - заговорщически он улыбнулся. - В лоб взять штаб трудно, пойдем на маленькую хитрость.

Свернув карты, мы встали из-за нетесаного стола, разошлись, но все находились во власти предстоящего задания.

Группу "илов" поднял штурман полка майор Николай Миронович Горобинский, человек, как уже выше было сказано, обладавший способностью умело ориентироваться в воздухе, исключительно грамотный в вождении больших групп штурмовиков.

К цели шли правым пеленгом. Слева от командира следовал я. Прикрывала нас шестерка Як-3, ведомая Алексеем Павловым.

- Удвоить бдительность, соколики. Поработайте шейными шарнирами, передал по радио ведущий группы.

Поработали - и вдруг шквал зенитного огня. Небо сразу расцвело гирляндами рвущихся снарядов. Ощущение такое, будто ступаешь по полю, усеянному минами. Истребители прикрытия поднялись выше, чтобы избежать разрывов.

А внизу уже виднелся массивный дом с колоннами - не иначе принадлежавший ранее какому-то магнату или барону - метлы антенн, черные жуки легковушек, мотоциклисты...

По задумке я должен "гореть и падать". Тут и без задумки можно было сгореть: зенитки прямо-таки взбесились. Привожу в действие дымовую шашку, спрятанную в бомболюке, и плавно валюсь к земле. Представляю себе, как злорадствуют зенитчики, увидев краснозвездный самолет с хвостом дыма!

Действительно, снизу огонь перенесли на другие машины, считая меня сбитым. Для зенитчиков я уже отлетался. Ну, нет! Отвлекающий маневр удался. Сейчас я испорчу вам настроение! Перевожу машину в стремительное пикирование, набираю скорость и бью эрэсами и пушками по штабному зданию. Только пыль столбом! Крушат все и другие штурмовики.

- Молодцы, соколики! - журчит довольный голос майора Горобинского в наушниках. - Давайте еще раз их проутюжим для страховки.

Снова заход.

Дым, пыль. Грохот среди гор...

Не упустили своего момента здесь и истребители.

На аэродром пришли на последних каплях горючего.

"На Сандомирском плацдарме идут бои местного значения", - сообщалось тогда в печати. Но с точки зрения рядовых летчиков это были жестокие, кровопролитные бои.

Противник, откатываясь, повсеместно бросался в контратаки, пытаясь столкнуть наши войска в Вислу, ощутимо активизировал противовоздушную оборону. Штурмовики от зари до зари барражировали над полем боя, оказывали неоценимую помощь тем, кто гнал гитлеровцев теми дорогами, которыми они когда-то наступали.

Поставив перед собой цель ликвидировать наши плацдармы, немецкое командование впервые в районе Вислы применило новые тяжелые танки "королевские тигры".

Из опыта войны мы знали: любое появление новой техники, да еще с таким шумом разрекламированной, в какой-то мере действовало на человеческую психику, порождало нервозность.

Мы в определенной степени доказали пехоте и танкистам - новинка горит не хуже, чем те, прежние, нетитулованные.

"Королевский тигр", как и другие образцы вооружения гитлеровцев, также вскоре попал на выставку трофейного оружия в Москву, где его на видное место поставили в Центральном парке культуры и отдыха имени А. М. Горького.

Бои изматывали всех: летчиков, воздушных стрелков, техсостав. Усталость буквально косила людей. Евгений Алехнович однажды признался, что в полете заснул в кабине, но проклятый "эрликон", к счастью, разбудил его.

И все-таки неимоверные нагрузки не отупляли, не делали из нас механических роботов. Урывали время и попеть, и помечтать о будущем, и почитать газету. С особым нетерпением ждали свою армейскую газету "Крылья победы", страницы которой всегда пахли порохом. Зарулив на стоянку, я подошел к механикам эскадрильи. Те в один голос:

- А с вас, товарищ младший лейтенант, того, - причитается.

Разобрался, что к чему. Протянули газету, Смотрю на заголовок: "Два разведчика". Прошу прочитать вслух, а то в глазу рябит от взрывов. Присели. В статье рассказывалось: "Мы приехали на аэродром, когда Иван Драченко отправлялся в разведку. Уверенной походкой шел он к самолету. Во всех его движениях ощущалось то неподдельное спокойствие, которое люди обычно проявляют, когда делают привычное и хорошо знакомое дело. И мы поняли, почему этот еще молодой годами

летчик, преследуемый однажды двенадцатью "фокке-вульфами", сумел все же разведать порученный ему участок и почему в других полетах он выходил победителем из поединка с "мессершмиттом" и "рамой".

Драченко забрался на плоскость "ильюшина", деловито заглянул в кабину, привычным движением приладил парашют, надел шлем и скрылся за горбатым колпаком кабины.

- Пошел в район, где "мессеры" шныряют, - заметил рядом офицер. Сегодня уже второй раз туда летает.

В голосе офицера, товарища Драченко по работе, прозвучала та же уверенность, которая слышалась в словах командира части, когда он приказал выслать разведчика на ответственное задание. Младший лейтенант вернулся через час. Коротко доложил об обнаруженной им колонне танков и автомашин, о расположении артпозиций, о погоде и воздушной обстановке. Он не уходил из землянки до тех пор, пока командир не снарядил группу штурмовиков по следам разведчика..."

Дальше говорилось, как мы соревнуемся с Борисом Мельниковым, летчиком из соседнего полка, одним из лучших разведчиков соединения, каковы наши обоюдные успехи.

У Бориса за плечами был солидный опыт - в штурмовую часть он пришел в 1942 году, отважно сражался на Курской дуге, в небе Украины, десятки раз ходил на разведку.

Вот один из эпизодов.

Лейтенанту Борису Мельникову и воздушному стрелку Федору Бобкову поставили задачу выяснить резервы гитлеровцев в глубине оккупированной ими территории и любыми путями доставить сведения наземным войскам.

Экипаж пересек линию фронта, удачно сфотографировал нужный объект и взял обратный курс. Вот здесь и встретился со звеном "Фокке-Вульфов-190", идущими со значительным превышением.

- Вижу "фоккеры", - доложил стрелок командиру.

"Ильюшин" шел прежним курсом. Самолеты противника быстро начали снижаться, разворачиваться навстречу разведчику. Немцы пронеслись рядом со штурмовиком. Одна пара ушла вперед, другая бросилась наперерез "илу". Вскоре один "фоккер" круто спикировал, проскочил метрах в двухстах за хвостом нашего самолета.

Стрелок в задней кабине понял замысел истребителя - тот хотел подстроиться снизу и атаковать разведчика.

- Фашист снизу!

- Идите на бреющем, - передал Бобков командиру , по СПУ.

Лейтенант Мельников снизился, у самой земли выровнял

машину, идя теперь ломаной линией.

Вражеский истребитель пытался атаковать "ильюшина", но так у него ничего не получилось. А когда стрелок Федор Бобков подловил момент и нос ФВ-190 налез на край большого кольца прицела, стеганул его длинной очередью. На этом и окончилась биография незадачливого преследователя.

Второй "фоккер" ринулся в атаку, но Мельников так виражил, что немец никак не мог подойти к "илу" с "мертвых" конусов. Когда гитлеровец сближался с целью, Бобков отсекал его короткими очередями из пулемета.

Однажды группа летчиков выехала на передний край, что-бы получше изучить район боевых действий. Ребят танкисты встретили как своих лучших друзей. Делились впечатлениями от совместных действий, вспоминали случаи взаимной выручки. . . .

Один танкист-офицер спросил тогда:

- Нету среди вас случайно Мельникова?

- Я... А что?? - поинтересовался Борис.

- Неужто? Мы думали ты-богатырь, в самолет еле влазишь...

Борис улыбнулся.

А танкист с еще большим восхищением посмотрел на Мельникова:

- Твою работу видели. На станции немцы несколько суток пожар тушили.

....А мы снова понесли невосполнимую потерю: когда возвращались, с боевого задания, на наших глазах погиб младший лейтенант Юрий Маркушин. Самолет вошел в отвесное пике и, не выровнявшись, глухо ударил о землю, закрутив себя петлями ржавого дыма.

- Даже не верится. Вернуться домой и... Ну, в бою - понятно! А тут... - Анвар Фаткулин еле выдавливал фразы, скорбно опустив глаза.

Вот и отзвенела твоя гитара, Юрий, лопнула еще одна жизнь-струна, печально резанула по сердцам всех.

Сердце сжимается безысходной болью, когда прилетишь, а твоего друга уже нет.

Лежишь ночью, смотришь на топчан, на котором еще вчера отдыхал твой боевой побратим, а он пуст... И на душе так тошно, пусто. Но горечь утрат не сутулила наши плечи, а еще сильнее звала к справедливому возмездию.

...Лопасти винтов рассекают пелену утреннего тумана. Под крыльями вмятины балок, на краях которых, словно уснувшие, стоят неказистые хатенки. Наши уже вышли к Висле, прочно удерживают плацдарм на ее левом берегу. Шла усиленная подготовка форсирования реки южнее Сандомира, в районе

Тарнобжега. Пытаясь сорвать планы наступающих, противник подбросил в этот район свежие авиационные части.

В небе начали встречаться "мессеры", на бортах которых нарисованы стрелки из лука. Эти машины принадлежали авиаотряду фашистского аса Буша. На него возлагались гитлероееким командованием особые надежды. Авиационные подразделения противника комплектовались из опытных, отборных летчиков, у которых на счету было не менее пяти побед в воздушных боях.

Шестеркой "илов" идем в район Кобеляны, где сосредоточились танки гитлеровцев, готовые для контрудара. Над нами вверху и чуть впереди размашисто плавали с переменным креном четыре "яка" из эскадрильи Героя Советского Союза капитана Н. Буряка.

Здесь мне бы хотелось сделать небольшое отступление и рассказать два небольших эпизода из жизни Николая - удивительно смелого и добродушного парня. Как и многие ребята того времени, он по комсомольской путевке пришел в один из филиалов Донецкого (Сталинского) аэроклуба г. Красногоровки, затем учился в школе пилотов, стал военным летчиком.

...На Керченский полуостров пришла весна. Яркими красками оживала земля, море - недавно мрачное, со свинцовым отливом, - набирало голубизну. Природа несла покой и тишину, а незваные пришельцы ее взрывали.

В небе зловеще гудели тяжело груженные немецкие бомбардировщики, которых редким огнем встречали зенитчики.

Перехватить самолеты противника не успели и наши летчики: они заметили их тогда, когда те отбомбились и на малых высотах, не соблюдая строя, шли в сторону моря.

Встреча Николая с одним из "юнкерсов" произошла прямо над морем, на высоте метров двадцати.

Подойдя слева, он с ходу открыл огонь. Безрезультатно. Но так как скорость "яка" была больше Ю-88, Буряк повторно атаковал гитлеровца справа. Бортовой стрелок "юнкерса" на этот раз чуть зазевался. Николай нажал на гашетки и длинной очередью полоснул по фюзеляжу бомбера. Он нехотя накренился, выпустил оранжевый язык пламени и пошел вниз.

На водной глади появилось белое пятно, поднялось облако пара, и над вражеской машиной сомкнулись волны. Вот она - первая победа!

Но до деталей он помнил и это...

Группа, которой командовал подполковник Кутихин, взлетела с херсонесского аэродрома. Бомбардировщиков догнали, но встретились и с двенадцатью "мессерами".

Сразу завязался бой. Через определенное время Николай увидел, как два Ме-109 зашли сзади пары командира и стали сокращать дистанцию для атаки. Нужно немедленно предупредить об опасности! Но как? Радиостанции на машине не было, пришлось изменить направление полета своего самолета и параллельно своей паре дать пулеметную очередь, может, заметят трассу. Так и сделал. Но в это время увидел себя, можно сказать, в кольце прицела вражеского истребителя. Получил несколько очередей в правое крыло, пары бензина воспламенились, и огонь перекинулся на кабину, ослепил летчика. Николай расстегнул привязные ремни и резко отжал ручку управления от себя. Из кабины будто выбросили. Через несколько секунд взорвались бензобаки.

Надо приводняться. Ртом при помощи шланга надул резиновый пояс, расстегнул карабины грудной перемычки и ножных обхватов, освободился от подвесной системы и плюхнул метров с пяти в воду.

А вокруг волновалось море. Греб, пока не посинели руки, которые все тяжелели и тяжелели. Едкая соленая вода, как наждачная бумага, терла лицо. Голова тяжелела, одеревеневшие руки стали не чувствовать холода. Но что это? Вдали послышался будто гул мотора. Галлюцинация? Нет, действительно к нему шел катер. Сколько же он пробыл в воде? Посмотрел на циферблат - ровно два часа со времени приводнения.

Катер, маневрируя, осторожно подходил к Николаю, чтобы того не ударило о борт. Бросили веревку, но летчик никак не мог ее схватить - скользкая, да и пальцы плохо слушались. Затем привязали к верёвке какое-то бревно. Наконец-то прижал его к телу. Потом подцепили багром.

По счету у Николая это был четырнадцатый боевой вылет... Четырнадцать, а сколько было потом?!

...И вот крыло Николая рядом. Поворачивает улыбчивое, круглое лицо. С ним всегда как за гранитной стеной!

Двадцать пять минут лету - и перед нами серо-голубым лезвием выгнулась Висла. А дальше - сплошное месиво дыма. Обстановка резко изменилась: ведущему группы Николаю Киртоку приказано перенацелить удар. Флагман решил сделать круг у линии фронта и определить местонахождение колонны.

Плавно вошли в левый круг. Слева от Николая иду я. На. борту моего "ильюшина" нарисован механиком Сашей Бродским сокол, держащий в клюве бомбу. Сверху и снизу надписи: "За Родину!" и "Смерть немецким оккупантам!".

Неожиданно к группе пристраивается седьмой штурмовик - кок винта красный. Николай запросил незнакомца:

- "Горбатый" с красным носом, ты чей?

Молчок. Ну что ж, молчит - нас будет больше.

Линию фронта пересекаем с потерей высоты. Вот уже и зенитки зашевелились - жгуты трасс вьются, клокочут у самого виска. Жутковато! К этому привыкнуть почти невозможно, когда дышит в затылок смерть.

- "Горбатые"! Работать будем в боевом порядке - левый круг. Подготовьтесь, к перестроению.

С разворотом в девяносто градусов с высоты восемьсот метров вводим свои "летающие танки" в пикирование и освобождаемся от бомб. Три танка уже отползали: над ними пляшут жаркие фитили. Как смерчь носился над полем "красноносый" штурмовик. Он словно макеты на полигоне, один за другим поджигал фашистские машины. Очередной заход - и "красноносый" врезался в скопление танков, и бронетранспортеров, похоронив вместе с собой в огромном, шумном огне несколько из них.

Доложив командиру корпуса по радио о выполнении задания и гибели незнакомого штурмовика, ведущий группы Кирток получил разрешение возвратиться домой.

- Эх, Фетисов, Фетисов, - Николай услышал в наушниках взволнованный голос генерала Рязанова. И тут же последовал щелчок выключаемого микрофона.

Отрулив самолеты на стоянку, мы узнали от дежурного по полетам, что "ил" с красным носом принадлежал, новому командиру 8-й гвардейской штурмовой дивизии подполковнику А. С. Фетисову. Тот хотел лично уточнить обстановку на поле боя и незаметно проконтролировать действия штурмовиков. И вот таков трагический финал. С новым комдивом погиб и воздушный стрелок Саленко, который ранее летал с Девятьяровым и сделал с ним пятьдесят боевых вылетов.

После этого случая Рязанов сразу же собрал командиров дивизий и полков, сказал:

- Я далек от мысли запрещать вам лично участвовать в боях, но учтите риск должен быть оправданным и разумным.

А бои не прекращаются. В полдень 18 августа поднял группу штурмовиков и с курсом 270 градусов повел их в район Кихары. Там немцы создали мощный танковый кулак и хотели смять обороняющихся пехотинцев.

Не успели подойти к цели, как навстречу на бреющем полете вырвались несколько "фокке-вульфов" и "мессершмиттов" и, обладая явным преимуществом, сразу ринулись в атаку на нас.

И вот в наушниках слышу срывающийся девичий. голос:

- "Маленькие", помогите Драченко. Помогите...

Это работала какая-то станция наведения. Но кто поможет? В небе штурмовики и противник. О каких "маленьких" идет речь?

- Не голоси, девочка, поможем, - вдруг слышу в наушниках.

Неужели немцы настроились на нашу волну, "подбадривают"?

И здесь сомнения развеял твердый голос с хрипотцой:

- Сухов, атакуй "фоккероз", отсеки их от "илов"!

Так это же в радиообмен включился комдив истребителей Покрышкин и дает команду Косте Сухову!

Гитлеровцы так увлеклись атаками на "ильюшиных", что не заметили наши "кобры".

Здесь-то на выходе вверх из атак "фоккеры" и "мессеры" угодили в ловушку. Густая россыпь светящихся трасс потянулась от наших истребителей: в считанные секунды задымили два "фоккера", окутался пламенем Ме-109...

Остальные, поняв, что их дело проигранное, разлетелись и поодиночке устремились на северо-запад.

- Молодцы! Кто сработал? - подбадривая, спросил Покрышкин.

- Вахненко, Турченко, Руденко...

И снова в эфире девичий голос:

- Спасибо, спасибо, ребята!..

- Тебя-то как, красавица, величают?

Это Иван Руденко в своем амплуа.

- Лиля.

- Ждем, вас, Лилечка, на танцы.

- А где ваш клуб?

- Там, где и ваш...

- Кончай болтовню, кавалеры! - это вмешался Покрышкин. - Сухов, видишь разрывы? Пройдись по высоткам...

- По-нял!

"Кобры" скрылись за серой стеной дымов и туманной пыли.

Август месяц был для меня особенно памятен и тем, что боевые товарищи коммунисты оказали мне высокое доверие - приняли в члены партии. Как коммунист я понимал: оправдать высокое звание можно только в новых жестоких схватках с ненавистным врагом.

Вскоре пришлось проститься с воздушным стрелком Аркадием Кирильцом, который был списан с летной работы по болезни и получил направление служить в 76-й батальон аэродромного обслуживания. Коммунист Кирилец сделал около пятидесяти боевых вылетов, в основном со мной, и я был очень благодарен этому мужественному человеку, который делил со мной все - радости и горе пополам.

Осенью 1944 года войска Советской Армии на широком

фронте достигли предгорий Карпат и подошли к границе Чехословакии. После непродолжительной подготовки начали Восточно-Карпатскую операцию. Наступление осуществлялось в исключительно тяжелых условиях.

Хмурые, извилистые ущелья с вечным рокотом неистовых рек, крутые обрывы скал, сумрачные дубовые, буковые и хвойные дебри, буйные ветры, срывающиеся с главного хребта, - вот что такое Карпаты!

По скатам высот тянулись ряды траншей, окопов. На противоположной стороне скатов - позиции гитлеровцев. Враг буквально вгрызался в землю, построил множество дзотов, опоясал высоты проволочными заграждениями, заложил тысячи мин и фугасов в балках, ущельях, на тропах.

Для нас же самым капризным препятствием была погода - изменчивая, неустойчивая, которая ломала планы, приводила в бешенство летчиков, а синоптиков тем более.

Жажду к боевым действиям диктовало и то обстоятельство, что в начале сентября разрослось и приняло общенародный характер антифашистское восстание в Словакии.

Столетия Словакия мечтала о свободе. Вся ее история - жестокая борьба с завоевателями разных мастей, с чужими и собственными эксплуататорами. Сколько орд и сколько армий топтало ее поля, под корень опустошало города и села! Хан Батый, Наполеон и вот теперь Гитлер...

Военный совет и политуправление фронта обратились к войскам с призывом: "Вперед, на помощь братьям-словакам!".

Только с 5 по 18 сентября летчики нашей воздушной армии доставили словацким повстанцам на аэродром "Три дуба" 1,5 миллиона патронов, 580 автоматов, 250 ручных и 34 станковых пулемета, противотанковые пушки и много продовольствия.

Экипажи транспортных самолетов, а также и штурмовики, работали с предельной нагрузкой, обеспечивая всем необходимым повстанцев. Не раз и не два такие задания выполнял Александр Овчинников с товарищами, доставляя грузы в самые опасные места.

В своей книге "Свидетельство о Словацком национальном восстании" Густав Гусак вспоминает:

"Когда восстание началось, советская помощь была оказана немедленно, и она являлась единственным и решающим фактором того, что в течение двух месяцев выдерживалась открытая вооруженная борьба против нацистских дивизий. Нужно высоко оценить советскую помощь оружием, переправлявшимся по воздуху... Эти воздушные поставки продолжались, если позволяла погода, почти каждую ночь".

Начались жестокие кровопролитные сражения. Резко пересеченная местность, бездорожье, лесные массивы и горы мешали продвижению танковых войск, затрудняли ведение артиллерийского огня. В "пещере дракона", как называли фашисты одно из труднодоступных ущелий, сосредоточились новые танки гитлеровцев. Не подступишься ни с земли, ни с воздуха. Только артиллерия царапает могучие скалы. Уже несколько раз вылетали бомбардировщики Пе-2 с целью выколупать "ежа", и все безрезультатно. А наземное командование настойчиво требовало поддержку с воздуха.

Ночь окутала все вокруг, еще чернее стали балки и овраги. На небе ни звездочки. Только изредка из-за мохнатых туч покажется месяц, бросит на землю; бледный свет и снова исчезнет.

Над Карпатами гулял ветер, срывал с горных вершин клочья тумана. И тогда как бы раздетые и еще больше обнаженные среди ночи вершины угрюмо упирались в небо своими лысыми, безлесными вершинами.

Не спалось. Где-то рядом жужжали электродрели, мелькали под тентами "переноски", слышался глуховатый разговор. Техники "штопали" поврежденные машины, готовили их к предстоящему вылету.

Вышел во двор и Николай Пушкин: вытянул "беломорину", закурил.

- А помнишь наш разговор, Иван? Когда ты возвратился с госпиталя... Тогда я, грешным делом, подумал: отлетался сокол. - Он гулко стукнул меня по спине. - Молодец, даже генералов искупал в реке. Хлебнули тогда водички, побарахтались.

- Брось, Терентьевич, воспоминания, давай лучше обмозгуем, как завтра фрицев выкуривать из ущелья. Пехота истрепала себе все нервы: как кость в горле сидят те танки у нее. Жалко ребят - столько прошли и гибнут.

В составе шестерки Ил-2 пошел на задание с ведущим группы Николаем Пушкиным. Пошли я, Кобзев, Харченко, Полукаров, Сатарев... Темно-зеленые тела штурмовиков плыли среди мглистых облаков и, словно горные орлы, стремились к желанной цели.

.. Как к ней дойти? Облака, острые вершины, огонь... В глаза глядят три смерти.

При переходе линии фронта вражеские зенитки прямо-таки взбесились. "Эрликоны" сплетали огненную паутину вокруг машин, сыпали снаряды.

Здесь следует сказать, что лейтенант Н. Пушкин, много раз водивший группы, никогда не нес потери от огня зенитной артиллерии.

Примерная схема его маневра строилась так: при подходе к зоне огня он начинал плавные довороты в пределах десяти - пятнадцати градусов с одновременным изменением высоты и скорости. В это время группа размыкалась на интервалы в пятьдесят - семьдесят метров, сохраняя дистанции. Огонь зенитной артиллерии среднего калибра, встречавший самолеты еще на подступах, к цели, оказывался совершенно неэффективным. Сближаясь с целью, штурмовики выполняли индивидуальный маневр, вместе с тем не нарушая боевого порядка. Экипажи подавления переходили в атаку на обнаруженные батареи, после чего вся группа начинала штурмовку. При отходе от цели маневр повторялся в обратном порядке.

В горах же действия значительно усложнились трудностью маневра: часто исключалась возможность повторных атак, а заход на цель и выход из атак приходилось производить только в одном направлении - вдоль долины, где самолеты подвергались боковому обстрелу зениток гитлеровцев, расположенных на скатах и вершинах хребтов.

Вражеских зенитчиков мы благополучно обошли. Моторы ревут все глуше и сильнее. Все звуки в горах, казалось, сникли, пропали, бушует только бешеная сила двигателей.

Заходим в каменную горловину.

Узковато.

Небо снова покрылось шапками зенитных разрывов, серыми головками дымных одуванчиков. Несмотря на безупречную маскировку, танки в ущелье мы заметили.

В то время было известно, что танк "тигр" оснащен мощной пушкой. Идти "тигру" в лоб - означало погибнуть. Надо обвести фашистов, перехитрить.

Пришли на цель на высоте 1800 метров и начали за ведущим поодиночке делать заходы с левым разворотом, с последующим пикированием и одновременным скольжением самолета в одну сторону. Делалось это, чтобы исключить попадание снарядов противника в машины атакующих. Вражеские наводчики орудий не могли быстро установить угол опережения, или, как у нас называется, снос. Термитный снаряд при выстреле обходил наш самолет сбоку и, не причинив вреда, улетал в пространство.

* * *

Таким путем мы подвели штурмовики к цели и с дистанции 600 метров открыли пушечный и пулеметный огонь, бросали бомбы, дабы завалить входы в ущелье.

Нажимаю на кнопку бомбосбрасывателя. Черные чушки посыпались на танки, заполнив грохотом ущелье. Чтобы не врезаться в скалы, надо было бросать машины почти вертикально вниз и вверх. Словно клопы, ошпаренные кипятком, начали вылезать из своих убежищ стальные коробки.

Тридцать минут непрерывной штурмовки, и в узкой горловине заполыхали черно-багровые костры. Смрад чувствовался даже в кабине. Над поверженным металлическим зверьем взвивались десятки огненных штопоров, а по крутым каменистым стенкам в разные стороны карабкались обгорелые гитлеровские танкисты. Мы их поливали пулеметным огнем, не давая выскочить из ловушки.

Исполнен страшный, но справедливый по своему смыслу приказ "Убей врага!".

На аэродроме вышли из машин пошатываясь...

Лейтенант Пушкин доложил командиру полка, а тот лишь махнул рукой и молча обнял. Потом пришло личное поздравление от генерала Кирилла Семеновича Москаленко. Он от души благодарил за чистую работу штурмовиков, а командование представило меня к награде - ордену Славы I степени, которая нашла меня лишь в конце 1958 года.

* * *

Сложную задачу в районе Кросно пришлось решать и нашему Бате - майору А. Девятьярову. Увлекшись наступлением, оказались отрезанными от своих частей конники из корпуса генерала В. К. Баранова. Выручить кавалеристов, подбросить им подкрепление можно было только по одной дороге. Ее же оседлали немецкие артиллеристы и прицельным огнем сдерживали тех, кто пытался прорваться к кавалеристам.

Генерал Рязанов приказал штурмовикам полка ослепить фашистов, закрыв участок дороги дымами.

Шестерку "илов" повел А. Девятьяров. При подходе к цели

комэска взяли сомнения, что это именно она, и он развернул группу в свою сторону.

Командир корпуса, не поняв маневр Девятьярова, сразу же спросил:

- Куда стал разворачиваться, шел-то правильно?..

- Не уверен в точности захода на цель. Попробую снова...

- Действуй!

Сориентировавшись по шоссейной дороге и реке, старший группы приказал штурмовикам следовать за ним. А чтобы привлечь внимание генерала Рязанова, энергично начал качать крыльями.

- Понял. Идешь правильно, - ответил тот. - Внизу горит земля, видишь?

Действительно, внизу желтыми мазками на серых каменистых волнах виднелось несколько очагов пожара.

- Доверни влево...

- Есть!

- А теперь ставь дымы.

Девятьяров сбросил зажигательные бомбы - сигнал для остальных летчиков, - и шестерка "ильюшиных" смерчем ворвалась в ущелье, закрыв его дымной пробкой.

- Молодцы, сработали хорошо. Теперь домой...

Полеты и боевая работа над Дуклей были сопряжены с большими трудностями и риском, и это красноречиво подтверждает один из эпизодов, рассказанный моим однополчанином Героем Советского Союза Николаем Тихоновичем Полукаровым.

"...На командный пункт прибыл метеоролог полка старший техник-лейтенант Г. Илларионов.

- Есть ли перспективы на улучшение погоды? - спросил майор Д. Нестеренко, пристально вглядываясь в схемы, где отражены барические системы.

- Вот этот циклон, - показывал карандашом метеоролог, - разрушается, правда, медленно и отходит в северо-западном направлении, облачность поднимается.

- Значит, в районе Дукли погода хорошая, - ответил на замечание метеоролога командир полка. - Но ведь на ваши прогнозы надеяться рискованно.

Протяжный звонок телефона прервал разговор.

- Начальник штаба, послушайте, - сказал командир.

Майор Спащанский взял трубку:

- Так... - Начштаба отыскал пункт на карте. - Понял. Высылаем. Доложил командиру: - Срочно требует выслать шестерку.

- Куда?

- Туда же, за перевал, - и красным карандашом округлил цель на карте.

- Погода неустойчивая, обстановка сложная. Кого послать? - решал командир полка.

- Александр Андреевич, - обратился он к майору Девятьярову, - придется вам возглавить группу. Полукаров пойдет заместителем.

Взлетели. Высота облачности несколько увеличилась, видимость хорошая. Впереди показался перевал. Вершина его, казалось, была прикрыта сплошным пластом облаков. На карте в прямоугольничке стояла цифра "502". Это максимальная высота.

- "Сокол", я "Грач-три", сообщите погоду в районе цели! - запрашивал Девятьяров.

- Погода хорошая, - отвечала станция наведения.

Вот и перевал. Приземистые хвойные деревья прижались на его пиках. За их верхушки цеплялись рваные клочья облаков.

"Вот так хорошая погода! - недовольно подумал я. - Влезли в омут. При такой облачности и не заметишь, как в гору врежешься..."

Самолеты летели на высоте десяти - пятнадцати метров, чуть-чуть не цепляя за верхушки деревьев. Тело как будто налилось свинцом. Руки и ноги стали терять чувствительность - напряжение приближалось к критической точке. Положение опасное: то овальные, то острые глыбы, мелькая, убегали под самолет. Зрение и нервы на пределе. Наконец, почувствовал, как облака становятся все выше и выше. Лучше стали освещены предметы. Впереди расстилалась долина с небольшой рекой. Через несколько минут - цель. Высота облаков позволила наносить бомбово-штурмовой удар с пикирования.

Заговорили зенитки, черные клочья дыма от разрывов снарядов преграждали путь самолетам. Но штурмовики, окутанные со всех сторон "шапками", маневрируя, приближались к точке ввода в пикирование.

- Атака! Бей заклятых врагов! - раздалась команда ведущего.

Сорвались с балок реактивные снаряды, на головы фашистов полетели бомбы. Выйдя из пикирования, самолеты друг за другом стремительно взмыли вверх, набирая высоту для следующей атаки с индивидуальным прицеливанием.

Зенитки ахают часто-часто, торопятся, снаряд за снарядом посылают по штурмовикам.

Маневрирую энергично, казалось бы, ни одной секунды не выдерживаю установившегося режима полета. И вдруг раздался резкий хлопок, самолет подбросило вверх и повалило на левое

крыло, в котором зияла большая пробоина.

- Вот это рвануло, какую дыру выхватил, - со вздохом вырвалось у стрелка. - Тяжело, командир?..

- Очень, сильно валит.

- Домой пойдем?

- Домой! А куда же больше?

Ввел самолет в разворот, чтобы установить обратный курс. Но здесь произошло совершенно непредвиденное: внезапно надвинувшаяся волна низких, почти до самой земли сплошных облаков преградила путь. Мутная пелена окутала самолет со всех сторон.

"Что делать? - тревожно билась мысль. - Снижаться, чтобы пробить облачность? Нельзя: местность гористая, можно столкнуться с землей"

Выхода другого нет, как взять курс на свой аэродром. Надо выдерживать безопасную высоту - не меньше тысячи метров и, по расчетному времени, миновав перевал, с небольшой вертикальной скоростью снижения пробивать облака в районе аэродрома. Только так! - другого решения и не могло быть.

Курс полета на аэродром составлял тридцать градусов, и некоторое время надо было идти почти вдоль линии фронта.

"Главное - спокойствие", - подбадривал себя.

Плавными движениями руля поворота установил нужный курс, набрал высоту. Посмотрел на другие пилотажно-навигационные приборы и приборы контроля, винтомоторной группы. Снова бросил взгляд на. компас. Диву дался: он показывал курс двести семьдесят градусов, прямо в сторону немцев!

"Дыра в плоскости дает о себе знать, - забеспокоился я. - Самолет кренит и разворачивает влево".

Несколько раз устанавливал необходимый курс на свою территорию и, увлекшись, поздно заметил, как самолет перешел на резкое снижение. Мгновенно ручку управления взял на себя. Перед глазами в мутной мгле мелькнули горы, покрытые хвойным лесом. Самолет задел за верхушки деревьев и вновь устремился вверх. Будто кипятком ошпарило тело. Оно пылало огнем. Крупные капли пота потекли за воротник гимнастерки. В открытой кабине запахло хвоей. Темно-зеленые иголки блестели на левом рукаве, на коленях. Вопрос жизни или смерти решался долями секунды. .

"Вот это карпатский сюрприз, - мелькнула мысль, - как бы он еще не повторился..."

Стрелка бензочасов с каждой минутой показывала, что всё меньше оставалось горючего. Прикинул, приблизительное свое

местонахождение - более ста километров от линии фронта, на территории, занятой гитлеровцами.

Снова и снова сверлит вопрос: "Что же делать? Как найти выход?"

Выход только один: тянуть к аэродрому. А для этого надо пробивать облака.

Придав самолету скорость снижения (три - пять метров в секунду), надеюсь вовремя заметить землю и избежать столкновения с ней. Нервы - как струна. И ничего в мире больше не существует, кроме самолета и земли.

Проходят секунды, доли секунд... Теряется высота, а земли все нет. Время как бы остановилось. Но надо обнаружить землю. Надо! Надо!.. Вот если бы можно было остановить самолет, отдышаться, осмотреться повнимательнее. А сердце колотится - никогда раньше не слышал его стука...

Но что это? В кабине стало светлее. Напрягаю последние силы.

- Леша, смотри в оба! - кричу стрелку.

- Понял.

Как на утренней заре, постепенно рассеивалась призрачная темнота в кабине.

- Командир, вода просматривается! - закричал стрелок и запрыгал от радости на своем качающемся сиденье.

- Вижу, - ответил я.

Самолет вывалился из облаков на высоте примерно ста метров от поверхности небольшой горной речушки, протекающей по ущелью. Образующие его горы были окутаны облаками, просматривались только их подножия. Стоило буквально чуть-чуть уклониться вправо или влево, и катастрофа неминуема. Я провел кожаной шершавой перчаткой по мокрому лбу. Сердце запрыгало от радости. Какое счастье! Самолет под облаками в узком ущелье!

"Такое может произойти, вероятно, один раз в жизни", - думал я.

Полет проходил вдоль ущелья по руслу речонки, которая игриво текла с юга на север. В этом районе подобных речушек много. Все они тянутся в северном направлении и впадают в реку, несущую свои воды на северо-восток. Определить название не представлялось возможным: при полете в узком извилистом ущелье на малой высоте даже бросить взгляд на карту было рискованно. Да и особой необходимости не было - сохранялась общая ориентировка.

"По ущелью выйти в долину реки Вислока, - созрел план дальнейших действий, - и, сделав затем резкий разворот вправо,

следовать кратчайшим путем, чтобы пересечь линию фронта в районе города Кросно, который находится в руках советских войск".

Томительные минуты. Казалось, что облетел половину земного шара.

"Неужели ошибся? - вкралась тревожная мысль. - Не может быть". Наконец-то заблестела ожидаемая речка. Высота облаков не превышала восьмидесяти - ста метров, воздух необычно прозрачен, видимость превосходная. Делаю разворот вправо и следую в северовосточном направлении по притоку Вислока, в район Кросно.

"Избежать бы обстрела зениток", - соображал я, обходя стороной крупные населенные пункты.

Впереди по курсу показался небольшой городок.

- Командир, где мы находимся? - взволнованно спросил стрелок.

- Сейчас зайду на город, уточню.

Все отчетливее вырисовывались кварталы, сплетения дорог. Крыло наплывало на окраину города. И тут по самолету был открыт ураганный огонь зениток. Стреляли сзади, спереди и с боков. Установки "эрликонов" создали разноцветный фейерверк. Орудийные снаряды рвались рядом, окутав самолет сплошным дымом. От прямого попадания снаряда машина резко клюнула носом вниз, едва не врезавшись в землю. На высоте десяти-пятнадцати метров мне все же удалось вывести ее в горизонтальный полет.

- Снаряд попал по хвостовому оперению, отрубил третью часть стабилизатора, - с дрожью в голосе доложил стрелок и, обнаружив огневые точки противника, запустил в них несколько длинных очередей.

...Город остался позади. Не стало слышно зениток. Кажется, прорвались. Но многочисленные повреждения осложняли управление самолетом. Кроме большой дыры, в крыле прибавилось несколько пробоин снарядами "эрликонов". Часть стабилизатора была отрублена. Машину сильно кренило влево, она лезла вверх. Удержать ее в горизонтальном положении стоило больших усилий. Снять же нагрузку оказалось невозможным: специальное устройство было разбито.

Лишь мотор не имел повреждений, жужжал, как пчела, и усердно тянул сильно израненную машину. И который раз я с благодарностью подумал о тех людях, которые создали эту замечательную машину. Не всякая выдержит такие испытания.

"Жешув", - без сомнения определил показавшийся впереди крупный город, на окраине которого находился хороший

аэродром.

- Командир, садиться будем? - спросил воздушный стрелок, понимая, что я сильно измучился.

- Нет, потянем домой, осталось тридцать .километров, всего пять-шесть минут полета.

Мысленно мне виделось, как переживает и ждет возвращения самолета механик. И я представил, как бы он прыгал, увидев самолет No 01 над аэродромом. А предстоящая посадка беспокоила: и самолет поврежден, и облачность низкая.

Зашел один, другой раз. Никак не удавалось выйти в створ посадочной полосы.. Бензин кончался - стрелка приближалась к нулю.

Наконец заход удался, на душе отлегло. Выйдя из кабины, я выкурил одну за другой, две папиросы и поздравил стрелка.

- Алексей Петрович, со вторым рождением вас!

- И вас также, - ответил он. - Да-а, полетик был - жуть, одна...

На пути к командному пункту встретил Сашу. Овчинникова.

- Доплелся? - с сочувствием спросил он.

Я рассказал, в каких условиях пришлось лететь и как свирепо обстреливали нас гитлеровские зенитки. Такой шквал огня над этим городом был для меня неожиданным. Непонятно, почему там ад такой?

Саша объяснил: в Ясно действует нефтеперерабатывающий завод. Противник охраняет его от удара с воздуха, прикрывая двенадцатью или даже шестнадцатью батареями зенитных орудий.

- Вот они все и били по тебе, - сказал Саша.

У командного пункта я встретился с Девятьяровым. Он обрадовался.

- Доложили, что ты не вернулся. Тридцать минут прошло, как мы сели.

- А вы-то как добрались? - спросил я.

- Заметил низко надвигающуюся облачность. И по долине одной из речушек удачно вышел за перевал.

- Все пришли?

- Зайцева нет, оторвался где-то...

Забегая вперед, скажу, что, погоревав, мы стали считать "Зайчика" погибшим. Но спустя два месяца он вернулся в полк с забинтованной головой.

- Где пропадал? - поинтересовались мы.

- В Венгрии, в госпитале меня отхаживали.

- Каким ветром туда занесло?

- Вот так и занесло. Увлекся стрельбой и не заметил, как самолеты исчезли, будто сквозь землю провалились. В облака

лезть не решился. Посмотрел на

юг - погода сносная. Пересек Чехословакию и сел в поле. К счастью, территория оказалась занятой нашими войсками.

...Но дорого обошлась нам Дукля. Некоторые летчики оказались на госпитальных койках, погиб замполит полка майор В. А. Константинов. В районе Теодорувки зенитный снаряд попал прямо в бомбоотсек "ильюшина". Не успев покинуть самолет, Константинов врезался в гору. Вместе с ним погиб и воздушный стрелок младший сержант Д. Шелопугин. Я особенно тяжело переживал гибель Константинова, мужественного коммуниста, исключительно душевного и обаятельного политработника, который дал мне рекомендацию в партию. За два дня до окончания Восточно-Карпатской операции, то есть 26 октября 1944 года, меня прямо на КП полка генерал В. Г. Рязанов поздравил с высокой наградой - присвоением звания Героя Советского Союза.

Я на всю жизнь запомнил товарищеский ужин, на который собрались боевые побратимы, крыло которых я всегда ощущал рядом.

Запомнил трогательные, проникновенные слова заместителя командира полка по политчасти полковника Е. И. Лапина, большого любителя поэзии. Свою речь он закончил так:

- Иван правильно решил, что "лучше с бурей силы мерить, последний миг борьбе отдать, чем выбраться на тихий берег и раны горестно считать". Оваций не надо. Стихи не мои, а Адама Мицкевича.

Волнующие, неповторимые минуты пережил тогда. Как на фотопленке, проявилось все пережитое, выстраданное: плен, госпиталь, перелет из Полтавы, бои, когда мы не знали, когда день и когда ночь, смерть друзей, гибель отца-коммуниста, письма родных из непокоренного Ленинграда... Моя награда была и наградой всем нам, ибо все делалось сообща, во имя одного великого - победы. Украдкой смахивал слезы и не стыдился своей слабости: со слезой, говорят, из человека выходит горе.

Теперь с жешувского аэродрома мы "натаскивали" прибывших молодых летчиков, одновременно вели разведку, ходили на свободную "охоту".

Во время тренировочных полетов четверка "мессершмиттов" атаковала самолет-разведчик Пе-2 прямо над аэродромом. Руководитель полетов, увидев, как "мессеры" клюют "пешку", отрадировал нашим истребителям, находившимся в воздухе.

- Безобразие! На глазах бьют "пешку", а вы прохлаждаетесь. Да развернитесь влево, всыпьте как следует нахалам.

"Яки" моментально разогнали любителей атаковать одиночек,

а одного зажали и привели на аэродром. Ас попался матерый - на груди набор крестов. На вопросы отвечать не пожелал, но потом, поломавшись, дал любопытные ответы. Во-первых, гитлеровское командование делает ставку на ФАУ и реактивные самолеты, во-вторых, население панически реагирует на приближение советских войск к границам фатерлянда, в-третьих, летный состав фашистов значительно поредел, а молодежь, прибывшая в часть, необстрелянная, сырая...

Да, это были уже не те "бриллиантовые мальчики" Геринга, которые пели бравурные песни и расстреливали на дорогах беззащитных женщин и детей, пускали под откосы санитарные поезда, картинно несли на своих боках удавов, черных кошек, пиковых дам... Летчика отправили по назначению, а пистолет "вальтер" и компас командир дивизии вручил Бате - майору Девятьярову, который уезжал лечиться.

Вскоре уехал и я получать для полка новые машины. По возвращении узнал страшную весть: при разведке в районе Кракова погиб мой боевой друг Евгений Алехнович, наткнувшись, на бреющем полете на танковый термитный снаряд. Указом Президиума Верховного Совета ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Путь наших войск лежал все дальше и дальше на запад. Гитлеровские заправилы полагали, что Висла станет тем рубежом, дальше которого наступающие пройти не смогут. Вражеская система укреплений включала в себя полосы долговременных инженерных сооружений, траншей, с многочисленными дотами, минными полями, чередовавшимися с противотанковыми рвами и надолбами.

Готовясь к прорыву мощного оборонительного пояса, мы вели особо тщательную разведку с воздуха: карты буквально пестрели от выявленных целей. Все это передавалось артиллеристам, саперам. И когда по точно разработанному графику загремели залпы прорыва, все эти огневые точки были стерты с лица земли.

Начались ненастные дни: туман, низкая облачность и снегопады приковали авиацию к аэродромам. Отважные экипажи все же бросали свои машины в эту слепящую мглу, находили и громили противника.

Одно из сложнейших заданий здесь пришлось выполнить командиру второй эскадрильи капитану А. Овчинникову. Поступил личный приказ генерала Рязанова любой ценой уничтожить штаб фашистской танковой армии, который находился в шестидесяти километрах от переднего края наших войск в деревне Бжеги. Дело в том, что к штабу несколько раз пытались проникнуть диверсионные группы, однако безуспешно.

Из деревни немцы выселили всех жителей, а штабные помещения обнесли несколькими рядами колючей проволоки, ощетинились пушечными и пулеметными стволами.

Окрестности охранялись усиленными нарядами эсэсовцев с собаками. В воздухе патрулировали истребители противника.

Вот на выполнение этого задания и решили послать "химиков". На штурмовики были подвешены по два выливных прибора, заряженных керосином с гранулами фосфора. При соединении с кислородом воздуха керосина и фосфора происходит самовоспламенение смеси.

Надо иметь железную волю, чтобы под обстрелом сидеть на этой "адской бочке". Стоит осколку или пуле попасть в 250-килограммовый резервуар, и сгоришь без промедления.

Капитан Овчинников в группу включил только "стариков" - опытных пилотов, мастеров штурмовых ударов.

К цели шли, прижимаясь к лесным массивам. Ведущий заметил патрулировавших истребителей и дал команду усилить бдительность. Те, ничего не обнаружив, повернули в сторону Енджеюва.

Теперь задача - проскочить мимо зенитчиков. Они, конечно, спохватились, но уже было поздно. Беспорядочный огонь не нанес урона штурмовикам. Довольно малая высота, угловое перемещение самолетов настолько велико, что зенитчики не успевали вносить поправки в прицеливание. "Причесав" по ходу зенитные установки, "илы" бросились на штабные постройки, со всех сторон обливая их горючей смесью.

Внизу сразу все заполыхало, задымило, как в аду. Огонь беспощадно пожирал дома, во дворах метались темные фигуры гитлеровцев. Штаб армии был полностью уничтожен...

На свой аэродром группа возвратилась без осложнений. Всем участникам полета - Александру Овчинникову, Николаю Полукарову, Владимиру Жигунову, Георгию Мушникову, Алексею Смирнову и Николаю Бойченко - командующий фронтом И. С. Конев объявил, благодарность.

Постепенно погода начала улучшаться. Теперь летчики стали действовать солидными группами, поддерживая вырвавшиеся вперед танковые части. Штурмовики, истребители и бомбардировщики налетали на отходящие колонны фашистов, наносили по ним чувствительные бомбовые удары, расстреливали из пушек, пулеметов, эрэсами.

Перелетели всем хозяйством на аэродром под Ченстоховом. Город находился на северной границе Домбровского угольного бассейна, с многочисленными фабриками, заводами. На горе взгромоздился внушительный древний Ясногорский монастырь,

видавший у своих стен захватчиков разных мастей: и татар, и венгров, и шведов, теперь - немцев. По старинному преданию, над этой горой всегда сияет солнце, откуда и получила она название - Ясная гора. Командир эскадрильи Николай Евсюков, рассматривая новое расположение полка, устремил взгляд в небо. Самолетов в воздухе не было.Что же его заинтересовала? Спросили.

- Монастырь, вот, думаю нам кстати. Шпиль высоченный, прямо тебе приводная радиостанция.

Здесь сложилась довольно интересная ситуация. Наши танкисты сделали такой бросок вперед, что некоторые подразделения гитлеровцев остались в нашем тылу. Вооруженные до зубов, они сосредоточились в близлежащих лесах. По данным разведки, над ними появлялись транспортные самолеты и по сигналам с земли сбрасывали какие-то грузы.

Наконец одно из обстоятельств особо насторожило: возле колодца был снят наш часовой. И вот подана команда "В ружье!". Завыла сирена. Что случилось? Сплошное недоумение. Ясность внес прибежавший с командного пункта дежурный: из лесу фашисты лезут на аэродром. Обычно на нас нападали с воздуха, здесь атакуют с земли. По тревоге были подняты все, вплоть до поваров, санбатовцев, сапожников... Подключился личный состав и 156-го истребительного полка.

Летчики развернули "ильюшины" хвостами к лесу, стрелки заняли места в кабинах. То там, то здесь завязывалась перестрелка.

Несколько машин успели подняться в воздух и начали поливать фашистов из пушек и пулеметов. По всей вероятности, нам бы пришлось туговато, не подоспей на помощь артиллеристы и танкисты на трцдцатьчетверках. Общими усилиями смяли и разогнали незваных гостей, попытавшихся отбить у нас горючее для техники.

Наравне с мужчинами отличились здесь и оружейницы - Эмма Узилевская, впоследствии жена Овчинникова, и Катя Кубышкина. Когда на аэродром полезли гитлеровцы, они наводили порядок в бараке. Эмме и Кате приказали закрыть барак и поднести ящики с патронами к лесу, где шла перестрелка.

* * *

Ящики с боеприпасами были довольно тяжелые и девушки еле волокли их на веревке, держа в руках винтовки. Как только выбрались на поляну, прямо на них выскочил огромный немец с автоматом в руках. Он, наверное, не ожидал такой встречи. Эмма бросила веревку, вскинула винтовку и направила ее на гитлеровца. Тот от неожиданности так оторопел, что выронил

автомат и, повинуясь окрику "Хенде Хох!", поднял рукийй: Эмма, внимательно следя за немцем, подняла автомат, уперла ствол винтовки в спину пленного. Так и вела его по аэродрому, сдав потом командованию БАО. В стычке принимал участие и замполит полка Е. И. Лапин.

- Хоть и в обороне оказался, - весело говорил потом полковник, - но все же двух мерзавцев пленил. Один - зелень-зеленью, все плачет, трясется, показывает фотографию "муттер", "швестер". Думал, пустим его в расход. А другой орет во все горло: "Хайль Гитлер!", Покричал и перестал, понял, что его патриотические эмоции нам до лампочки.

А вскоре механики привели трех немцев. Бродили вокруг аэродрома: ободранные, зуб на зуб от холода не попадает: словно волки, ищут места погреться, поживиться. Летчики окружили "гостей". При помощи младшего лейтенанта Жени Белкова, который немного понимал по-немецки, узнали: пробираются домой. Воевали под Сталинградом, в Крыму. Сами удивляются, что уцелели.

А "костлявая" продолжает стоять за нашими плечами. И чем ближе победа над заклятым врагом, тем она все чаще и чаще стала появляться в полковой семье.

Приняв неравный бой с крестоносцами-стервятниками, на израненной машине тянул на свой аэродром лейтенант Кудрявцев.

- Самолет не слушается рулей, - передал по радио. - Прошу... - не успел досказать Виктор.

Несколько секунд - и "ильюшин" стал неуправляем, вошел в отвесное пикирование...

Мы долго хранили старенький баян Виктора и не могли представить, что хозяина уже нет в живых. Казалось, распахнется дверь, влетит хозяин, отогреет пальцы и пробежится ими по стертым пуговкам. И душу растревожит песня:

Улетел штурмовик на задание,
И не сказал он милой "прощай",
А сказал "до свидания"...
Но песня оборвалась.

* * *

В книге "Советские Вооруженные Силы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг." описывается один, из боевых вылетов девятки штурмовиков нашего полка, совершенный в последних числах января 1945 года при освобождении Верхне-Силезского промышленного района Польши. На странице 382 можно прочесть следующее: "...Затем наши штурмовики встретились с немецкими

бомбардировщиками, атаковали их. При этом майор А. А. Яковицкий, старший лейтенант Н. Т. Пушкин и сержант Н. С. Нестеров уничтожили по одному бомбардировщику, а старшина А. П. Наумов - один истребитель. Младший лейтенант П. И. Иванников, израсходовав все боеприпасы, таранил бомбардировщик противника".

Да, это в районе железнодорожной станции Вассовка принял свой последний бой П. Иванников. Мы знали, что Петра мучил жестокий ревматизм ног. Он имел полное право не летать, однако находил дипломатический язык с врачами, каждый раз ковылял к машине со своей неразлучной палочкой. Петр и в воздух поднимался с ней, даже шутил: если собьют - палка пригодится, чтобы продолжать драку с фашистами на земле.

После каждого полета болезнь прогрессировала, и полковой врач капитан Ларцев настоятельно требовал, чтобы Иванников лечился. Но тот упорствовал, отнекивался. Мол, раздавим гитлеровскую гадину, тогда можно и на курорте подлечиться.

Над станцией завязался воздушный бой. Группа "Ильюшиных", врезавшись в боевой порядок "юнкерсов", начала их расстреливать с коротких дистанций. Те вошли в пикирование, пытаясь оторваться от штурмовиков, и кое-кто улизнул. Боеприпасы кончались. И тогда Петр бросил свою машину на Ю-87. Таранный удар был настолько сильным, что оба самолета, столкнувшись, рассыпались в воздухе.

Потеряли мы и своего боевого командира эскадрильи Н. А. Евсюкова. На мемориальном кладбище среди надгробных плит можно найти и такую, где золотом высечено: "Герой Советского Союза гвардии капитан Евсюков Николай Андреевич".

* * *

Долгое время не мог примириться с тем, что рядом нет человека, с которым учился науке побеждать, чье крепкое крыло чувствовал рядом в неистовых атаках.

Нелепая смерть подстерегла и Аню Сорокину, прибористку, к которой все относились с братской любовью, окружали ее теплом и заботой. Её проворные, маленькие руки никогда не знали усталости.

Любое дело, самое трудное, она исполняла всегда добросовестно, ни в чем не уступала мужчинам. Дадут задание - умрет, но сделает.

Помню, мы стояли в молдавском селе Пражела. На аэродром приходилось добираться через реку Реут. Была она сравнительно не широкой, а вот весной разливалась, показывала свой норов.

Аня порой допоздна задерживалась на аэродроме, и ночью одна на утлом плотике переплывала реку. Возвращалась озябшая,

мокрая, и механики сразу находили ей теплое обмундирование, отогревали чаем, укрывали своими шинелями.

При перебазировании на новый аэродром инженерно-технический состав погрузился на Ли-2, кое-кто переезжал на автомашинах. И здесь Аня обратилась к адъютанту эскадрильи капитану Николенко с просьбой перелететь на аэродром на "иле". Мол, война идет к концу, а она ни разу не летала на штурмовике. После долгих уговоров Николенко включил ее в расчет экипажа.

* * *

Утро выдалось погожим и солнечным. И надо же такому случиться: штурмовик, на котором была Сорокина, на взлете, столкнулся с "петляковым", который садился после разведки на наш аэродром. Экипаж "ила" погиб.

* * *

Вступала в свои права весна. С деревьев, мокрых, кажущихся очень усталыми, срывались крупные капли. В пробуждении природы было что-то символическое. Мы шли уверенно к своей цели - победе. Но какие-это были трудные шаги!

И снова вылет. Батя размашисто шагает по аэродромному полю, на ходу что-то уточняет, поворачивается, жестикулирует.

- К чехам идем в гости. Им нужно помочь вышвырнуть фашистов со своей земли!

Воздух ревет и клокочет, восемнадцать штурмовиков и истребители прикрытия берут старт и отрываются от земли. Цель искать не пришлось: как на ладони - бронетранспортеры. Танков становится все меньше - беднеют битые вояки. Пехота забилась по овражкам, в кустарники. Первыми спохватились зенитчики, - скороговоркой заработали пушки, запятнали небо разрывами. Майор Девятьяров круто спикировал вниз и ударил по зениткам. При выходе из пикирования по тряске "ила", по работе мотора, он определил - подбили. Передав командование Николаю Бойченко, Девятьяров пошел на вынужденную посадку. Не успел развернуться в сторону, своих - прямо перед штурмовиком выросла крутая насыпь железнодорожного полотна. Сел благополучно, перетянув через насыпь. Осмотрел машину и присвистнул - лопасти винта оборвало. Один снаряд подал в левую часть бронестекла, но не пробил. Через штаб стрелкового полка майор связался с КП генерала Рязанова и благополучно был доставлен в полк.

Александр Андреевич Девятьяров за время боевых действий девяносто один раз водил в атаку различные по численности группы штурмовиков и истребителей, и удары их были безупречны, разящие. Еще в октябре 1944 года Совинформбюро сообщало: "На 1-м Украинском фронте группа наших

штурмовиков под командованием капитана Девятьярова подвергла ожесточенной штурмовке позиции противника. Бомбовым и пушечным огнем наши летчики уничтожили несколько танков, взорвали склад боеприпасов и подавили огонь пяти артиллерийских батарей противника".

Надо добавить, что группа, ведомая Героем Советского Союза А. А. Девятьяровым, насчитывала в своем составе тридцать "илов" и двадцать "яков". Такое доверялось лишь большим мастерам вождения. самолетов в самых сложных условиях погоды, противодействия зенитной артиллерии и истребителей противника.

Чем сильнее сжимался обруч обороны противника, тем в более непосредственной близости от наступающих войск приходилось действовать.

Было еще темно, рассвет только занимался. Издали доносился гул канонады - где-то впереди шла подготовка к форсированию Нейсе.

Заместитель командира эскадрильи Герой Советского Союза старший лейтенант Н. Яковлев доложил командиру полка, что летчики прибыли, и майор Д. Нестеренко, без всяких вступлений приказал приготовить карты.

- Задание весьма ответственное. Вам следует выйти к восточной окраине города Мускау и поставить дымовую завесу. Форсирование реки и овладение важным узлом сопротивления гитлеровцев будет всецело зависеть от точных действий и умения...

По команде разбежались летчики к самолетам, сели в кабины и стали ждать сигнала к запуску. Мигание фонарика с КП заметили все сразу. Аэродром взревел моторами, язычки фиолетово-желтого пламени выстреливались из выхлопных патрубков. Выруливали с аэронавигационными огнями, осторожно, соблюдая установленные интервалы.

И вот шестерка "ильюшиных", собравшись вместе, легла на курс к Нейсе. Видимость - хуже не придумаешь - вокруг сплошная серятина. И только чуть позже начала высвечиваться земля, в лощинах плавали клочья тумана. "Илы", приближаясь к линии фронта, чуть снизились, и стало отчетливо видно, что делается на земле: передний край прямо-таки полыхал. Казалось, какая-то сверхъестественная сила чиркала по земле огромным огнивом и высекала искры разных цветов и оттенков. Небо над Мускау содрогалось от артвыстрелов, вспарывалось огненными лезвиями "катюш".

- Приготовиться к постановке завесы! - уверенно подал команду ведущий группы, и самолеты, снизившись до высоты

десяти метров, приступили к работе. Из-под плоскостей самолетов потянулись шлейфы черного дыма. Опорожняют выливные приборы В. Жигунов, М. Петров, А. Смирнов.

И вдруг Смирнов, идущий замыкающим, увидел в сплошной стене дыма образовавшийся разрыв. Видимо, у кого-то сработал прибор дымовой завесы с опозданием. Не колеблясь, Алексей направил машину к бреши в завесе и "затянул" прогал.

В это время под брюхом "ильюшина" разорвался артиллерийский снаряд, и машину швырнуло вверх и перевернуло на крыло. Она на мгновение зависла, ручка безо всяких усилий свободно ходила в разные стороны. Самолет, казалось, попал в какой-то вакуум.

"Сектор газа вперед", - моментально решил Алексей. Взревел мотор, разрываясь от натуги, и вынес экипаж из западни в плотные воздушные массы...

Начало всходить солнце. "Илы" повернули назад. И здесь не избежали случайностей: в момент разворота самолет Михаила Петрова напоролся на трос немецкого аэростата, с которого наблюдатели корректировали огонь своих артиллеристов. Корректировщики, как горох, посыпались из корзины. Трос ударил по плоскости, дернул самолет, но, к счастью, обошлось благополучно.

- Что случилось? - сразу не сообразил Петров.

- На крючок попали, командир, - ответил воздушный стрелок Лиманский. Да, вроде бы, сошли... Редкий случай!

Таким был для младшего лейтенанта Михаила Петрова сто одиннадцатый боевой вылет.

Вслед за группой Н. Яковлева в бой повел восемнадцать "илов" старший лейтенант А. Фаткулин. Они добивали уцелевших гитлеровцев в дотах, блиндажах, траншеях после обработки нашими артиллеристами. Затем в небо поднялись штурмовики, ведомые лейтенантом И. Филатовым. С Иваном на выполнение боевого задания в качестве воздушного стрелка вылетел парторг полка капитан Ольшанский. Штурмовики дали возможность наземным войскам без потерь еще глубже вклиниться в оборону противника.

Во второй половине дня ощутимый удар по врагу нанесла группа старшего лейтенанта Н. Пушкина. Она была атакована "сто девятыми", но ни одна атака не принесла успеха гитлеровцам. Более того, в бою они потеряли самолет. Стервятника сбил воздушный стрелок сержант Кузин.

Вскоре я узнал о гибели Николая Пушкина. Не видел, как это случилось, но мне рассказали ребята.

...Николай летал на точку, куда предстояло перебазироваться

полку, с заданием оценить условия захода на посадку. С ним отправился на рекогносцировку старший техник-лейтенант А. Русин. На обратном пути при подходе к своему аэродрому все увидели: за машиной тянулся черный хвост дыма.

Поступила команда - немедленно покинуть машину.

- Я-то могу, но Русин без парашюта, - доложил Николай и стал плавно сажать горящий штурмовик.

Огонь все больше и больше охватывал самолет. Все бросились спасать экипаж. Русин, откинув фонарь, выскочил сам. Пушкина вытянули. На летчике горело обмундирование, а лицо, шея, руки покрылись волдырями. Его перенесли в дом, где Николай и умер.

Последний рубеж войны

Наконец-то свершилось то, о чем мы мечтали, когда еще на наших картах мелькали названия - Курск, Белгород, Харьков, Кировоград, Львов. Теперь названия на штурманских картах совсем иные: Котбус, Дрезден, Герлиц, Берлин...

Настали, как говорят, иные времена, иные песни. Наши песни - грохот танков, детищ седого Урала; рокот моторов сотен и сотен самолетов, могучее "ура!" матушки-пехоты, от которых содрогаются стены цитадели-фашизма. В июле 1941 года газета "Фолькишер беобахтер" писала: "Сопротивление большевиков сломлено. Мы разделаемся с ними в точно установленные сроки.В ближайшее время Советская Россия будет стоять на коленях и тщетно молить победителя о милости".

Начало 1945 года. Тон писанины совсем другой: "Советская Армия движется в глубь Германии. Все висит на волоске... Все поставлено на карту. Неимоверна серьезность положения. Теперь решается исход войны".

Безумная, слепая нацистская Германия! Она смотрела на Советский Союз, как на географическое пространство, где живущие народы разных национальностей при первых же испытаниях перегрызут друг другу горло. Наивные и глупые надежды! Монолитный советский народ, его армия рушат последние рубежи фашизма.

Наш аэродром теперь находился неподалеку от города Зорау. Несколько дней стояла отличная погода, затем полил дождь. Летное поле раскисло, земля, изъеденная минеральными солями, не успевала впитывать влагу.

- Командир корпуса приехал, - кто-то первым увидел генерала Рязанова, и мы сразу приободрились, как будто он привез хорошую погоду.

А Василий Георгиевич метал громы и молнии:

- Тоже мне - хваленые немецкие аэродромы. Полюбуйтесь - все сидят по уши в грязи! Подведем мы танкистов, ей-богу

подведем!

- Чистый кисель, - сокрушенно гремел командир истребительной дивизии генерал К. Г. Баранчук.

- Константин Гаврилович, вы представляете, что у нас завтра будет? Ваши "яки", мои "ильюшины" разобьют площадку вдребезги. А тылы? Тылы зарежут без ножа. Надо работать, а здесь...

Да, работу предстояло сделать большую. Разведчики пополняли все время штабы сведениями: где расположение полевых орудий, минометов, зенитных батарей, на аэрофотоснимках четко выделялись стога сена, вокруг которых на мокрой земле отпечатывались гусеничные следы. Появились подозрительные постройки и мельницы с недвигающимиея крыльями. А ведь их ранее не было.

Утренний туман не успел еще рассеяться, как забурлил аэродром. Рядом с нашими штурмовиками и "яковлевыми" стояли трофейные самолеты, брошенные в паническом бегстве гитлеровцами, склады и амбары, забитые новыми моторами, всевозможной аппаратурой. Невдалеке от ангаров - обширные склады с награбленным имуществом, экспонаты из русских музеев, продукты. Не успели увезти, съесть, не успели уничтожить.... Несколько "илов" взлетело. Тяжело, с риском, но они поднялись в воздух. Истребители сопровождения попытались взять разбег - ничего не получилось: "яки" плюхались в "кофейную" гущу, радиаторы забивались грязью, моторы ревели от натуги.

На летном поле истребителями руководил сам генерал Баранчук. Он с флажками в руках, носился перед машинами, за ним следовали инженеры. Потом посовещались и все же нашли выхода Весь техсостав бросился по складам, начал разбирать штабель фанерных.листов... Минут через тридцать уже были готовы щитки простой, но остроумной конструкции - ими закрыли радиаторы истребителей. После взлета щитки спадали на землю и кружили в воздухе, словно осенние листья. Туман совсем рассеялся. В вышине пенились серые облака. Их догоняли "ильюшины" под прикрытием истребителей.

Восьмерки, девятки, десятки "илов" вытягивались в пеленг, строились в замкнутый круг и с пикирования обрушивали на головы противника тонны разящего металла, обдавали землю мощным пушечно-пулеметным огнем.

И, как прежде, в сумятице эфира слышится знакомый голос нашего бессменного "поводыря" Николая Шутта: "Спокойно работайте, "горбатые"!"

Воздушный бой скоротечен, но сколько в нем спрессовано

напряжения сил, нервов, психологических нагрузок, где властвует неумолимый и справедливый закон войны: уничтожить врага!

Увиденное еще раз подтвердило, насколько тонким мастером с обостренной интуицией был Николай Шутт.

В разгар штурмовки он заметил, как Ме-110 воровато уходил в свою сторону. По всей видимости, успешно произвел разведку и теперь жал на всех парах домой.

Первым атаковал "сто десятого" ведомый Шутта младший лейтенант Гурко, но безуспешно: трасса молочного цвета прочертила след справа от плоскости врага.

"Месс" рванулся вверх и оказался впереди самолета Николая. Затем разведчик клюнул вниз, его стрелок-радист беспрерывно поливал пулеметным огнем преследователя.

Шутт, приказав своему заместителю охранять штурмовики, стал преследовать самолет противника. Надо было подойти поближе и с короткой дистанции ударить наверняка. Но Ме-110 полупереворотом ускользнул, уклонился от удара. Надежно нас прикрывали летчики-истребители М. Токаренко, А. Максимов, А. Шаманский, А. Безверхий, Н. Попов, В. Шевчук, Н. Сметана.

О действиях авиации написано много. Все справедливо - труд летчика опасен, специфика боевой работы его особенная. Но без вспомогательной службы, - я здесь имею в виду нашу тыловую службу - и нам была бы грош цена. Тыл порой даже трудно назвать тылом, если он авиационный. Он шел вперед нас, готовя для полков и дивизии боевые позиции.

Передовые команды двигались буквально по следу танкистов и пехоты, рекогносцировочные партии рыскали под огнем на "ничейной" земле, определяли качество грунта, вымеряли поле, изучали подходы, потом подтягивался инженерный батальон и вся многосложная служба - аккумуляторно-зарядные станции, транспорт с горючим, боеприпасами, разные машины, столовые.

Нельзя не вспомнить добрым словом тружеников тыла полковников Глухова, Шилова и подполковника Бердника, которые делали все, чтобы успешней выполнялись летные задания.

Вот один яркий пример: за 1944 год шоферы полковника М. Н. Глухова проехали 6 053 545 километров и перевезли 471 784 тонны груза. Не считая бомб, они доставили штурмовикам и истребителям 1498 тысяч снарядов и 5898 тысяч патронов, связисты развернули и свернули сто семьдесят узлов, связи, размотав и смотав 2598 километров проводов.

Поистине подвиг совершил водитель ефрейтор Яков Шипилов. В начале войны он выехал из Оренбургской области на своем верном ЗИС-5, который к тому времени прошел около

сорока тысяч километров. По фронтовым дорогам он наездил еще несколько сот тысяч километров и все же сберег машину до конца войны.

Кавалер ордена Красной Звезды Яков Шипилов на своем ЗИС-5 доехал до Берлина, был в Праге, в Вене, а после демобилизации на той же машине благополучно возвратился на родину в Оренбургскую область.

Здесь, в Германии, мы еще раз убедились, на какой небывалой высоте находится наш советский воин, воспитанный Коммунистической партией.

Взять того же Петра Иванникова, погибшего на польской земле. Больной, он мог не летать, но.ходил на, задания, громил врага, а в критический момент пошел на таран. К чему я веду? Как-то над аэродромом в воздухе появился одиночный "Фокке-Вульф-190". Сделав два круга, летчик выпустил шасси, приземлился и, поставил свой "фоккер" на стоянке рядом с трофейным самолетом. Машину окружили техники и механики.

Летчик оказался из берлинской ПВО. В разговоре выяснилось, что он единственный сын своих родителей, проживающих в Бранденбургской провинций; а те наказывали сыну себя беречь, намекая, что война, мол, проиграна и незачем подставлять зря шею.

- Теперь не те времена, - сказал со вздохом юнец, недавний верноподданный фашизма. - Теперь попадешь русскому на зуб, и капут!

Ухмыляясь, он провел пухлой рукой по горлу.

Таких скороспелок в небе Германии было немало в последние дни войны, и они, имея иногда численное преимущество, уклонялись от боя, а проще говоря, позорно улепетывали. А наши хлопцы, жаждущие боя, искали всюду противника.

Погода постепенно установилась, и интенсивность полетов стала возрастать. В разведку ходили парами, часто в непогоду, и в одиночку, под неусыпным оком истребителей или без них. .

Дрезден, Котбус, Люббен, Лейпциг. По многим маршрутам велась постоянная разведка, добывая важные сведения. На наших картах обозначались не только расположения огневых точек, штабов, наблюдательных пунктов, батарей, складов с боеприпасами, но указывались и подлежащие спасению объекты культуры: исторические памятники, музеи, больницы, творения архитектуры. Поэтому к экипажам штурмовиков предъявлялись повышенные требования: они должны были уметь хорошо ориентироваться на новой местности по крупномасштабным картам, быстро отыскивать нужный объект, бомбить и стрелять по-снайперски, проявляя при этом разумную инициативу.

Немаловажную роль здесь играли и принципы гуманизма, которыми мы руководствовались. Как известно, американская авиация сбрасывала бомбы с больших высот и по площадям, в том числе и по жилым кварталам. Союзники, не скрывая, говорили, что они каждый населенный пункт превратят в опустошенный район. Нам была чужда подобная тактика, и мы, нанося чувствительные удары по военным объектам противника, расположенным в городах, старались не причинять никакого ущерба населению. А так могли действовать только экипажи, о которых говорили, что они могут уложить бомбы даже в дымоходную трубу.

Да, мы были гуманистами, а не вандалами-варварами, идущими по чужой земле с огнем и мечом, превращая все в прах и пепел.

И тогда невольно вспоминали слова Гитлера,о судьбе, которую он готовил для Москвы в 1941 году: "Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель - будь то мужчина, женщина или ребенок - не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных разрушений были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа..."

Та же участь готовилась и Ленинграду. "Для всех других городов, заявил бесноватый фюрер, - должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня".

И еще один документ, написанный изуверским почерком Гиммлера высшему руководителю СС и полиции на Украине Прютцману: "Следует достичь того, чтобы при оставлении части территории на Украине там не осталось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного железнодорожного рельса, чтобы не оставался стоять ни один дом, не было бы шахты, не разрушенной на многие годы, не было бы ни одного неотравленного колодца. Противник должен обнаружить действительно тотально сожженную или разрушенную страну".

Вот оно, лицо фашизма, мораль инквизиторов XX века!

Мы сидели недалеко от города Зорау, и зачастую без дела. Причиной всему была прескверная погода: грунтовое покрытие аэродрома раскисло, летать с него можно было лишь в утренние

часы. Как-то сходил на разведку в направлении Дрездена, засек несколько вражеских аэродромов с бетонированными взлетно-посадочными полосами, сфотографировал технику.

Возвратившись, доложил, затем - в столовую. А там - шум, гам, разговоры. Прислушался.

Незнакомый летчик из соседнего полка рассказывает: "Поразгоняли фашисты по белому свету людей. Ходят, ищут родных, знакомых. Сегодня встретила меня женщина с мальчишкой, говорит: старший сын у нее летчик. Не знает, жив ли. Имя называет - Иван Драченко. Вот, дала мне фотографию".

Посмотрели ребята на снимок, никакого сходства. Там молоденький, нос с горбинкой. Ответили, что есть, мол, летчик с такими фамилией и именем, но это не он. Не похож.

У меня сразу пересохло в горле, хочу подняться, а тело враз обмякло, не подняться со скамейки. Еле подошел к рассказчику, разволновался, слова вымолвить не могу. Он смотрит на меня удивленно.

- Низенькая худощавая женщина? - спрашиваю.

- Да.

- И родинка над переносьем?

- Родинка? Сейчас вспомню. Да, точно - была у нее родинка...

- Товарищи! - не помня себя, закричал на всю столовую. - Так это же моя мать.

Как ошалелый выскочил из помещения, схватил первую попавшуюся машину, обшарил все аэродромное поле, искал на дорогах, заглядывал во все дворы, спрашивал у регулировщиков, встречных солдат, офицеров - как в воду канула. Не нашел!..

Ночами не мог уснуть, а если глушило мимолетное забытье, то перед глазами стояли они: мама и брат Сергей. Стоят, зовут, тянут руки.

Говорят, беды - те же осколки: одному - ничего, а другому - все в грудь! Пережил одно потрясение, другое подстерегало.

С утра по небу плыли рыжие облака. Казалось, в вышину поднялись пушистые ватные одеяла. Взял себя в руки после пережитого, лечу на разведку и на свободную "охоту" в район Котбуса.

По берлинской автостраде, пересекаемой шоссе; изредка движутся одиночные машины, телеги. Все это мелочь, ничего интересного. Штурмовик снизил до десяти метров. Приходилось "перепрыгивать" через телефонные столбы с оборванными проводами, вышки, крыши домов. Такой полет, да еще длительный, особенно утомляет зрение, тем более мое. А земля несется лентой конвейера. Никаких признаков жизни, только кое-где немцы роют траншеи, копаются, как гробовщики.

На свой аэродром заходил осторожно и все-таки немного не дотянул, так как были повреждены крыло и стабилизатор,

Возвратившись, на КП доложил майору Спащанскому всю обстановку разведки. Зашел в домик, где отдыхали летчики. Стал платком вытирать лицо... и вдруг Иван Голчин от меня попятился, как от нечистой силы. Да как закричит:

- Братцы, смотрите! Смотрите!

Если бы я посмотрел на себя со стороны, сразу бы понял реакцию командира эскадрильи: вытирая лицо, перевернул глазной протез на сто восемьдесят градусов. Под бровью отчетливо виднелось бельмо.

- Спокойно, - мой голос задрожал. - Здесь сумасшедших нет, только здоровый инвалид.

Откуда-то вынырнул полковой врач. С присущей медикам таинственностью взял под руку, успокоительно запричитал:

- Не волнуйтесь, это пройдет.

Узнал об этом и командир полка майор Нестеренко.

- Это что, давно у тебя?

- Как в полк прибыл...

- И летал?

- И летал...

- И никто не знал?

Поднялся Николай Кирток:

- Почему никто? Я знал...

- Ну, Иван, подвел ты меня под монастырь. Буду командиру корпуса докладывать.

Дмитрий Акимович опустил свое массивное тело на табурет, пригладил пятерней рыжие волосы и потянулся к полевому аппарату.

У Василия Георгиевича выдался тогда один из немногих более или менее спокойных вечеров. Он только что побывал в бане и блаженствовал за стаканом крепкого чая. Телефонный звонок нарушил чаепитие. Генерал взял трубку.

- Да, слушаю. Какое еще ЧП? Так... Так... Кто - Драченко? Этот разведчик? Ну и как? Завтра его в полет не выпускайте. Поняли? Утром решим...

* * *

...На следующий день на летном поле полка собралась целая комиссия из лучших пилотов. Ждали генерала. Вскоре показался всем знакомый самолет Рязанова. Он сделал круг над аэродромом, потом скользнул вниз и вот уже, тарахтя мотором, зарулил на стоянку. Генерал, прилетевший вместе с полковником Семеном Егоровичем Володиным, поздоровался с летчиками. Потом подошел ко мне, спросил:

- Как, волнуешься? Ничего, все будет нормально.

И, оглядев летчиков, громко добавил:

- Комиссия, кажется, вся в сборе. С чего начнем? С проверки техники пилотирования; или беседы с медициной?

Невысокий военврач подошел к генералу.

- Мы, медики, считаем проверку бесполезной. Нельзя ему летать. Это наше твердое мнение. Рязанов хитро прищурился:

- Значит, нельзя? А как же он летал? На разведку ходил, группы водил... - Генерал подумал, посмотрел на медиков: - Ну что же, начнем проверку. Давай, Драченко. Инспектор по технике пилотирования майор Поволоцкий полетит вместе с тобой.

Последние доброжелательные слова командира корпуса как-то сняли остатки волнения. А когда заработал мотор и штурмовик взял набор высоты, успокоился. Помня, что внизу за полетом наблюдает такая авторитетная комиссия, постарался выжать из своего штурмовика все и из себя тоже. Левый вираж, правый, боевой разворот... Крутое пике и вновь набор высоты. Казалось, самолет сам переходил из одной фигуры в другую. Потом делал аккуратную коробочку над аэродромом и притер "клюшина" у посадочного знака. Выключил двигатель. Вздохнул, открыл фонарь и выпрыгнул на землю. Неторопливо подошел к офицерам комиссии. Потом вскинул ладонь к шлему:

- Товарищ генерал! Старший лейтенант Драченко контрольный полет закончил. Разрешите получить замечания.

Командир корпуса тронул за плечи:

- Какие замечания? Да если бы у меня все так летали... Как, комиссия?

Летчики подтвердили мнение генерала. Один военврач не согласился.

- Летать, конечно, он сможет, но только в хорошую погоду. А в плохую...

Василий Георгиевич перебил врача:

- Хорошо, в плохую погоду вылетать Драченко будет лишь по моему разрешению, в остальных случаях - по усмотрению командира полка.

И тихо добавил:

- Не волнуйся. Надо же и медицине уступку сделать. А воевать - воюй на здоровье.

Я, конечно, не мог скрыть волнения, и вместо радости на душу навалилась какая-то щемящая тяжесть. Казалось, после этого всего вряд ли смог бы выдержать повторную проверку. Однако теперь мне не надо было постоянно скрывать от товарищей свой "недуг", прятать ночью протез, заворачивая в носовой платочек, класть под подушку, отворачиваться от

посторонних глаз...

* * *

Как-то после обеда кто-то из истребителей, вернувшись с боевого задания, собрал возле себя группу летчиков, стал возбужденно рассказывать, что видел странный самолет: скорость как у метеора, позади тянется пятиметровый огненный хвост. Винта нет совсем.

- Только ты на него, а он фр-р-р! - мимо. И из пушек лупит напропалую...

Николай Шутт насмешливо хмыкнул: - А у тебя со зрением того - все в порядке? Может, померещилось?

Пилот обиделся, бросился в словесную драку.

- А ты попадись ему! Герой... Я посмотрю. Это тебе не с "мессером" в кошки-мышки играть.

- Придется посмотреть, что за штуковина, - улыбнулся Николай и пошел, посвистывая, к домику.

Но рассказ, очевидно, все слушали внимательно, нельзя же не верить товарищу. А все было так, как он говорил.

Созданию реактивной авиации большое внимание уделялось конструкторами высокоразвитых стран, еще до войны. И, уже готовясь к нападению, немцы усиленно форсировали создание принципиально нового самолета. Судя по разведданным, их было два типа - один "летающее крыло" - Ме-163, второй Ме-262, с турбореактивным двигателем.

Обладая небольшим запасом горючего, самолет свободно планировал над своей территорией, затем выбирал удобный момент для атаки. И вот, набрав огромную скорость, которая была в полтора раза больше, чем у обычных поршневых машин, как торпеда, реактивный самолет проносился над нашим строем, обстреливая все, что попадалось на пути. Его добычей становились и штурмовики, которые он подкарауливал на разворотах

при заходе на цель или при выходе из атаки. Атаковал и поврежденные машины, идущие на посадку.

Первым сбил реактивный истребитель летчик Гарри Мерквиладзе, который часто прикрывал нас в бою. Потом, сразу же после воздушного поединка, он рассказал, как это произошло. Увидев, что на него несется реактивный самолет, Гарри схитрил - он подпустил его поближе, затем вильнул в сторону, быстро развернулся, а когда немец, разогнавшись на бешеной скорости, пролетел мимо, влепил в него пулеметную очередь. Гитлеровца погубила скорость: он был лишен возможности маневрировать. Гарри доказал, что не так уж, оказывается, страшен реактивный истребитель с его сумасшедшим разгоном. Разогнавшись,

реактивный самолет не способен на резкий маневр.

Нам же, штурмовикам, бороться с Ме-262 было гораздо труднее.

Одна пара приноровилась перехватывать "ильюшины". С задания поодиночке хоть не возвращайся.

Командир корпуса приказал во что бы то ни стало пресечь эти наглые наскоки.

План придумали простой: меня с напарником решили использовать в качестве приманки, обмануть видимостью легкой добычи.

Как-то утром, часов в восемь, поднял я свой "ил" в воздух. Боекомплект полный, но без бомб. Три пары "яков" набрали высоту до пяти тысяч метров. Я на скорости начал ходить над аэродромом. Вдруг со стороны линии фронта начали расти две серебристые точки. Ведущий Ме-262 пошел в атаку. Маневрируя, дал по нему пушечную очередь. Тут-то и подоспели сверху наши истребители. Атакующий "мессер" стрелой ушел ввысь, а второго наши ребята все-таки накрыли. Фашисту ничего не оставалось делать, как катапультироваться.

Но почему у него не раскрылся парашют? Когда мы подъехали к месту, где упал гитлеровец, то сразу заметили, что парашют оказался законтренным. Значит, летчик заранее был обречен на гибель...

* * *

Предстоящий штурм фашистского логова удесятерял наши силы. Аэродром с утра до вечера был заполнен сплошным гулом: группы штурмовиков по шесть, двенадцать, восемнадцать машин перепахивали бомбами и эрэсами очаги сопротивления, громили уцелевшие самолеты врага на аэродромах.

В эти дни большую партийно-политическую работу проводили заместитель командира полка по политчасти полковник Лапин, парторг капитан Ольшанский, комсорг старший лейтенант Мосеев.

В промежутках между полетами они рассказывали нам о деятельности антифашистского подполья в Германии, доводили до личного состава сводки Созинфррмбюро, читали интересные материалы из газет. Большим авторитетом, как я говорил и ранее, пользовалась наша армейская газета "Крылья победы". Многие летчики вырезали для себя статьи, очерки, стихи, Я до сих пор храню стихотворение старшины Петра Шумского. Вот оно:

Когда я в дом родной вернусь
С войны, в пыли дорог,
Никто не крикнет мне: "Петрусь",
Впуская на порог.

И сколько я ни стану ждать,
Хоть с ночи до утра,
Навстречу мне не выйдет мать,
Не выбежит сестра.
Фашист, я знаю, подлый враг,
Жестоко их убил,
И не найти мне, где их прах,
И не сыскать могил.
Но близок час. И я войду
К убийце в черный дом,
Я палача везде найду,
Чтоб встал он пред судом.

Политработники не только страстным словом зажигали коммунистов и комсомольцев на славные ратные подвиги, но и сами принимали непосредственное участие в боевых операциях, зарекомендовали себя меткими воздушными стрелками.

После вылетов капитан Ольшанский и старший лейтенант Мосеев сразу же по горячим следам проводили беседы с молодыми авиаторами, раскрывали тактические приемы, в боевых листках рассказывали о героической работе летчиков, техников и мотористов, оружейников...

В одном из них шла речь о таком случае.

Как-то с задания возвратился самолет, под крылом которого висел... реактивный снаряд. По-видимому, во время пуска не сошел, с направляющей балки. К месту "происшествия" прибыл инженер-капитан С. Никритин. Он приказал технику А. Лысенко выяснить причину неисправности. Александр осмотрел направляющую балку - все в порядке. Пиропатрон сработал, но воспламенения не произошло. Стабилизатор не погнут...

Лысенко с отверткой начал проверять контакты. И здесь из сопла ударило пламенем. Техник отпрыгнул в сторону, и все увидели, как снаряд, словно живой, пополз на землю носом в сторону стоянки "илов". Что делать? Александр бросился грудью на корпус эрэса и придавил его к земле. Несмотря на обжигающую струю газа (Лысенко получил ожоги), он развернул тело снаряда в сторону от самолетов. Тот отскочил от земли, набрал скорость и, наткнувшись на стену полуразрушенного здания, взорвался...

После причину "несхода" с направляющей балки нашли. Но это детали. Речь идет о высоком мужестве нашего однополчанина, проявившемся в критической обстановке.

Вскоре меня перевели в соседний, 142-й Сандомирский орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского штурмовой авиационный полк, которым командовал Герой

Советского Союза Александр Пантелеевич Матиков. Назначили заместителем командира эскадрильи и штурманом авиаэскадрильи к капитану Николаю Носкову.

В новом полку я сразу подружился с туляком Алексеем Рогожиным мастером штурмовых атак, громившем врагов с тульской ювелирностью, прекрасным спортсменом и человеком. В горячих переделках этот летчик вел себя бесстрашно, всегда готов был идти в огонь и в воду.

Но возвратимся к тем памятным апрельским, дням. Нас всех облетела волнующая весть: идем на Берлин! Мы надели парадную форму, все ордена и медали. В ночь на 16 апреля было зачитано Обращение Военного совета фронта. В нем говорилось, что войскам нашего фронта выпала историческая миссия: захватить столицу фашистской Германии и водрузить над ней Знамя Победы. Пришло время, говорилось в Обращении, подвести итоги страшных злодеяний гитлеровских людоедов на нашей земле и покарать преступников. За нашу Советскую Родину! Вперед, на Берлин!

- Ура!.. Ура!.. Ура!..

Это кричали мы, это кричали наши наполненные ненавистью сердца. Это были голоса погибших товарищей, за которых клялись отомстить.

Это кричали седые матери, отдавшие войне сыновей в их восемнадцать весен, это кричали замученные в лагерях смерти, расстрелянные, истерзанные, поруганные советские люди.

Дело шло к развязке. В свое время "жрец военного искусства" генерал-фельдмаршал Мольтке, особо почитаемый гитлеровцами, утверждал в своих поучениях: "Внезапное появление перед Берлином неприятельской армии невозможно". Ныне Советская Армия стальным кулаком стучала в двери фашистской цитадели, вобрав в себя весь гнев и героизм народов Советского Союза.

* * *

А бесноватый фюрер по-прежнему старался поднять дух у своего воинства ложной патетикой, угрожал и стращал тех, для которых наступал роковой финиш.

Вот что говорилось в одном из последних его приказов: "Солдаты немецкого фронта на востоке!

...Тот, кто в настоящую минуту не выполняет своего долга, действует как предатель своего народа. Полк или дивизия, которые оставляют свои позиции, должны стыдиться женщин и детей, стойко выдерживающих налеты на наши города.

...В том случае если вы знаете того, кто дает приказ на отход, вы должны немедленно его схватить и при необходимости уничтожить на месте, независимо от его чина и звания.

Берлин останется немецким. Вена снова будет немецкой. Европа никогда не будет русской!

В этот час взоры немецкого народа обращены к вам, мои бойцы на востоке, и он надеется только на то, что благодаря вашей стойкости, вашему фанатизму и тому, что вы будете стоять во главе этой борьбы, большевистский натиск захлебнется..."

Тщетны были потуги маньяка, бьющегося в истерике около огромного глобуса. Огненное кольцо вокруг Берлина неумолимо сжималось!

С плацдармов западнее Губена в бой ринулись танковые и механизированные соединения.

С прифронтовых аэродромов поднимались армады штурмовиков, наносящие точные удары в непосредственной близости от наших наступающих соединений, содействуя им в форсировании реки Нейсе. По берегам ее тянулись длинные полосы желтого дыма - штурмовики ставили дымовые завесы. Здесь, выполняя специальное задание, погиб майор Николай Миронович Горобинский. Просто не хотелось верить, что его жизнь оборвется у самого порога победы, такой желанной, пронизывающей все наши мечты от первого вылета до последнего.

Простились мы навсегда и с обаятельным весельчаком и надежным боевым товарищем Анатолием Кобзевым, погибшим чуть раньше при разведке района Мехув - Краков - Тарнув. Не пришел тогда вместе с ним с задания и Павел Баранов.

Основные силы 2-й воздушной армии под командованием генерала Красовского громили с воздуха франкфуртско-губенскую группировку. Этот огромный "блуждающий котел" упорно пытался прорваться на запад и соединиться с 12-й армией, наносившей удар со стороны Беелитца. Работы нам хватало.

В этом городе и его окрестностях пришлось выдержать очень тяжелый бой 12-й гвардейской механизированной бригаде. Вот как о нем вспоминает командир бригады полковник Г. Я. Борисенко.

"Пожалуй, это был один из самых ожесточенных боев, который пришлось вести бригаде на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Накануне, 30 апреля, мы весь день отбивали атаки наступающих с запада соединений 12-й армии противника. К вечеру бой стих, а ночью совсем не слышно было грохота авиационной бомбежки и артиллерийских налетов. Только на окраине города залегшие в обороне цепи уставших бойцов изредка нарушали тишину первомайской ночи, стреляя во вражеских лазутчиков.

Непривычное затишье вызывало какую-то внутреннюю

тревогу, предчувствие близости какой-то опасности. Откуда появилось это гнетущее чувство? Казалось, никаких видимых причин к этому не было. Атаки противника все отбиты. Подхода резервов его не ожидалось. Враг, с которым мы имели непосредственное соприкосновение, не мог предпринять что-либо серьезное, так как понес очень большие потери, и в особенности от ударов нашей штурмовой авиации, действиями которой руководил генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов с моего НП, расположенного на вышке дома бывшего жандармского управления города Беелитц. Вечером со мной говорил генерал Ермаков и предупредил о возможной попытке окруженных в районе Луккенвальде гитлеровцев прорваться через фронт корпуса на соединение с войсками 12-й армии. Но не в этом ли причина беспокойства?

Близился первомайский праздник. Все говорило о скорой победе. И все-таки что-то волновало меня, вызывало тревогу, сказать о которой никому не решался. Однако М.. Д. Кривопиша, заместитель начальника штаба, уловив мое беспокойство, отдал распоряжение о приведении в боевую готовность бригады.

* * *

Брезжил рассвет. Кругом по-прежнему была тишина. Вдруг послышались отдаленные раскаты артиллерийской стрельбы в нашем тылу, и вскоре мне доложили, что штаб корпуса в Цаухвитце отражает сильные атаки противника со стороны Луккенвальде.

Было получено приказание командира корпуса об усилении обороны с тем, чтобы не допустить прорыва гитлеровцев на запад через Беелитц.

Вскоре и в нашей обороне раздалось стрекотание пулемета. Постепенно шум боя стал приближаться, а вскоре разведка донесла о движении в нашу сторону большого количества фашистов.

Нам пришлось сражаться с обезумевшими от фанатичной решимости вырваться на запад гитлеровцами.

Бригада встретила фашистов организованным огнем. Натиск противника, подошедшего к городу, а в районе кладбища даже вклинившегося в наши боевые порядки, отбивали всеми имеющимися у нас средствами. "Катюши" 11-го отдельного гвардейского минометного дивизиона РС, приданного бригаде, стреляли прямой наводкой. Командир дивизиона подполковник И. Г. Мороз и командиры батарей управляли огнем, находясь непосредственно на огневых позициях. Артиллерия, минометы, стрелковое оружие обрушили огонь на врага. Отбивались гранатами.и трофейными фаустпатронами. Дело доходило до

рукопашных схваток. Противник нес огромные потери, однако как одержимый лез на нашу оборону, всячески пытаясь прорваться. Боеприпасы были на исходе. Соседи, 11-я гвардейская механизированная и 68-я отдельная гвардейская танковая бригады, оказать помощь не могли, так как тоже отражали атаки противника. Для бригады создалась напряженная обстановка.

Что делать? Вызвать авиацию? Но ведь гитлеровцы подошли вплотную к городу, непосредственно соприкасаясь с боевыми порядками бригады, обтекали оборону. При таком тесном соприкосновении с противником, когда бой переходил в ожесточенные рукопашные схватки, бомбометание и штурмовка с воздуха могли быть опасны и для нас.

А тем временем соединения 12-й армии активизировались и начали переходить в атаки.

Исходя из оценки сложившейся обстановки, было принято единственно возможное решение вызвать через штаб корпуса поддерживающую авиацию. Вскоре в воздухе, появились бомбардировщики, а затем их сменили штурмовики. Нужно сказать, что славно поработали наши летчики-соколы, особенно штурмовики, которые, действуя на предельно малых высотах, наносили противнику большие потери и прижимали его к земле. За это им большое спасибо".

Франкфуртско-губенская группировка так и не дождалась помощи. Противник, зажатый в железные тиски с земли и с воздуха, лихорадочно метался в лесах юго-восточнее Берлина. Впоследствии взятый в плен командир одного из полков 35-й полицейской дивизии СС на допросе сказал: "Русская авиация не давала нам ни минуты передышки, нельзя было пошевелиться. Я с адъютантом не мог выйти из-под танка, под которым укрылся, и был совершенно лишен возможности управлять боем".

В эти дни в полках часто бывал командир корпуса генерал Рязанов. Он поднимал наш дух, нацеливал на решительные, грамотные в тактическом отношении и вместе с тем расчетливые действия. Советовал в каждой группе иметь ветерана боев, умудренного опытом прицельного бомбометания и противозенитного маневра.

Как и раньше, генерал требовал, чтобы в наземных частях авиаторы имели своих представителей - наводчиков с радиостанциями. У танкистов они, как правило, находились в головной колонне.

Большую помощь в продвижении боевых машин и пехоты оказывала артиллерия. Но как только танкисты вырывались вперед, они лишались артиллерийской поддержки, а своих сил им не хватало для преодоления вр-ажеской обороны в глубине.

Вот здесь на помощь и приходили летчики-штурмовики и истребители.

Сверху мы видели общую картину боя, бомбили и штурмовали заранее указанные цели, не зная порой того, что хочет общевойсковой командир. В таком случае значительную роль играли авиационные наводчики. Они направляли штурмовиков на скопление войск противника, на мосты, переправы, туда, где гитлеровцы спешно организовали оборону на промежуточных рубежах.

Завершая фронтовую страду, на редкость тяжелый бой провел на подступах к Берлину Герой Советского Союза майор А. А. Яковицкий. При подходе к цели на группу Яковицкого буквально навалились "мессеры" и "фоккеры", по числу они вдвое превосходили наших "ильюшиных".

К важному объекту можно подойти, только преодолев прикрытие истребителей противника. Майор Яковицкий, моментально сориентировавшись в сложной обстановке, перестроил группу из пеленга в "змейку". Теперь дистанция между нашими самолетами была примерно 250-270 метров. Первые атаки экипажи "илов", благодаря умелому и слаженному взаимопониманию, успешно отбили. Когда истребители подходили к одному штурмовику, сразу же натыкались на губительный огонь соседей.

Воздушный бой длился минут двадцать. Загорелся один фашистский истребитель, второй, третий, четвертый... А майор Яковицкий в соответствии с обстановкой несколько раз менял боевой порядок группы - "ильюшины" то "змейкой" замыкали круг, то опять вытягивались в "змейку", то отражали атаки противника методом "ножниц" пар.

Измотав гитлеровцев, командир повел своих летчиков к намеченной цели...

* * *

Даже этот эпизод красноречиво говорит, насколько вырос тактический кругозор наших командиров, умение четко ориентироваться в самых неблагоприятных ситуациях.

Меня вызвал на КП полковник А. П. Матиков и передал личное приказание генерала Рязанова: поднять шестерку "илов" и любой ценой подавить заслон юго-западнее Берлина.

Низкие тяжелые облака затянули небо. Шли на высоте 250 метров. Тучи расступились, и я от неожиданности чуть не вскрикнул: вижу замаскированные пушки. Около них суетливо бегала прислуга.

- Атакуем, аллюр три креста, батареи, - приказал ведомым. Посамолетно за мной, в атаку, орлы!

Мы бросили машины вниз. На вражеские огневые позиции упали бомбы, прошили зеленоватое поле эрэсами и пулеметными очередями.

Путь танкам был открыт!

Перед сдачей в плен остатков берлинской группировки генерал С. А. Красовский связался с командованием и попросил разрешения сбросить на Берлин 1 Мая красные знамена с надписями в честь героической победы. Сверху дали "добро".

* * *

...В праздничное утро на полевом аэродроме Альтено выстроились все летчики истребительного полка. На правый фланг - гвардейское Знамя с орденами Кутузова и Александра Невского. Командир Александр Филиппович Косс сообщил всем, что полку доверено выполнить еще одно почетное боевое задание.

- Старший лейтенант Новоселов, выйти из строя! - приказал командир.

Начальник политотдела дивизии Герой Советского Союза Виталий Николаевич Буянов вручил Кузьме Новоселову алое полотнище. Большими буквами на нем было написано "Победа", а в левом углу изображены серп и молот.

- От войск 1-го Украинского фронта вам поручается опустить это знамя нашей Родины над поверженным Берлином, - сказал подполковник Буянов.

- Служу Советскому Союзу! - отчеканил старший лейтенант, принимая знамя.

Механики помогли летчику заложить знамя под посадочные щитки. Поднялись в воздух. Самолеты вели дважды Герой Советского Союза Ворожейкин, Герои Советского Союза Буянов, Косс, Тихонов, Ерко, Песков, Мосин замечательные питомцы гвардейского Оршанского полка.

В 12 часов 45 минут самолет К. Новоселова был над рейхстагом - на высоте восемьсот метров. Летчик открыл щитки. Знамя выскользнуло, развернулось и стало медленно опускаться в центр города. Станция наведения с позывными "Залив Булатов" передала: "Знамя вижу отлично. Да здравствует Победа!" Самолеты долго кружили в дымном небе, а с земли неслось мощное "ура!" под гром салютов.

И наступил день - тихий, весенний, умытый ранними росами. Я уже не помню, кто первым крикнул: "Ребята, победа! Слышите?!"

В застывшей тишине ошалело выщелкивала какая-то птица. Для слуха, привыкшего к постоянному гулу моторов, взрывам, треску, звенящим звукам радиостанг ции, радостные возгласы, беспорядочная стрельба в небо казались прекрасной песней.

* * *

Ночью почти никто не спал. В эфире на всех языках планеты повторяли слово "капитуляция". Небо озарялось всплесками огней. Зенитчики, не жалея снарядов, салютовали в честь победного завершения войны.

И все-таки мы еще подняли в небо свои "ильюшины". И случилось это на следующий день, когда в Карлсхорсте, в двухэтажном здании бывшей столовой военно-инженерного училища, представители фашистской Германии подписали акт о безоговорочной капитуляции. А дело было так.

Празднуя окончание войны, мы собрались на банкет в одном из особняков какого-то бывшего фашистского чиновника, недалеко от Дрездена.

В зале были командиры соединений и полков, Герои Советского Союза. Приехал поздравить нас и командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев, народные артисты Г. Уланова и К. Сергеев. После тостов артисты балета показали нам концертную программу. И тут получилась заминка: сцена оказалась слишком маленькой. Тогда из-за стола поднялся Герой Советского Союза капитан Юрий Балабин и сказал столичным гостям: "Друзья, спускайтесь со сцены к нам и станцуйте. Вон какая территория". Все в зале зааплодаровали.

Через некоторое время к маршалу Коневу подошел полковник, нагнулся и что-то ему сказал. Мы сразу заметили перемену на лице командующего. Он резко встал, посмотрел в нашу сторону и сказал:

- Пока мы салютуем, поднимаем тосты, отказавшиеся капитулировать гитлеровцы продвигаются к нашим союзникам северо-западнее Праги. Ни в коем случае этого нельзя допустить!

По тревоге мы выскочили из банкетного зала, бросились к машинам.

Через какие-то минуты внушительная группа штурмовиков под командованием Героя Советского Союза А. Рогожина вылетела, чтобы надеть "смирительную рубашку" на недобитых гитлеровцев.

По дороге в лихорадочной спешке катились разнокалиберные нагруженные машины, танки, бронетранспортеры, мотоциклы, конные повозки. Сделав по нескольку заходов, расправились мы с ними быстро. Воздух от огня оглушительно гудел и клокотал.

Пикируя и выводя самолеты у самой земли, не думали ни о жизни, ни о смерти. Видели только врага, трусливо бросившегося наутек от неотвратимого возмездия.

После выполнения задания позвонил командующий фронтом: всему личному составу полка он объявил благодарность.

Обслуживая вернувшиеся самолеты, техники лишь покачивали головами: во многих радиаторных соплах застряли срезанные ветви деревьев.

* * *

...В природе происходило что-то символическое: отступили пыль, дым, копоть, и над островерхими крышами засияло солнце. Легкий ветерок играл молодой листвой лип, кленов и берез. Спасенный мир благодарил живых героев и склонял головы перед павшими.

К нам подходили незнакомые люди, спрашивали на разных языках, как попасть на родину из немецкой кабалы.

По-разбитым, запруженным всевозможной техникой улицам брели бывшие военнопленные, узники концлагерей, вчерашняя рабочая сила,с гитлеровских заводов и фабрик, согнанная в Германию отовсюду. Здесь были и мужчины и женщины, молодые и старики, дети... Чехи и итальянцы, французы и поляки, еще недавно носившие ромб с буквой "П" - клеймо рабства. При встрече нас приветствовали поднятыми шапками, взмахами платков, выкрикивали:

- Рус, браво! Гитлер капут!

Наш полк перелетел в Австрию. Оттуда по вызову я уехал в Москву в Военно-воздушную академию, носящую ныне имя Ю. А. Гагарина. Там получил задание: возвратиться назад и передать в корпус документы о наборе Героев Советского Союза в высшие военно-учебные заведения. У командования отпросился на пару дней отыскать сестру, брата, мать.

Сестру Галю нашел в Выборге. Она всю войну проработала в госпитале. От нее же узнал: мама жива, здорова, работает в Красном Селе. С ней и младший брат Сергей. Дали им телеграмму, что выезжаю.

Еду. Все, все вокруг такое близкое, родное! Тоска по дому, по матери, которая все время жила во мне на протяжении фронтовых лет, вдруг уступила место мятежной неудержимой радости. В мыслях представлял встречу с человеком, образ которого днем и ночью стоял перед глазами.

Вышел на перрон. Осмотрелся. Пассажиры растеклись в разных направлениях, а я остался один на перроне. Никого...

Вдруг вижу - идет парнишка. Он как-то внимательно посмотрел на меня, опустил голову и пошел дальше. У меня екнуло сердце.

- Ты кого встречаешь? - спросил я хлопчика. Он пристально окинул меня взглядом с головы до ног, несмело подошел:

- А вы случайно будете не дядя Драченко?

Я остолбенел. Сгреб его в охапку, прижал, волнуясь, к груди:

- Сережа! Брат Сергей! Да какой же я тебе дядя? А где мама?

- Она сейчас на работе... на ферме.

Через час мы мчались на райкомовской машине в колхоз. На ферме в это время обедали. Женщины сразу зашушукались: к Прасковье приехали. Наверное,

старший сын.

И вот мы стоим в столовой друг перед другом. Ни она, ни я не можем вымолвить слова. Мать смотрит куда-то мимо меня, напрягает зрение, будто старается разглядеть что-то далекое-далекое.

- Мама, это же я, Иван, твой сын, - почти застонал от радости и подошел ближе к ней.

- Я вас не знаю. - Она закрыла лицо руками, пошатнулась и упала.

Когда очнулась после обморочного состояния, протянула сухие, вымученные работой руки, сказала:

- Господи, Иван?

О том, что отец погиб на Ленинградском фронте, знал раньше, еще в 1942 году. Но сколько еще бед легло на материнские плечи!

Она и Сергей были в Освенциме - чудовищной фабрике смерти. Мне ли это не понять? А потом в свое имение их увез бауэр Вилли Шульц, отобрав украинок, которые хорошо могут работать. Работали у него вместе с пленным французом и полячкой. Спину гнули на хозяйчика от зари до зари. А кормились вместе с животными. Когда слушал это, у меня все внутри кипело: если бы его встретил!

И встретил. На пути в Австрию я решил проехать через город Зорау. Попросил в комендатуре пару дюжих ребят, переводчика и на "виллисе" решил поехать поискать Шульца, о котором много рассказывала мать. Сейчас трудно вспомнить название той деревни, где жил бауэр, но мы ее нашли в двадцати километрах от Зорау.

Нам указали на добротный дом, очень ухоженный, обвитый плющом. Война, казалось, прошла мимо него. Мы постучали, вошли в просторную комнату, полную каких-то вещей, с потонувшими в полумраке углами. Мужчина прикрутил фитиль лампы, и помню только его дрожащую квадратную челюсть. Жена стояла в стороне, тоже тряслась как в лихорадке. Переводчик сказал, кто мы и как оказались здесь. Хозяин побледнел и словно подкошенный упал на колени. Рядом упала в ноги его жена. Оба в один голос запричитали, проклиная, конечно, Гитлера. Говорили: работать людей заставляли от зари до зари, но не били. От побоев они могут заболеть и плохо будут работать... Я долго

разглядывал хозяина, стараясь понять, откуда в Германии Маркса, Шиллера, Гете, Гутенберга взялись миллионы таких вот шульцев?

В академии проучился около года, но и здесь подстерегала беда: от большого напряжения стал часто воспаляться здоровый глаз. Врачи-окулисты внимательно обследовали меня и вздохнули: "Вам придется оставить академию".

Такого я не ожидал. Как это оставить? Только теперь и время учиться. Но медицина была неумолима.

Подлечился в Ленинграде, но об учебе не забывал. Осенью 1948 года поступил в Киевский государственный университет на юридический факультет, который и окончил в 1953 году.

Сохраните память о нас

Давно отгремели фронтовые грозы, отполыхали зарницы пожаров, остыло горячее небо, обвалились и заросли окопы и блиндажи. В музеях мирно покоятся наши обгоревшие куртки, простреленные шлемофоны, полетные карты, пистолеты, награды...

Смотришь на все это, и в памяти, как живые, встают образы коммунистов и комсомольцев - моих погибших командиров, друзей: заместитель командира полка по политчасти майор Константинов, штурман полка Горобинский, комэски Гришко, Евсюков, летчики Кобзев, Баранов, Кендарьян, Алехнович, Кудрявцев, Иванников, Хохлачев, Боков, Теремков, Черный, Бураков, Колисняк, Маркушин, Шаповалов, воздушные стрелки Саленко, Геводьян, Айзенберг, Савин, Шелопугин, Некиров.

Я видел много смертей - и в воздухе и на земле, - но все-таки не могу поверить, что их, моих ровесников, осталось так мало...

Уже после войны ушли из жизни любимые командиры генералы В. Г. Рязанов, В. П. Шундриков, А. П. Матиков, а недавно маршал авиации С. А. Красовский.

Это о них - живых и мертвых - написал проникновенные слова в своей книге "Жизнь в авиации" наш командарм Степан Акимович Красовскйй: "Мне неоднократно приходилось быть свидетелем высокого мастерства и героических подвигов советских летчиков в битвах под Ростовом, Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, Висле, Одере, под Львовом, Краковом, Берлином и Прагой. Многих из них я знал лично. Это были люди разных национальностей, возрастов и характеров, но одно у них было общим - любовь к своей Родине, народу, Коммунистической партии.

Мужество и патриотизм тысяч летчиков и штурманов, стрелков-радистов и техников, воинов авиационного тыла навсегда запечатлелись в моем сердце. Их самоотверженный

ратный труд служит примером для многих поколений советских авиаторов и нашей молодежи.

Это были воины, не знавшие страха в борьбе с врагом. Я испытываю гордость от сознания того, что служил вместе с ними, шагал в одних рядах по дорогам войны, делил радости побед и горечь неудач. Больно сознавать, что некоторые из них, геройски сражаясь, пали в боях за честь и свободу нашей Родины, но светлый образ мужественных товарищей, прекрасных боевых друзей навсегда останется в моем сердце".

Разлетелись, кто остался жив, однокашники по аэроклубу, училищу, друзья-однополчане. Да разве забудешь их, с кем разделял долгий и крутой путь, освещенный молниями боев, политый кровью и потом, озаренный пламенем сердец, дышавших ненавистью к врагу и сыновней любовью к Родине!

Надолго разошлись наши пути с Евгением Мякишевым, и только гораздо позже, после войны, я разыскал его.

Окончив Тамбовское авиаучилище, Мякишев переучился на бомбардировщик Ил-4 и первые боевые полеты совершил в сентябре 1943 года в небе Смоленщины. А сколько их было потом! Восемьдесят шесть. Сбрасывал бомбы на головы фашистов под Ленинградом, в Заполярье, в Норвегии, Финляндии, Польше, Венгрии, Германии. Закончил войну на Дальнем Востоке.

За время службы подполковник Е. Мякишев освоил двенадцать типов самолетов, летал на реактивной технике в должности старшего инспектора.

В настоящее время живет в Смоленске, работает на авиационном предприятии.

Всю войну в авиационных частях прошел и Александр Маркирьев. После снял армейскую форму и стал летчиком ГВФ. Ныне он - Герой Социалистического Труда.

В канун 20-летия Победы состоялась встреча ветеранов 2-й воздушной армии. Здесь, в Краснознаменной Военно-воздушной академии, я обнял своих друзей-однополчан Героев Советского Союза Николая Полукарова, Николая Киртока, Александра Овчинникова... Н. Т. Полукаров живет сейчас в Туле, преподает в пединституте, Кирток и Овчинников проживают в Москве.

Длительное время в Удмуртии возглавлял республиканский комитет ДОСААФ Герой Советского Союза А. А. Девятьяров. За безупречную и долголетнюю работу он награжден орденами Октябрьской Революции и "Знак Почета".

В Воронеже многие знают любимца нашего полка Героя Советского Союза В. Р. Жигунова, который проводит большую работу по воспитанию нашей молодежи. Там же проживает и бывший начальник оперативного отделения 140-го шап А. Д.

Рыбальченко.

Героем Советского Союза закончил войну Анвар Асадульевич Фаткулин, бывший воспитанник Белорецкого аэроклуба в Башкирии. Сменил заслуженного "ила" на скоростную машину, затем, уйдя с летной службы, работал на командном пункте авиационной части.

Сейчас А. А. Фаткулин - офицер запаса. Живет и трудится в Луцке.

В Аэрофлоте ныне работают бывший комсорг полка Ю. А. Мосеев и бывший летчик А. А. Кострыкин. Первый - в Читинском аэропорту, второй - в Свердловском. Александр Кострыкин отмечен высокой наградой Родины - он Герой Социалистического Труда.

Среди воздушных стрелков мужеством и высоким огневым мастерством отличался старшина А. П. Наумов. Сначала Алексей воевал в пехоте, был минометчиком, после стал воздушным стрелком.

Прошел путь от Белгорода до Праги. Награжден орденами Славы II и III степени. Сейчас А. П. Наумов заместитель начальника геологоразведочной экспедиции в Забайкалье.

Живет в Алма-Ате и находится на пенсии уроженец Костромской области Алексей Смирнов; в Челябинске - Александр Сатарев; в Куйбышеве - Николай Макеев; в Иванове - Леонид Задумов; в ст. Вешенской - Иван Зимовнов; в Новочеркасске - Иван Ефимов (он стал профессором, доктором сельскохозяйственных наук); в Ставрополе - Галина Шундрикова, (Безбатченко); в Волгограде - Георгий Кришталенко; в Ямполе Винницкой области - Василий Синюк...

Часто мы перезваниваемся и с ленинградцем Михаилом Петровым. С ним учились в аэроклубе, оканчивали одно училище, воевали в штурмовом полку. После войны Петров служил в ВВС, был старшим штурманом соединения. Сейчас в Советской Армии служит его сын.

В Киеве тоже есть ветераны нашего 140-го гвардейского штурмового авиационного полка. Среди них - бывший начальник штаба Д. М. Спащанский, инженер полка по вооружению С. Б. Никритин, техник П. И. Золотов, воздушный стрелок К. П. Тюрин, механик А. И. Бродский - художник-график, член Союза художников УССР.

Когда я бывал в Москве, в Центральном военном госпитале ВВС, мне нередко приходилось встречаться с фронтовыми друзьями.

Однажды в коридоре госпиталя увидел Сергея Луганского. Обнялись и сразу оказались в плену воспоминаний. Облюбовали в

парке скамеечку, проговорили до заката.

- А помнишь, как ты, Иван, обрабатывал фашистов во время штурмовок. Бес в тебя, что ли, вселялся?

- А как ты, Серега, "пожарника" завалил?..

Эта история довольно интересная.

Об известном итальянском асе Джибелли нас разведка предупреждала еще перед началом Ясско-Кишиневской операции. К тому времени он уже имел на своем счету более пятидесяти сбитых самолетов: английских, французских, польских... Кое-когда попадались ему в прицел и наши машины. Джибелли прошел через многие воздушные сражения. И вот на Сандомирском плацдарме появился "мессер", выкрашенный в ядовитый красный цвет. На почтительном расстоянии за ним шел и второй "мессершмитт" - его ведомый.

На свободную "охоту" вылетели двое - Сергей Луганский и Евгений Меншутин... Словом, встретили наши асы фашистских гастролеров расправились с обоими!..

Тридцать семь звездочек украсили фюзеляж истребителя дважды Героя Советского Союза С. Д. Луганского, прошедшего путь от учлета Осоавиахима до генерала. Он был предан авиации до конца своей яркой и удивительной жизни...

А потом, еще одна печальная новость потрясла меня - не стало в строю фронтовиков Героя Советского Союза Николая Константиновича Шутта...

Говорят, лучше один раз что-то увидеть, чем десять раз услышать. И это, наверное, так. Я много знал о жизни Германской Демократической Республики из кинофильмов, книг, журналов, встречался с немецкими товарищами, беседовал с советскими туристами, и, естественно, интерес к этой стране все возрастал. Да это и понятно: прошло четыре десятилетия, как мы взяли последний рубеж войны и вписали в книгу истории первую главу о новых отношениях, сложившихся между нашей страной и рабоче-крестьянским государством на немецкой земле.

И вот год 1975-й. Я - почетный гость III фестиваля дружбы молодежи ГДР и СССР. В составе нашей группы были люди заслуженные и известные: генерал армии М. И. Казаков, трижды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации И. Н. Кожедуб, летчики-космонавты дважды Герой Советского Союза Г. Т. Береговой, Герой Советского Союза В. Е. Лебедев, Герой Советского Союза М. В. Кантария, водрузивший Знамя Победы над рейхстагом, знатный метростроевец Н. А. Феноменов.

Подъезжая к Галле - городу, славному не только древними памятниками, но и богатыми революционными традициями, - мы издали увидели арки с транспарантами, праздничные флаги,

красочные плакаты, тысячи юношей и девушек на центральном вокзале, пришедших встретить дорогих гостей. Море цветов, улыбок, многоголосное скандирование: "Дружба - Фройндшафт!"

Мне, ветерану войны, узнавшему боль и горе Родины в тяжкий час испытания, пережившему личную трагедию, было особенно радостно на душе. Да, мы сражались не напрасно. Зерна нашего мужества, стойкости, доброты пали на благодатную почву.

Те торжественные минуты навсегда останутся в памяти каждого, кому посчастливилось быть 14 мая в Галле на стадионе имени немецкого антифашиста Курта Ваббеля.

Под звуки государственных гимнов поднялись флаги Германской Демократической Республики и Союза Советских Социалистических Республик. И с последними звуками на стадион въехал бронетранспортер, доставивший волнующую эстафету - "Огонь Победы".

А над стадионом раздавался взволнованный голос диктора:

"Огонь Победы, - говорил он, - пришел к нам через города-герои Великой Отечественной войны - Ленинград, Москву, Керчь, Минск, Киев, Севастополь, Волгоград, Одессу, Новороссийск, крепость-герой Брест".

Участвуя в митингах, на собраниях, в частных беседах, я понял: немецкие юноши и девушки отчетливо представляют, что такое фашизм, война, каковы ее последствия.

Дружба, единство, солидарность, готовность бороться с темными силами империализма - вот та красная нить, которая проходила через весь фестиваль.

Фестиваль - это яркая палитра событий: радостных; праздничных программ и деловых бесед, песен и танцев, манифестаций дружбы. Но бывали на фестивале минуты, когда воцарялась такая тишина, что были слышны удары собственного сердца.

Мне пришлось участвовать в семинаре по обмену опытом работы между нашими молодежными организациями. Речь шла о научно-техническом прогрессе. Мнения, естественно, кое у кого расходились: одни утверждали, что победу обеспечивает техника, другие - что люди. Пришлось вмешаться в спор: да, техника - большая сила, но без людей она мертва. Она грозна в руках лишь тех, кто безгранично любит свою Родину, свободу, кто готов пожертвовать во имя ее даже самым дорогим - жизнью. А такой человек может быть воспитан только в обществе, где нет места жестокой эксплуатации, частной собственности, антагонизму...

Эту же мысль подтвердил и Николай Алексеевич Феноменов - человек удивительной судьбы. Когда он поднимался на трибуну,

каждый видел, что сделала с этим человеком война.

Его жизнь была чем-то похожа на мою. Когда началась Великая Отечественная война, Феноменов отказался от брони, которая давалась метростроевцам ведущих специальностей, и добровольно ушел на фронт. И в боях ему, как считал Николай, везло. Он сражался в составе 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии. Первое боевое крещение получил на берегу Березины. Осенью сорок первого Феноменов и его боевые товарищи саперы сражались с врагом под Москвой.

Немало испытаний выпало на долю старшего сержанта Феноменова. И ни разу его даже не царапнула вражеская пуля или осколок. "А я заговоренный", - с улыбкой отвечал Николай на шутки товарищей.

И все-таки беда пришла. Случилось это на западном берегу реки Угра.

Работа уже подходила к концу, когда наших саперов обнаружил противник. Взметнулись вверх осветительные ракеты, ударили пулеметы и автоматы фашистов. Рядом взорвался снаряд. Феноменов ничего не видел - перед глазами сомкнулась плотная темнота. Хотел было опереться на руки, но... руки перебило осколками.

Скоро он услышал приглушенную расстоянием русскую речь. Свои!

А потом был полевой госпиталь, в котором Феноменову сразу же удалили один глаз. Надежд на спасение второго глаза тоже было мало. Но один шанс из ста, как сказали ему потом хирурги, все же имелся...

Долгими и безрадостными были дни и ночи, когда в санитарном поезде его вместе с другими тяжелоранеными везли в глубокий тыл - в Ташкент. Сознание угнетал один и тот же мучительный вопрос: как жить дальше слепому и без кистей рук? Ему, воспитаннику Осоавиахима, бывшему альпинисту, мотоциклисту, парашютисту, чемпиону Метростроя по стрельбе!

Более двух лет провел Феноменов в госпиталях. Затем вернулся в Москву. Заключение медиков было суровым: "Полная необратимая потеря трудоспособности. Пожизненная первая группа инвалидности".

Не сдаваться! - такую цель поставил перед собой Феноменов и выстоял, победил.

Он вернулся к любимой работе, стал Героем Социалистического Труда.

Уезжая с гостеприимной земли, мы говорили: "Спасибо, Галле! Спасибо вам, немецкие друзья, за то, что наши мечты воинов-освободителей сбылись!"

На нас, бывших осоавиахимовцев, аэроклубовцев, получивших закалку в оборонном Обществе страны, большое впечатление произвела встреча с председателем ЦК ДОСААФ СССР Героем Советского Союза адмиралом флота Г. М. Егоровым, который дал высокую оценку ветеранам войны и труда, отдающим весь жар своих сердец, опыт и знания будущим защитникам Страны Советов.

Я, как и большинство ветеранов, часто встречаюсь с молодежью, рассказываю ей о нашей юности, опаленной войной, о суровых фронтовых дорогах. Они спрашивают: что же такое мужество? Что такое подвиг? Однозначно тут и не ответишь.

Мужество. Оно заставляет человека поступать именно так, как требует совесть, долг, коммунистическая нравственность.

Мужество - это благородство, помноженное на принципиальность. Это гуманизм, возведенный в норму поведения. Это партийный гуманизм..

Из мужества вырастает подвиг.

В нашей стране подвиг из явления исключительного стал обычным, массовым.

Иногда он подобен яркой, ослепительной вспышке. Порой в этой вспышке сгорает и сама человеческая жизнь, как было у Николая Гастелло, Александра Матросова. Иногда подвиг может продолжаться всю жизнь. Тогда и говорят: жизнь - подвиг. И здесь можно привести десятки примеров.

Достойный своего поколения поступок может совершить лишь тот, кто уже носит в себе заряд, потенциал подвига, человек высоких мыслей и устремлений. И потенциал этот должен жить в человеке всегда.

Готовность к подвигу - высокое, и в то же время естественное у многих людей состояние души. Об, этом я и говорил, выступая на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Среди многих вопросов задают и такой: "А страшно ли было?" На это я отвечаю известными вам словами поэтессы-фронтовички Юлии Друниной. Она написала так: "...Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне".

Да, порой было страшно. И волосы дыбом становились. Но в том-то и дело, что мы находили силы, собирали волю в кулак и преодолевали это чувство.

Война - колоссальное потрясение для страны в целом и для каждого человека в отдельности. Мы пережили это. И мне очень хочется, чтобы нынешнее поколение юношей и девушек знало о войне не так, как знают по учебникам о битве при Фермопилах, на Калке или о сражении у Ватерлоо, а хоть частично пережило с нами то, что пришлось пережить нам. Не просто знали о

миллионах погибших, а жили бы этой памятью - нашей общей памятью.

А. мы помним: раскаленную Курскую дугу, холодную степь Приднепровья, затянутые серыми тучами отроги Карпат, дымные дали земли, где родилась эта, проклятая всеми народами, война...

Помним, как вспыхивала перкалевая обшивка фюзеляжей и крыльев подбитых штурмовиков, как возвращались на родные аэродромы уже мертвые и обгоревшие летчики и воздушные стрелки. Помним тех, кто, рискуя жизнью, прикрывал своих товарищей в бою.

Помним, как предавали своей и чужой земле останки боевых друзей, как плакали над свежими могилами девчонки в погонах, не дождавшиеся своих любимых сержантов и младших лейтенантов. Мы все помним, и не хотим, чтобы все это повторилось снова.

Где-то я прочитал такие слова: "Сохраните память о, нас, и мы ничего не потеряем, уйдя из жизни!"

Этими словами и хотелось бы закончить книгу.